

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 22 № 1 / 2022

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 57

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва)
430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68, оф. 411,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 57

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Mordovia State University)
19, Bakhtin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute
Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий : актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

*Обложка:
И. К. Макаров.
Портрет молодой женщины. 1860-е*

Компьютерная верстка
и художественное оформление *Г. Н. Давыдовой*
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 28.03.2022.
Дата выхода в свет 31.03.2022.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 9,0
Тираж 300 экз. (1-й завод – 150 экз.)
Заказ № 318. Цена свободная

Адрес типографии:

430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24
Типография Издательства
Мордовского университета

*The journal «Russian Journal of the
Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

*The cover:
I. K. Makarov.
The portrait of a young woman. 1860s*

Desktop publishing
and graphic design by *G. N. Davydova*
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 28.03.2022.
Date of publishing 31.03.2022.
Sheet size 70 × 100 1/16
Conventional printed sheets 9,0
Number of copies 300 (1 plant – 150)
Order No. 318. Free price

Address of the Printing House:

24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia.
Mordovia State University Printshop

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наумкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Чулуун Сампилдондов – *главный редактор*, доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaiга60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Вдовин Сергей Михайлович – кандидат экономических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленски Аняжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор, Полтавский национальный технический университет им. Ю. В. Кондратюка, slava-home50@mail.ru (Полтава, Украина)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – член-корреспондент РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylypost@mail.ru (Саранск, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.usakov@gmail.com (Москва, Россия)

Хьёрппе Риитта – доктор социальных наук, профессор, Почетный Президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, *Editor-in-Chief*, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Victor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominique Barjot – Professor, University of Paris IV (Paris, France)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Sergey M. Vdovin – Candidate of Economics, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People’s Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Vyacheslav M. Meshkov – Doctor of Philosophy, Professor, Kondratyuk Poltava National Technical University, slava-home50@mail.ru (Poltava, Ukraine)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rggu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylypost@mail.ru (Saransk, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmets.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.usakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured President of the International Association on Economical History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

Rail’ M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

О. В. Бахлова, И. В. Бахлов

*СЦЕНАРИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ:
ЦЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА 9*

А. Д. Тараскина, Л. Г. Скворцова

*ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В МОРДОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СОВЕТСКИЙ
И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ 27*

ФИЛОСОФИЯ

Д. Б. Казанцева

*СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ 38*

Е. А. Коваль

*ОТНОШЕНИЕ К СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЙ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ
(ЦЕРКОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) 52*

Е. В. Мочалов, Ж. В. Чашина

*РОЛЬ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ЗНАНИЯ 64*

Н. С. Савкин

*ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ:
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ 74*

ПСИХОЛОГИЯ

З. А. Аксютина

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 83

О. И. Кокорева, С. Н. Башинова, И. В. Тараскина

*КОРРЕКЦИЯ НЕГАТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ
У ДЕТЕЙ ТРЕХ ЛЕТ
В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО САДА 97*

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 107

CONTENT

HISTORY

Olga V. Bakhlova, Igor V. Bakhlov

**SCENARIOS OF THE UNION STATE OF BELARUS
AND RUSSIA EVOLUTION:
VALUES AND PRAGMATICS** 9

Alexandra D. Taraskina, Larisa G. Skvortsova

**FEATURES OF NATIONAL EDUCATION IN THE MORDOVIAN REPUBLIC
IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS** 27

PHILOSOPHY

Dina B. Kazantseva

**SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE SPIRITUAL
AND MORAL POTENTIAL OF THE INDIVIDUAL** 38

Ekaterina A. Koval

**ATTITUDE TO SECULAR CULTURE IN THE CONTEXT
OF SOCIAL TEACHINGS OF CHRISTIAN CHURCHES
(CHURCH AND LAW DIMENSION)** 52

Evgeniy V. Mochalov, Zhanna V. Chashina

**THE ROLE OF MORAL EDUCATION IN THE PROCESS
OF MASTERING KNOWLEDGE** 64

Nikolay S. Savkin

POLITICAL EUPHEMISATION: A VIEW FROM SOCIAL PHILOSOPHY 74

PSYCHOLOGY

Zulfia A. Aksyutina

APPROACHES TO STUDY THE CATEGORIAL SYSTEM 84

Oksana I. Kokoreva, Svetlana N. Bashinova, Irina V. Taraskina

**CORRECTION OF NEGATIVE MANIFESTATIONS
IN 3-YEAR-OLD CHILDREN
IN KINDERGARTEN CONDITIONS** 97

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 108

УДК 327(470+571)(476)

О. В. Бахлова¹, И. В. Бахлов²

¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: olga.bahlova@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: bahlov@mail.ru*

Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика

Введение. Союзное государство Беларуси и России (СГБР), как и его страны-участницы, в очередной раз находится перед выбором дальнейшего пути развития. Множественные вызовы и угрозы влияют на постановку и интерпретации многих вопросов, в том числе связанных с аксиологическими параметрами, обуславливая вариативность их решения и повышая необходимость предвидения, предупреждения либо минимизации негативных последствий имеющихся/вероятных рисков ситуаций. Цель исследования – выявить возможные варианты эволюции СГБР как интеграционного формата в ракурсе его геополитического значения и социально-философского смысла в условиях динамично меняющейся внутренней и внешней среды. **Методы.** Исследование базировалось на системном подходе, позволившем рассмотреть СГБР как сложную интеграционную систему. Применялись методы традиционного изучения документов, сравнительного анализа, политической диагностики, сценарного анализа. **Результаты и обсуждение.** Определены ключевые параметры сложности Союзного государства как интеграционного объединения, обоснованы сценарии его эволюции в позитивном и негативном спектре. В качестве генерализованных трендов для них определены углубление интеграции – с широким охватом сфер и секторов интегрирования – и деактуализация двусторонней интеграции с утратой креативности идеи и эффективности интеграционной практики, сужением общего интеграционного поля соответственно. **Заключение.** К наиболее правдоподобным сценариям первой группы отнесен вариант «Белорусско-Российской конфедерации», к наименее допустимым – «Российско-Белорусской федерации» и «Славянской интеграции», хотя их аксиологическая составляющая наиболее очевидна. Среди сценариев второй группы – «Назад в будущее» и «Маргинализация Союзного государства», а также катастрофический вариант. Показаны системные уязвимости, усиливающие перспективы реализации негативных сценариев. Акцентированы непродуманность общей стратегии, идеологии и модели союзного строительства,

несформированность союзного права, зачаточность наднациональности в системе управления Союзного государства, неравновесность рычагов интегрирования, ограниченность инструментария интеграции, элитарность политических коммуникаций, недостаточность общественно-политической поддержки союзного строительства. Сделаны выводы о необходимости обеспечения в российско-белорусской интеграции разумного баланса между ценностями и прагматикой, важности конструктивной и активной работы во внутреннем измерении, солидарного реагирования на внешнее деструктивное воздействие.

Ключевые слова: динамика интеграции, интеграционная система, политическое сообщество, рычаги интегрирования, Союзное государство Беларуси и России, союзное строительство, сценарии интеграции, федерализация, функциональная модель.

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 9–26. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.009-026.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерение».

Olga V. Bakhlova¹, Igor V. Bakhlov²

*¹ National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: olga.bahlova@mail.ru*

*² National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: bahlov@mail.ru*

Scenarios of the Union State of Belarus and Russia Evolution: values and pragmatics

Introduction. The Union State of Russia and Belarus, as well as its participating countries, are once again in their history facing a choice of further development path. Multiple challenges and threats affect the formulation and interpretation of many issues, including those related to axiological parameters, determining the variability of their solutions and increasing the need to anticipate, prevent or minimize the negative consequences of existing/probable risk situations. The purpose of this study is to identify possible options for the evolution of the Union State of Belarus and Russia as an integration format from the perspective of its geopolitical significance and socio-philosophical meaning in a dynamically changing internal and external environment. **Methods.** The study was based on a systematic approach that allowed us to consider the Union State of Belarus and Russia as a complex integration system. The methods of traditional document study, comparative analysis, political diagnostics, scenario analysis were used. **Results and Discussion.** The key parameters of the complexity of the Union State as an integration association are determined, the scenarios of its evolution in the positive and negative spectrum are substantiated. The generalized trends for them are the deepening of integration – with a wide coverage of the spheres and sectors of integration and the deactualization of bilateral integration with the loss of the creativity of the idea and the effectiveness of integration practice, the narrowing of the overall integration field, respectively. **Conclusion.** The most plausible scenarios of the first group include the option of “Belarusian-Russian Confederation”, the least acceptable – “Russian-Belarusian Federation” and “Slavic integration”, although their axiological component is the most obvious. Among the scenarios of the second group are “Back to the Future” and “Marginalization of the Union State”, as well as a catastrophic option. Systemic vulnerabilities that enhance the prospects for the implementation of negative scenarios are shown. The ill-considered nature of the general strategy, ideology and model of union construction, the lack of formation of union law, the rudimentary nature of supranationality in the management system of

the Union State, the imbalance of integration levers, the limited tools of integration, the elitism of political communications, the insufficiency of socio-political support for union construction are emphasized. Conclusions are drawn about the need to ensure a reasonable balance between values and pragmatics in the Russian-Belarusian integration, the importance of constructive and active work in the internal dimension, a joint response to external destructive influence.

Keywords: dynamics of integration, integration system, political community, integration levers, Union State of Belarus and Russia, union construction, integration scenarios, federalization, functional model.

For citation: *Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Scenarios of the Union State of Belarus and Russia Evolution: values and pragmatics. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 9–26 (In Russ.) DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.009-026.*

Funding. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31086 “Challenges and Opportunities for the Union State of Belarus and Russia: Internal and External Dimensions”.

Введение

Союзное государство Беларуси и России (Союзное государство, СГБР) за более чем 20-летнюю историю существования пережило не одну попытку видоизменения интеграционных ориентиров и механизмов. У стран – участниц СГБР – Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ) – до сих пор не сложилось четкого и единодушного понимания модели союзного строительства, хотя некоторые ее контуры и параметры были определены давно¹. Однако практически никогда они не оспаривали ценностное наполнение идеи двусторонней интеграции и интеграционного проекта. Еще в начале пути к добровольному объединению РФ и РБ заявили об опоре на «прочный фундамент общности судеб, исторических корней и традиционной дружбы братских народов, неразрывности их родственных уз, духовной и культурной близости». При этом аксиологический фактор коррелирует с очевидными утилитарными (функциональными) предпосылками и рычагами интегрирования, совпадением

интересов во многих областях, включая геостратегическую, оборонную, экономическую². На современном этапе подобное сопряжение приобретает особую важность ввиду негативных проявлений общемировой трансформации, в том числе нарастающей геополитической напряженности, кризиса моделей и инструментов экономического развития, попыток целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма³. Усиливаются процессы критики и распада неолиберального мейнстрима в глобальной иерархии социальных наук, базирующегося на трех «аксиоматических китах»: господстве Запада, капитализме (свободный рынок) и либерализме (ценность индивидуальной автономии) [7].

В линиях репрезентации позиций РФ и РБ во внешнем измерении импульсы деструктивного воздействия на Союзное государство и страны-участницы чаще всего

¹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. – URL: <https://soyuz.by/dogovor-ozzdaniia-soyuznogo-gosudarstva>. – Загл. с экрана.

² Декларация о дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://soyuz.by/deklaraciya-o-dalneyshem-edinenii-respubliki-belarus-i-rossiyskoj-federacii>. – Загл. с экрана.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/. – Загл. с экрана.

приписываются «коллективному Западу». Таким образом, сохраняется и даже укрепляется настоятельная потребность в многомерной интеграции в рамках Союзного государства, его превращения в мощный, дееспособный центр и полюс силы, а также социокультурного притяжения. Примечательно, что в политическом дискурсе сейчас наблюдается возрождение трактовки Союзного государства как «уникального геополитического проекта», основанного на общих ценностях и отношениях, что корреспондирует с отрицанием полностью и единственно прагматичного подхода к развитию интеграции⁴, который, казалось, возобладавал в российско-белорусских связях в начале 2000-х гг. Вместе с тем реалии настоящего, как и прошлый опыт на фоне глобальной турбулентности [6], побуждают воздерживаться от выдвигания линейных и одномерных версий будущего Союзного государства. Необходимо принимать в расчет и формирование новой идентичности, носящей протестный характер, тенденции неопределенности в управлении, потерю политическими элитами разного уровня прежнего влияния на общественные политические процессы [5, с. 87].

Неопределенность, неустойчивость и даже непоследовательность фиксируются в научной литературе и применительно к Союзному государству, более широко – российско-белорусским отношениям. В зарубежном дискурсе Союзное государство часто рисуется уязвимым для «российского давления», а само оно – неэффективным объединением, и потому РБ рекомендуется диверсифицировать экономику и политику, как и курс в международных делах [16–17; 21]. Многие российские авторы критически либо скептически оценивают

белорусскую политику многовекторности [9–10], но одновременно признают детерминацию интеграционного взаимодействия РФ и РБ политической и иной конъюнктурой. Исследователями предлагаются разные вероятности в обозначенном проблемном поле. Например, Е. Я. Виттенберг допускает три сценария (реальная интеграция РФ и РБ при сохранении суверенитета обеих стран; сохранение статус-кво; осуществление Республикой Беларусь многовекторной политики), считая первый наименее правдоподобным [4, с. 83–89]. А. Н. Спартак акцентирует экономический аспект, выделяя также три сценария (существенное сужение функционала СГБР в условиях дальнейшего углубления евразийской интеграции и расширения компетенции Евразийского экономического союза (ЕАЭС); глубокая заморозка проекта Союзного государства независимо от прогресса евразийской экономической интеграции; принятие долгосрочного политического решения о целесообразности дальнейшего развития формата Союзного государства), причем последний он отнес к наименее вероятным [8]. Тем не менее, события 2020 и особенно 2021 г. таковое пессимистическое допущение, напротив, опровергают. Ведутся сценарные разработки для интеграционных процессов на пространстве СНГ и ценностного измерения союзного строительства, в частности в контексте политики идентичности [2–3]. В области сценарного прогнозирования необходимо учесть результирующую нескольких параметров разных измерений, чтобы сформировать более целостное представление о потенциале совершенствования интеграционной стратегии и интеграционной политики РФ и РБ, при-

⁴ Владимир Андрейченко : будущее Беларуси и России в немалой степени зависит от реализации уникального проекта – Союзное государство [Электронный ресурс]. – URL: https://www.postkomsg.com/news/politika_ekonomika/225367/. – Загл. с экрана.

нятия гибких управленческих решений и упрочения духовно-нравственных скреп наших народов.

Цель данной статьи – выявить возможные варианты эволюции СГБР как интеграционного формата в ракурсе его геополитического значения и социально-философского смысла в условиях динамично меняющейся внутренней и внешней среды.

Задачи: охарактеризовать генерализованные тренды, основные драйверы и перспективы реализации той или иной вероятности в плоскости российско-белорусской интеграции; распределить выделенные сценарии на более и менее правдоподобные (допустимые) в позитивном и негативном спектре; показать направления динамики союзного строительства с учетом ключевых параметров сложности Союзного государства как интеграционного объединения и соотношения материальных и нематериальных факторов.

Методы

В основе исследования – системный подход, позволивший рассмотреть СГБР как сложную интеграционную систему, состоящую из совокупности взаимосвязанных компонентов: сообщества, режима, власти и политического проекта [20].

В теоретико-концептуальном плане принципиально важными явились положения неофедерализма и модернизированного неофункционализма:

– о политическом сообществе, контролирующем использование средств насилия, распределение ресурсов и вознаграждений в обществе, фокусы политической идентификации [12]; об успешном преодолении кризисных условий благодаря равновесию между факторами функционального и идентификационного характера и постепенности в процессе углубления и расширения интеграции [1];

– неоднозначности результатов и вариативности интеграционного процесса – от

расширения интеграционной системы с изменением ее компетенции и трансформации институционального механизма принятия решений до свертывания и индифферентности системы, через «трудные переговоры или временные отступления»; об артикуляции урегулирования кризисов как сути интеграционной динамики [13–15; 18–19].

Применялись методы традиционно изучения документов, сравнительного анализа, политической диагностики. Центральное место принадлежало сценарному анализу на базе «ситуационного» подхода. Был сформирован спектр кратких аналитических сценариев эволюции СГБР, коррелируемых с изменением факторов и тенденций внутривосточной и международной обстановки. Для определения преимуществ и уязвимостей Союзного государства как интеграционного формата использовалась также методика Э. Беста [11].

Главными материалами исследования послужили сведения, размещенные на Информационно-аналитическом портале Союзного государства (<https://soyuz.by>), официальных сайтах Постоянного Комитета Союзного государства (<https://www.postkomsg.com>), Евразийского банка развития (ЕАБР) (<https://eabr.org>), Программы развития Организации Объединенных Наций (<http://hdr.undp.org>).

Результаты и обсуждение

Преимущества («+») и уязвимости («–») СГБР как интеграционного объединения на основе методики Э. Беста освещены в таблице.

Указанные параметры, переплетение множества внутренних и внешних факторов, влияющих на функционирование Союзного государства, разнонаправленность тенденций общемирового развития позволяют обосновать несколько вероятных сценариев его эволюции, располагающихся в позитивном и негативном спектре.

Таблица
Ключевые параметры сложности Союзного государства Беларуси и России* /
 Table
Key parameters of the complexity of the Union State of Belarus and Russia

Ключевые переменные / Key variables	Конкретные показатели / Specific indicators
Количество стран-участниц / Number of participating countries	+ компактность состава, что упрощает управление интеграционным процессом / compact composition, which simplifies the management of the integration process – явная асимметрия статусов, потенциалов и влияния РФ и РБ; ограниченность свободы маневра в СГБР, попытки создания «ситуативных альянсов» за его пределами / clear asymmetry in the statuses, potentials and influence of the Russian Federation and the Republic of Belarus; limited freedom of maneuver in the USBR, attempts to create “situational alliances” outside of it
Относительные размеры участвующих стран / Relative sizes of participating countries	+ обширная пространственная зона охвата процессом интеграции; возможности для наращивания объема и емкости рынка / an extensive spatial coverage area of the integration process; opportunities to increase the volume and capacity of the market – разновеликость стран; сложность пространственной организации, межрегиональное неравенство субъектов РФ, отдаленность многих из них от территории РБ не позволяют им в равной степени участвовать в интеграционном взаимодействии / different sizes of countries; the complexity of spatial organization, interregional inequality of the constituent entities of the Russian Federation, the remoteness of many of them from the territory of the Republic of Belarus do not allow them to equally participate in integration interaction
Уровни развития / Development levels	+ сопоставимость по индексу человеческого развития, нахождение в зоне очень высокого уровня человеческого развития; положительная динамика развития даже в условиях пандемии / comparability in terms of the human development index, being in the zone of a very high level of human development; positive dynamics of development even in a pandemic – разноразность макроэкономических показателей, асимметричность развития по сферам и секторам национального хозяйства / multi-level macroeconomic indicators, asymmetry of development by spheres and sectors of the national economy
Степень реальной взаимозависимости / The degree of real interdependence	+ положительная динамика наращивания взаимного товарооборота; в целом сохраняются доли стран-участниц во взаимной торговле / positive dynamics of increasing mutual trade; in general, the shares of the participating countries in mutual trade remain – гораздо меньший объем товарооборота РФ с РБ по сравнению с объемом внешней торговли со странами дальнего зарубежья, в том числе ведущими активную санкционную политику в отношении как РФ, так и РБ; обеспечение прироста во многом благодаря мировой конъюнктуре, а не взаимным интеграционными усилиям / a much smaller volume of trade between the Russian Federation and the Republic of Belarus compared to the volume of foreign trade with non-CIS countries, including those leading an active sanctions policy in relation to both the Russian Federation and the Republic of Belarus; Ensuring growth is largely due to the global situation, and not to mutual integration efforts

<p>Важность военных альянсов / The importance of military alliances</p>	<p>+ обе страны входят в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); совокупность факторов, в том числе рост вызовов и угроз на западном для СГБР направлении, обуславливает чрезвычайную важность именно военно-политического компонента российско-белорусской интеграции / both countries are members of the Collective Security Treaty Organization (CSTO); a combination of factors, including the growth of challenges and threats in the western direction for the USBR, determines the extreme importance of the military-political component of Russian-Belarusian integration</p> <p>– РБ ограничительно (в силу ст. 18 Конституции) трактует свое участие в коллективных мероприятиях в области безопасности в рамках как ОДКБ, так и СГБР; полностью не сформирована интегрированная система оперативного и командного управления общей группировкой Вооруженных сил (ВС) РФ и РБ; отсутствует стандартизация оснащения ВС, подобно НАТО, в рамках СГБР / the Republic of Belarus restrictively (by virtue of Article 18 of the Constitution) interprets its participation in collective security measures both within the framework of the CSTO and the USBR; the integrated system of operational and command control of the common grouping of the Armed Forces (AF) of the Russian Federation and the Republic of Belarus has not been fully formed; there is no standardization of equipment for the armed forces, like NATO, within the framework of the USBR</p>
<p>Политические рамки / Political framework</p>	<p>+ сходство трактовок вызовов и угроз странами-участницами, стимулирующее к консолидации и солидарности давление внешних акторов, вхождение во все интеграционные объединения региона СНГ и его «интеграционное ядро», координация позиций во внешней политике, традиционные исторические связи, длительное пребывание в общем геополитическом и едином политико-государственном пространстве / the similarity of interpretations of challenges and threats by the participating countries, stimulating the pressure of external actors to consolidate and solidarity, joining all integration associations of the CIS region and its “integration core”, coordination of positions in foreign policy, traditional historical ties, long stay in a common geopolitical and unified political-state space</p> <p>– «верхушечность» политических коммуникаций в СГБР, артикуляция дискурса «суверенности» национального уровня без серьезного обсуждения перспектив «позитивного суверенитета» Союзного государства; различия форм политико-территориального устройства / the “superficiality” of political communications in the USBR, the articulation of the discourse of “sovereignty” at the national level without a serious discussion of the prospects for “positive sovereignty” of the Union State; differences in forms of political and territorial structure</p>
<p>Взгляды, ценности и нормы / Attitudes, values and norms</p>	<p>+ признание геополитической важности и социальной значимости российско-белорусской интеграции, ее многомерности; устойчивость государственных институтов; апелляция к традиционным ценностям и нормам международного права; недопущение ревизии памяти о Великой Отечественной войне и фальсификации истории / recognition of the geopolitical importance and social significance of Russian-Belarusian integration, its multidimensionality; sustainability of state institutions; appeal to traditional values and norms of international law; prevention of revision of the memory of the Great Patriotic War and falsification of history</p> <p>– торможение внедрения наднациональности, обусловленное опасениями «поглощения» Россией Беларуси; несформированность союзной идентичности / inhibition of the introduction of supranationality, due to fears of “absorption” of Belarus by Russia; unformed union identity</p>

Перспективы / Prospects	<p>Расширения состава СГБР: фактически отсутствуют; ранее так или иначе обсуждавшиеся гипотетические возможности присоединения Армении, Молдовы, Кыргызстана, Украины и Союзной Республики Югославия неактуальны по геополитическим, внутривнутриполитическим, экономическим и социокультурным основаниям. В «шоковой» ситуации допустимо расширение СГБР за счет частично признанных и непризнанных республик региона СНГ /</p> <p>Expansion of the composition of the USBR: in fact, none; The hypothetical possibilities of joining Armenia, Moldova, Kyrgyzstan, Ukraine and the Federal Republic of Yugoslavia, previously discussed in one way or another, are irrelevant for geopolitical, domestic political, economic and socio-cultural reasons. In a “shock” situation, it is permissible to expand the USBR at the expense of partially recognized and unrecognized republics of the CIS region</p>
	<p>Углубления интеграции в формате СГБР: позитивный сценарий наиболее вероятен в социально-экономической, в меньшей степени – в культурно-гуманитарной и военно-политической сферах. Федерализация Союзного государства маловероятна, но ее драйвером может послужить чрезвычайное обострение внутренней и внешней обстановки, усиливающее эффект «фрустрации» /</p> <p>Deepening integration in the USBR format: a positive scenario is most likely in the socio-economic, to a lesser extent – in the cultural, humanitarian and military-political spheres. The federalization of the Union State is unlikely, but its driver could be the extreme aggravation of the internal and external situation, which intensifies the effect of “frustration”</p>

* Составлена по: Информационно-аналитический портал Союзного государства (<https://soyuz.by>); официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства (<https://www.postkomsg.com>); Программа развития Организации Объединенных Наций (http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf).

Сценарии позитивного спектра увязываются с новыми возможностями решения интеграционных целей и задач в контексте реализации национальных интересов стран-участниц и чаяний их народов, стабилизации внутренней и международной обстановки, обеспечения международной, региональной, союзной и национальной безопасности. Общий генерализованный тренд – углубление российско-белорусской интеграции. Различия касаются ее теоретико-концептуальной конструкции, степени и охвата сфер, секторов и рычагов интегрирования. Принимались в расчет вероятные различные состояния компонентов интеграционной системы СГБР.

1. Федералистский сценарий – создание «Российско-Белорусской федерации» (РБФ). Предполагает не просто имплементацию Договора 1999 г., но выход за его рамки в сторону усиления наднациональ-

ных элементов. Драйверы сценария – достижение широкого и прочного консенсуса между РФ и РБ, их элитными группами на фоне дальнейшего осложнения внутренней и внешней среды; повышение общественной активности на союзном уровне, стимулируемое и поощряемое обеими странами, их властями; демонстрация и трансляция положительного опыта интеграции в рамках СГБР, осознание населением непосредственных преимуществ взаимной интеграции в контексте «новой регионализации». Просматриваются две версии этого сценария:

– «верхушечная федерация», когда фактически произойдет лишь интеграция основных элементов политических систем РФ и РБ, а точнее – правящих элит, при одновременном соблюдении юридических процедур оформления государственно-политического единства (например, посред-

ством организации референдумов в РФ и РБ); предполагает концентрацию субъектов процесса и его акторов на принудительных и утилитарных (преимущественно воплощающихся в категориях «размена» между группами интересов) рычагах интегрирования и уязвимость средств идентификации ввиду слабой информационной и символической политики, кризиса/размывания традиционных ценностей и невозможности сформулировать прочную консолидирующую «большую идею» как внутри обоих интегрирующихся государств, так и в рамках СГБР; сценарий более вероятен в нестабильной и деструктивной внешней среде; с политической точки зрения может стимулироваться стремлениями правящих элит как в РБ, так и в РФ сохранить прежние властные позиции в ситуации нарастающих вызовов извне и изнутри (например, вследствие новых попыток «цветных революций»);

– «реальная федерация», основывающаяся не только на устойчивом пакте элит, но и на масштабной общественной поддержке. Данный вариант – крайний «идеальный образ», мыслимый скорее на долгосрочную перспективу. Требуется длительной и постоянной работы на разных направлениях и непременно – внутренней социально-политической солидарности, поддержки идеи и процесса российско-белорусской интеграции в политическом сообществе СГБР и обществах стран-участниц, вовлечение разнообразных общественных объединений, регионов, выступающих как полноценные агенты интеграции, благоприятной внешней среды. Предусматривает сбалансированность рычагов интегрирования, перемещение фокуса политической идентификации и социальной лояльности на уровень Союзного государства, формирование новой системы власти и управления (включая президента Союзного государства, союзный парламент и др.), интегра-

ционного права, с установлением принципа его верховенства по отношению к национальному праву. Допускает создание значительного числа союзных политических партий, участвующих в выборах в союзные органы. Предварительно должны быть решены сложные вопросы внутри- и межгосударственного уровня (в том числе по содержанию и проведению конституционной реформы в РБ, выбору модели РБФ (симметричная двусубъектная, асимметричная и т. д.). Препятствия федерализации – абсолютизация государственного суверенитета; низкий уровень интеграции политических и правовых систем; асимметрия статуса и потенциалов РФ и РБ, консервирующая стереотипы «иждивенчества» Беларуси и ее «поглощения» Россией; относительно небольшой процент сторонников подобного варианта в обеих странах, если судить по результатам соцопросов; «отвлекающие» факторы, обуславливающие рассредоточение приоритетов интеграционной политики (прежде всего для РФ).

2. Промежуточным/предшествующим вариантом может быть «Российско-Белорусская конфедерация» (РБКФ), доказывающая полезность и успешность, что детерминирует дополнительные осознанные побуждения к федерализации. Тяготеет к «статус-кво плюс». Необходимые условия реализации – взаимная потребность друг в друге; спрос на интеграцию в формате Союзного государства гражданами стран-участниц разных возрастных групп, включая молодежь; укрепление предпосылок «перелива» положительных результатов двусторонней интеграции на новые сферы и сектора; складывание эффекта «обобщения успехов». В целом вариант корреспондируется с достижением целей и задач по Договору 1999 г., хотя на практике, учитывая пакет решений от 4 ноября 2021 г., в большей степени будет ориентирован на его адаптацию или ревизию сообразно меняющимся

обстоятельствам. По-прежнему в интеграционной повестке будет присутствовать «дискурс суверенности», актуальный для обеих стран. В системе политических коммуникаций продолжают доминировать элитные группы и правительственные акторы и агенты. Наднациональный (союзный) уровень политического сообщества будет нуждаться в совершенствовании. Система власти и управления может быть приближена к системе, подразумевавшейся в Договоре 1999 г., но перспективы создания союзного парламента в рамках данного сценария туманны.

Два первых сценария в плоскости интеграционных процессов на пространстве СНГ будут означать утверждение СГБР в качестве однозначно привилегированного интеграционного формата для РБ и РФ, а также модельной интеграционной площадки по выработке и апробированию различных инициатив и проектов для всего региона Содружества. Однако сценарий РБФ может одновременно восприниматься другими странами СНГ и их элитными группами как настораживающий и сопрягаться с опасностью перетекания федералистского сценария в «имперский», соответственно, с риском сужения сферы собственного контроля.

3. «Сообщество безопасности России и Белоруссии» (СБРБ) – углубление интеграции с акцентом на военно-политической и внешнеполитической сферах в ситуации эскалации общих вызовов, угроз и рисков в области безопасности. Будут внедрены новые интеграционные инструменты, вероятно, по аналогии с инструментами Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Европейского Союза (ЕС). На территории РБ будут размещены дополнительные элементы российской военной инфраструктуры (авиабаза, пусковые установки наземного базирования и др.). Допустимо существенное расшире-

ние общей группировки войск (сил) РФ и РБ. Требуется снятие ограничений конституционно-правового характера для военно-политической интеграции, значительные финансовые и политические ресурсы. Формат СБРБ вполне может быть совместим с ОДКБ, продолжая выступать ядром системы коллективной безопасности в Восточноевропейском регионе. Вместе с тем в экономической области ведущие позиции могут быть заняты ЕАЭС – ввиду необходимости концентрации ресурсов РБ и РФ на определенном векторе и невозможности быстрого и эффективного их продвижения на подразумеваемых 28 магистральных направлениях союзного строительства. Ожидаема артикуляция принудительных рычагов интегрирования.

4. «Экономический и валютный союз России и Белоруссии» (ЭВСРБ) – сосредоточение приоритетных усилий РБ и РФ на экономической области. Предполагает относительную геополитическую и внутривалютную стабильность. С другой стороны, сценарий может стимулироваться усиливающимися социально-экономическими разрывами общемирового и регионального уровня, а также ротацией правящих элитных групп в одной или обеих странах – участницах СГБР. Новые властные элиты в целях предупреждения политических рисков, связанных с обвинениями в «сдаче суверенитета» (РБ) или «побуждении к интеграции», «неоимпериализме» (РФ), будут демонстрировать приверженность прагматическому подходу к интеграции, без ее «перелива» на политическую сферу. При незначительных рокировках правящих элит допустимы большая степень ориентации на уже принятый пакет решений от 4 ноября 2021 г. и возобновление обсуждения перспектив валютной интеграции. В соотношении с другими интеграционными объединениями региона ЭВСРБ может восприниматься как более продви-

нутый формат в сравнении с ЕАЭС, однако уступающий в значимости ОДКБ, поскольку военно-политическая сфера уйдет на задний план.

Третий и четвертый варианты в большей степени сопрягаются с установками модернизированного неофункционализма и неофункционализма соответственно. В СБРБ возобладают большая (высокая) политика, в ЭВСРБ – малая (низкая). Каждый из вариантов означает неравновесность структуры интеграционной системы. Однако оба рассматриваются как позитивные, так как означают сохранение эксклюзивности идеи российско-белорусской интеграции, по крайней мере в определенных областях.

5. «Славянская интеграция» – достаточно популярный в конце 1990-х гг. проект, базирующийся на идее объединения восточнославянских народов. В 2000-е гг. подвергся политическому забвению вследствие прежде всего охлаждения российско-украинских отношений. Украинский кризис нанес едва ли не решающий удар по нему. В июле 2021 г. проект, по сути, был политически реанимирован в президентском и официальном дискурсе РФ⁵. В свою очередь президент РБ неоднократно ратовал за «славянскую идею»⁶. В текущей ситуации данный сценарий, тем не менее, остается маловероятным. Пространственные рамки его реализации могут охватить не всю территорию Украины, а области Донбасса – непризнанные Луганскую и Донецкую республики, в самом оптимистическом варианте – и иные ее юго-восточные области, Новороссию. Данный

сценарий предусматривает акцент на принудительных и идентификационных рычагах. Последние могут интерпретироваться даже как приоритетные, с апелляцией к духовному единству, братским узам и т. д. Воплощение в жизнь данного сценария допустимо на фоне эскалации украинского кризиса и дальнейшей деградации киевского режима при условии достижения полной солидарности между РФ и РБ по украинскому вопросу и статусу Крыма, а также устойчивости политических режимов в обеих странах – участницах СГБР. «Славянский» сценарий может сочетаться с вариантами РБФ и СБРБ, означающими разную степень интеграции указанных территорий в союзное пространство. Еще одна вероятная модификация – «СГБР плюс», которая может трактоваться по аналогии отношений РФ с Абхазией и Южной Осетией. Вместе с тем опора на «славянскую идею» как фундамент глубокой интеграции непосредственно для России может повлечь за собой этнополитические риски ввиду сложного состава населения. В теоретико-концептуальном плане данный сценарий более мыслится в неофедералистском ракурсе.

Сценарии эволюции Союзного государства в негативном спектре коррелируют с сужением коридора возможностей для поступательного развития интеграции в рамках СГБР и появлением/возрождением альтернативных интеграционных проектов, представляющихся РФ и РБ, их политическим акторам, населению более привлекательными или полезными.

⁵ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>. – Загл. с экрана ; Стратегия национальной безопасности...

⁶ См., например: Встреча с представителями общественности и экспертного сообщества, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом» [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-i-ekspertnogo-soobshchestva-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-20590>. – Загл. с экрана ; Встреча с представителями украинских СМИ [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predstaviteljami-ukrainskix-smi-22081>. – Загл. с экрана.

1. «Назад в будущее, или Имитация интеграции» – фактически «статус-кво минус». Его характеристики – декларативность заявленных интеграционных ориентиров, невыполнение пакета интеграционных решений, торможение по другим перспективным направлениям, применение тактики «ситуативных альянсов». Сопрягается с активностью коммуникаций между представителями элитных групп, стремящихся посредством имитации интеграции сохранить собственные властные позиции либо получить дополнительные выгоды благодаря тем или иным комбинациям и маневрам. В плоскости интеграционной политики предполагает возобновление многовекторности. Для России сам по себе проект СГБР не будет представлять особого интереса, но формально будет позиционироваться как стратегически важный. Белорусская сторона вернется к продвижению идеи «интеграции интеграций» и тактике «двух/трех стульев». Сценарий предусматривает значительную вариативность. Он может подталкиваться как действиями обеих сторон – российской и белорусской, так и одной из них. В первом случае и РФ, и РБ, элиты обеих стран не будут сильно нуждаться в СГБР, так как их собственное положение значительно стабилизируется, нивелируется влияние внутренних и внешних рисков. В то же время Союзное государство останется одним из фокусов дискурсивных практик и «резервных» геополитических инструментов на случай нового ухудшения ситуации. Второй вариант может быть следствием улучшения ситуации для одной стороны и, напротив, ухудшения – для другой. Например, произойдет нормализация отношений РБ с западными акторами, которые пойдут на легитимацию А. Г. Лукашенко в целях нанесения серьезного удара по России. Допустим, при отсутствии реального конкурента А. Г. Лукашенко во внутриполитическом поле, согласия населе-

ния с сохранением прежнего режима либо его индифферентности – и к белорусскому лидеру, и к идее интеграции с Россией. В свою очередь нормализация отношений РФ с коллективным Западом или его ведущими акторами в отдельности (США, ЕС, Германией и др.), достижение компромиссов или «разменов» между ними может подвигнуть российское руководство к отказу от попыток стимулирования Союзного государства и поддержки белорусского режима. Условия воплощения данного варианта во многом аналогичны условиям для белорусской стороны – воспроизводство прежней элиты, ее костяка, безразличия населения к проекту СГБР, финансовые сложности, не позволяющие сохранять «подпитку» РБ на прежнем уровне, нежелание по разным причинам прибегать к средствам ее «принуждения» к интеграции. Данный сценарий более тяготеет к одномерно трактуемой федералистской модели интеграции, подразумевающей абсолютизацию фактора политических элит, либо – к теории межправительственной интеграции.

2. Сценарий дальнейшей прагматизации интеграционного взаимодействия, не способствующий легитимации интеграции через ценностные индикаторы. Поддерживается утратой эмоциональной близости народов РФ и РБ, объективной необходимостью диверсификации внешнеторговых и иных контактов, кризисом традиционных ценностей, общих духовных и исторических скреп. К тому же внешнее измерение политики идентичности РФ и РБ артикулирует скорее не плоскость интеграционного взаимодействия, а поддержку и защиту соотечественников за рубежом. Сценарий может быть перенаправлен в позитивное русло благодаря концентрации на утилитарных рычагах интегрирования, но их применение не должно быть подвержено конъюнктурным мотивам. В этом ракурсе аксиологический компонент взаимоотношений может

быть истолкован прагматично без лишних рисков для российско-белорусской интеграции, прежде всего через доказывание практикой действительных преимуществ для граждан обеих стран внутри интегрированного пространства. Положительная модификация сценария увязывается как с внутренними для Союзного государства факторами, в том числе большим объемом взаимного товарооборота, инвестиционной привлекательностью, многочисленностью русской и белорусской диаспоры на территориях РБ и РФ соответственно, так и с внешними – относительно благоприятной внешней средой, неконкурентностью других интеграционных форматов, инициируемых внешними акторами (того же Восточного партнерства). Обоснование сценария может исходить из неофункционалистской логики.

3. «Развитие вспять», основанный на сужении компетенции СГБР, легализованной в решениях его высших органов. Предполагает отказ от многомерного понимания интеграции и при этом, по сравнению с названными ранее сценариями позитивного спектра, не допускает возможности ее углубления на одном или нескольких направлениях. Свертывание интеграции в определенной сфере либо сферах может повлечь за собой цепную реакцию. Однако официально представители национальных и союзных органов будут демонстрировать стремление сохранить данный проект со ссылками на его актуальность, социокультурную, геостратегическую ценность. Драйвером может выступать недостаточность ресурсов для воплощения в жизнь продвинутых интеграционных решений. Отличается от первого сценария меньшей значимостью политических факторов взаимодействия и узаконением сворачивания интеграции. Может базироваться на установках, близких теории формальной интеграции.

4. «Маргинализация Союзного государства» как интеграционного формата, его «растворение» среди других интеграционных объединений с участием РФ и РБ. Может быть продолжением предыдущих сценариев при условии следования ведущих субъектов и акторов наметившейся ранее логике поведения. В худшем варианте предполагает крайнюю формализацию СГБР, по сути, его существование как ничего не значащей фикции в силу привычки либо внутривнутриполитических потребностей. В отличие от предыдущего сценария произойдет дезавуирование важности Союзного государства и в официальном дискурсе обеих стран-участниц. В лучшем случае СГБР будет восприниматься как одно из интеграционных объединений региона СНГ наряду с ЕАЭС, ОДКБ, фактически инкорпорированное в их системы. Может стимулироваться разочарованием в СГБР, неэффективностью интеграционного взаимодействия в нем. В теоретико-концептуальном ключе не предусматривает внятности и четкости идентификации.

5. «Крах Союзного государства» – катастрофический сценарий. Сопрягается с той или иной степенью ухода РБ из зоны интеграционного притяжения РФ, ее переориентации на иные ценности, например общеевропейские/евроатлантические. Сценарий будет означать и крах конструкта союзной идентичности. В более мягком варианте РБ может принимать ограниченное участие в СНГ («туркменская модель») либо даже в ОДКБ и ЕАЭС, но на особых условиях. В более жестком варианте – окончательно покинет все «пророссийские» объединения, выберет путь интеграции в ЕС и НАТО. Драйверы катастрофического сценария в целом – эскалация взаимного недопонимания, разрушение элитного пакта, вмешательство внешних игроков, цветные революции, резкое ухудшение положения России, что приведет к утрате ее привле-

кательности для белорусского руководства, и не только «роевропейского». Данный сценарий не корреспондируется с определенной моделью/теорией интеграции. В большей степени он подталкивается уязвимостями не теоретического, а гео- и внутривполитического (множественностью рисков, гиперлиберализацией элит) характера.

Заключение

Наиболее правдоподобным сценарием в позитивном спектре видится сценарий «Белорусско-Российской конфедерации» при условии сохранения текущих тенденций, вызовов и угроз как странам-участницам, так и Союзному государству в целом. Он является довольно нейтральным в аксиологическом смысле, допускает изрядную долю прагматизма, но в то же время не отвергает комплексности и многомерности идеи и практики. Наименее вероятными представляются сценарии «Российско-Белорусской федерации» и «Славянской интеграции» или какой-либо модификации последнего сценария, построенной исключительно вокруг ценностных оснований и духовных смыслов. В то же время с точки зрения геополитической, социальной и духовной значимости гармоничным выглядит именно трудноосуществимый сценарий РБФ.

Среди сценариев негативного спектра к правдоподобным в первую очередь можно отнести сценарии «Назад в будущее» и «Маргинализация Союзного государства», поскольку во многом они воспроизводят уже сложившиеся алгоритмы поведения стран-участниц, их элитных групп и дискурсивные практики официального уровня в период, предшествовавший белорусскому кризису 2020 г. Катастрофический вариант на данный момент и ближайшую перспективу – наименее вероятный из обозначенных сценариев.

Катализатором усиления вероятности осуществления сценариев негативного спектра могут быть постоянные систем-

ные «стрессы» как деструктивные факторы двусторонней интеграции, обусловленные недостаточной поддержкой режима системы СГБР со стороны политического общества, чрезмерности его требований или их неудовлетворения, а также иными системными уязвимостями, включая непродуманность общей стратегии, идеологии и модели союзного строительства; несформированность союзного права – «организационного кода», в котором преобладают неформальные и ситуативные правила; доминирование национальных органов власти и зачаточность наднациональности в системе власти и управления СГБР; неравновесность рычагов интегрирования, ограниченность инструментария интеграции; элитарность политических коммуникаций внутри Союзного государства; недостаточность поддержки союзного строительства коллективно действующими лицами (политическими партиями и др.), населением обеих стран. Внутренние импульсы, в идеале призванные способствовать утверждению наднациональных стереотипов и стандартов, на деле в большей степени предназначены укреплять «дискурс суверенности» и препятствуют политической интеграции и ее углублению в целом. Считаем чрезмерно подвижным политический проект Союзного государства как интеграционного объединения, материализующий его задачи как интеграционной системы непоследовательно и фрагментарно.

Полагаем, что серьезное изменение внутренних и внешних обстоятельств в последние годы для РФ и РБ, всего СГБР не отменяет альтернативности и подвижности процесса российско-белорусской интеграции. Даже полная реализация пакета интеграционных решений 2021 г. не будет означать линейности в плане осуществления стратегических ориентиров, заложенных Договором 1999 г. По сути, эти решения усилили предпосылки для транс-

формации модели Союзного государства скорее на началах функционализма, нежели федерализма. С другой стороны, для воплощения подобной модели нет полного комплекса структурных и прочих условий.

Разумеется, нельзя «привязывать» союзное строительство лишь к моделям и практикам, апробированным в большей степени в плоскости европейской интеграции: велики различия в «стартовых возможностях», стимулах и движущих силах, политических и экономических системах интегрирующихся государств. Российская Федерация и Республика Беларусь обладают несомненными преимуществами по сравнению со странами, ставшими членами Евросоюза, – социокультурной однородностью и опытом пребывания в едином политико-государственном пространстве. Однако пример Украины показывает, что они не устраняют дезинтеграционных побуждений. Потому необходимо обеспечить разумный баланс между ценностями и прагматикой, не сосредоточиваясь толь-

ко на одной опоре интеграции, а также не забывать о важности общественной поддержки российско-белорусской интеграции, не превращая ее в «интеграцию элит/режимов/президентов». Работа «внутри» Союзного государства может существенно сгладить негативное влияние внешних акторов, не заинтересованных в успехе союзного строительства, сплочении РФ и РБ. С другой стороны, Союзное государство не должно «выпадать» из общего русла интеграционных процессов в регионе СНГ. Оно может стать, как и задумывалось, передовой площадкой генерирования и апробации интеграционных проектов для других объединений в рамках Содружества, не растворяясь в них. Насущны демонстрация солидарности в области внешней политики и безопасности, а также совместное оперативное реагирование на внешнее деструктивное воздействие. В совокупности названные факторы способствуют укреплению предпосылок для реализации позитивных сценариев.

Список источников

1. *Арах М.* Европейский Союз : видение политического объединения. – М. : Экономика ; Arah Consulting, Rosinvest, 1998. – 467 с.
2. *Бахлова О. В.* Интеграционная политика России в регионе Содружества Независимых Государств : возможности, оценки, перспективы // Регионоведение. – 2017. – Т. 25. – № 4. – С. 482–511.
3. *Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России) // Регионоведение. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 723–753.
4. *Виттенберг Е. Я.* Двадцать пять лет Сообществу России и Беларуси : итоги и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2021. – № 3. – С. 63–90.
5. *Камышанов В. И.* Фрагментация глобализации как вызов устойчивому развитию : фактор идентичности // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2021. – № 1 (42). – С. 78–90.
6. *Лебедева М. М.* Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов : сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 10–21.
7. *Мартыанов В. С., Фишман Л. Г.* Социальные науки и глобальная турбулентность : перезагрузка мейнстрима // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 1. – С. 100–113.
8. *Спартак А. Н.* Направления и сценарии взаимодействия России и Беларуси в формате Союзного государства // Вестник Института экономики РАН. – 2016. – № 3. – С. 154–156.
9. *Суздальцев А. И.* Республика Беларусь : эволюция политики балансирования между Союз-

- ным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 1 (109). – С. 193–232.
10. Эттингейн В. А., Вильчинский А. С. Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 1 (3). – С. 22–34.
  11. Best E. Capacities for regional integration : Conceptual framework for comparative analysis // Free trade and agreements customs unions : Experiences, challenges and constraints / M. O. Hosli, A. Saether (eds.). – Maastricht, 1997. – P. 51–75.
  12. Etzioni A. Political Unification Revisited : On Building Supranational Communities. – Lanham : Lexington Books, 2001. – 412 p.
  13. Haas E. Technocracy, Pluralism and New Europe // A New Europe? / ed. S. Graubard. – Boston, 1964. – P. 62–86.
  14. Haas E., Schmitter Ph. C. Economics and Differential Patterns of Political Integration : Projections about Unity in Latin America // International Organization. – 1964. – Vol. 18. – No. 4. – P. 705–737.
  15. Lindberg L. Political Integration as a Multidimensional Phenomenon Requiring Multivariate Measurement // International Organization. – 1970. – Vol. 24. – No. 4. – P. 649–731.
  16. Newnham R. Russia and Belarus : economic linkage in a patron-client relationship // Journal of Belarusian Studies. – 2020. – Vol. 9. – No. 1. – P. 3–26.
  17. Polglase-Korostelev G. The Union State : a changing relationship between Belarus and Russia // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 38–46.
  18. Regional Integration : Theory and Research / ed. by L. N. Lindberg, S. A. Scheingold. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1971. – 427 p.
  19. Schmitter Ph. C. A Revised Theory of Regional Integration // International Organization. – 1970. – Vol. 24. – No. 4. – P. 836–868.
  20. Soldatos P. Le systeme institutionnel et politique des communautés europeennes dans un monde en mutation. Theorie et pratique. – Bruxelles, 1989. – 305 p.
  21. White S., Biletskaya T., McAllister I. Belarusians between East and West // Post-Soviet Affairs. – 2016. – Vol. 32. – No. 1. – P. 1–27.

References

1. Arah M. The European Union: a vision of political unification. Moscow; 1998; 467 p. (In Russ.)
2. Bakhlova O. V. Integration policy of Russia in the region of the Commonwealth of Independent States: opportunities, estimates, prospects. *Regionologija = Russian Journal of Regional Studies*. 2017; 25(4): 482–511. (In Russ.)
3. Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Identity Politics in the Context of Nation Building and Integration-Oriented Interaction : The Case of the Union State of Belarus and Russia. *Regionologija = Russian Journal of Regional Studies*. 2020; 28(4): 723–753. (In Russ.)
4. Vittenberg E. Ya. The Twenty-Fifth anniversary of the Community of Belarus and Russia. Achievements and outlooks. *Vestnik RGGU. Serija: Evrazijskie issledovanija. Istorija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija = RSUH / RGGU Bulletin. Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations Series*. 2021; 3: 63–90. (In Russ.)
5. Kamyshanov V. I. Fragmentation of Globalization as a Challenge to Sustainable Development: Identity Factor. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi" = Scientific journal "Discourse-P"*. 2021; 1(42): 78–90. (In Russ.)
6. Lebedeva M. M. Political Organization of the World in the Context of Contemporary Megatrends : Scenarios of Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021; 26(3): 10–21. (In Russ.)
7. Martianov V. S., Fishman L. G. Social sciences and global turbulence : rebooting the mainstream. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija = World Economy and International Relations*. 2021; 65(1): 100–113. (In Russ.)

8. *Spartak A. N.* Fields and scenarios of Russia and Belarus interaction in the framework of the Union State. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2016; 3: 154–156. (In Russ.)
9. *Suzdaltsev A. I.* The Republic of Belarus : the evolution of the policy of balancing between Union State of Belarus and Russia and Eurasian Economic Union. *Aktual'nye problemy Evropy* = Current Problems of Europe. 2021; 1(109): 193–232. (In Russ.)
10. *Epshteyn V. A., Vilchinskii A. S.* Major sticking points on the way of integration between Russia and Belarus. *Mir russkogovorjashhih stran* = World of Russian-speaking countries. 2020; 1(3): 22–34. (In Russ.)
11. *Best E.* Capacities for regional integration : Conceptual framework for comparative analysis. Free trade and agreements customs unions : Experiences, challenges and constraints' / By M. O. Hosli, A. Saether. Maastricht, 1997, P. 51–75. (In Eng.)
12. *Etzioni A.* Political Unification Revisited : On Building Supernational Communities. Lanham, 2001, 412 p. (In Eng.)
13. *Haas E.* Technocracy, Pluralism and New Europe. A New Europe? / By S. Graubard. Boston, 1964, P. 62–86. (In Eng.)
14. *Haas E., Schmitter Ph. C.* Economics and Differential Patterns of Political Integration : Projections about Unity in Latin America. *International Organization*. 1964; 18(4): 705–737. (In Eng.)
15. *Lindberg L.* Political Integration as a Multidimensional Phenomenon Requiring Multivariate Measurement. *International Organization*. 1970; 24(4): 649–731. (In Eng.)
16. *Newnham R.* Russia and Belarus : economic linkage in a patron-client relationship. *Journal of Belarusian studies*. 2020; 9(1): 3–26. (In Eng.)
17. *Polglase-Korostelev G.* The Union State : a changing relationship between Belarus and Russia. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija* = Journal of the Belarusian State University. *International relations*. 2020; 2: 38–46. (In Eng.)
18. *Regional Integration : Theory and Research* / By L. N. Lindberg, S. A. Scheingold. Cambridge, Mass., 1971, 427 p. (In Eng.)
19. *Schmitter Ph. C.* A Revised Theory of Regional Integration. *International Organization*. 1970; 24(4): 836–868. (In Eng.)
20. *Soldatos P.* Le systeme institutional et politique des communautés europeennes dans un monde en mutation. *Theorie et pratique*. Bruxelles, 1989, 305 p. (In Eng.)
21. *White S., Biletskaya T., McAllister I.* Belarusians between East and West. *Post-Soviet Affairs*. 2016; 32(1): P. 1–27. (In Eng.)

Поступила 16.12.2021.

Сведения об авторах

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Историко-социологического институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: теория и практика региональной интеграции, пространственное развитие России, сложные пространственные системы в мировой истории, теоретические и философские аспекты современных международных отношений. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 10 монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>.

E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Историко-социологического институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: политический анализ территориальных систем, эволюция имперской системы в Альпо-Дунайском регионе, ав-

стрийский и российский федерализм, этапы и механизмы трансформации территориальной системы России, теоретические и философские аспекты современных международных отношений. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 18 монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>.

E-mail: bahlov@mail.ru

Submitted 16.12.2021.

About the authors

Olga V. Bakhlova – Doctor of Political Sciences, Professor Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: theory and practice of regional integration, spatial development of Russia, complex spatial systems in world history, theoretical and philosophical aspects of contemporary international relations. The author of more than 200 scientific and educational publications, including 10 monographs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>.

E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov – Doctor of Political Sciences, Head of Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: political analysis of territorial systems; the evolution of Imperial systems in Alps-Danube region; Austrian and Russian federalism; stages and mechanisms of transformation of territorial system of Russia, theoretical and philosophical aspects of contemporary international relations. The author of more than 200 scientific and educational publications, including 18 monographs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>.

E-mail: bahlov@mail.ru

УДК 94 (470.345)

*А. Д. Тараскина¹, Л. Г. Скворцова²*¹ *Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Россия), e-mail: aleksandra.taraskina.97@mail.ru*² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: skvorcovalg@inbox.ru*

Особенности национального образования в Мордовской республике в советский и постсоветский периоды

Введение. В последние годы государство уделяет большое внимание национальному развитию регионов Российской Федерации, важную роль в котором играет сфера образования. Регионализация образования предполагает создание условий для функционирования региональных образовательных систем в соответствии с культурными потребностями регионов, с учетом национально-региональной специфики и самобытности. На протяжении 15 лет в Мордовии реализуется идеологическая политика государства в сфере образования, наблюдается тенденция к преподаванию родного (мокшанского или эрзянского) языка. Изучение данного процесса необходимо для формирования перспективы развития регионального образовательного пространства в настоящее время. **Материалы и методы.** Исследование опирается на использование проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов, дающих возможность проследить историю развития школ и педагогических учебных заведений края в динамике, рассмотреть общие закономерности и региональные особенности развития школьной системы. **Результаты исследования.** Изучены особенности развития национального образования в мордовском крае с момента основания мордовской государственной автономии (конец 1920-х – 1930-х гг.) до настоящего времени. Рассмотрена специфика советской модели школьного образования, а также школа в постсоветский период. Проанализирована система преподавания национальных языков, сложившаяся на сегодняшний день. **Обсуждение и заключение.** Изучение основных принципов развития национального образования в Мордовии показало, что на разных этапах степень внедрения регионального компонента в систему общего образования отличалась. Спецификой образовательной политики в СССР была постепенная денационализация школ на основе единого русского языка. Тенденция к преподаванию родного языка в системе среднего (общего) образования Мордовии стала проявляться к началу 1990-х гг. Главной задачей Министерства образования Мордовии стало обеспечение согласованного соединения мордовского и русского компонентов в общеобразовательных учреждениях республики. Возрождение качественного преподавания мордовских языков пришлось на 2000-е гг., когда при поддержке региональных и федеральных властей началось движение за восстановление престижа национальной школы.

Ключевые слова: национальное образование, система школьного образования, региональный компонент, школьная реформа, мордовские языки, обучение.

Для цитирования: Тараскина А. Д., Скворцова Л. Г. Особенности национального образования в Мордовской республике в советский и постсоветский периоды // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 27–37. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.027-037.

© Тараскина А. Д., Скворцова Л. Г., 2022

Alexandra D. Taraskina¹, Larisa G. Skvortsova²

¹ GKU RM “Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia” (Saransk, Russia), e-mail: aleksandra.taraskina.97@mail.ru

² National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: skvorcovalg@inbox.ru

Features of National Education in the Mordovian Republic in the Soviet and Post-Soviet periods

Introduction. In recent years, the state has been paying great attention to the national development of the regions of the Russian Federation, in which the education sector plays an important role. Regionalization of education involves the creation of conditions for the functioning of regional educational systems in accordance with the cultural needs of the regions, taking into account the national and regional specifics and identity. For fifteen years, the ideological policy of the state in the field of education has been implemented in Mordovia, there is a tendency to teach the native (Mokshan or Erzyan) language. The study of this process is necessary for the formation of the prospects for the development of the regional educational space at the present time. **Materials and Methods.** The study is based on the use of problem-chronological and historical-comparative methods, which make it possible to trace the history of the development of schools and pedagogical educational institutions of the region in dynamics, to consider general patterns and regional features of the development of the school system. **Results.** In the course of the study, the features of the development of national education in the Mordovian territory were studied from the moment the Mordovian state autonomy was founded (late 1920s – 1930s) to the present. The specificity of the Soviet model of school education was considered, as well as the school in the post-Soviet period. In addition, the system of teaching national languages, which has developed today, has been analyzed. **Discussion and Conclusion.** The study of the basic principles of the development of national education in Mordovia showed that at different stages the degree of implementation of the regional component in the general education system was different. A specific feature of educational policy in the USSR was the gradual denationalization of schools on the basis of a single Russian language. The tendency towards teaching the native language in the system of secondary (general) education in Mordovia began to manifest itself by the beginning of the 1990s. The main task of the Ministry of Education of Mordovia was to ensure the coordinated combination of the Mordovian and Russian components in the general educational institutions of the republic. The revival of high-quality teaching of Mordovian languages fell on the 2000s, when, with the support of regional and federal authorities, a movement began to restore the prestige of the national school.

Keywords: national education, school system, regional component, school reform, Mordovian languages, teaching.

For citation: Taraskina A. D. Skvortsova L. G. Peculiarities of National Education in the Mordovian Republic in the Soviet and Post-Soviet periods. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 27–37 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.027-037.

Введение

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что в последние годы государство уделяет большое внимание национальному развитию регионов Российской Федерации, важную роль в котором играет сфера образования. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (редакция от 2 декабря 2019 г.) «Об обра-

зовании в Российской Федерации», одним из основополагающих принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования является единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонацио-

нального государства. Национально-культурные элементы реализуют федеральный и региональный компоненты государственного стандарта общего образования. Региональный компонент отражает особенности конкретного региона РФ.

Регионализация образования предполагает создание условий для функционирования региональных образовательных систем в соответствии не только с социально-экономическими, но и с культурными потребностями регионов, с учетом национально-региональной специфики и самобытности. Неотъемлемой и важнейшей частью любой культуры считается язык, в котором запечатлен весь национальный характер. На протяжении 15 лет в Мордовии реализуется идеологическая политика государства в сфере образования. Внедрение преподавания мордовского (эрзянского или мокшанского) языка в начальной и средней школе способствует определению этнорегиональной направленности содержания общего образования, повышению языковой культуры населения. Согласно ст. 8 Закона «О государственных языках Республики Мордовия (с изменениями на 5 марта 2019 года)», органы государственной власти Мордовии обеспечивают на территории республики создание системы образовательных организаций с обучением на родном языке или изучением родных языков.

Тенденция к преподаванию родного (мокшанского или эрзянского) языка в системе среднего (общего) образования Мордовии стала проявляться сравнительно недавно. Вплоть до конца 1980-х гг. наблюдалась обратная ситуация, когда все национальные школы МАССР постепенно превращались в единые русскоязычные образовательные учреждения. Изучение данного процесса необходимо для формирования перспективы развития регионального образовательного пространства в настоящее время.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей развития национального образования в мордовском крае с момента основания мордовской государственной автономии (конец 1920-х – 1930-х гг.) до настоящего времени.

Для решения поставленной цели были определены следующие задачи: рассмотреть историю национального образования на территории мордовского края; проанализировать школьные реформы конца 1958 г., периода перестройки и современного этапа с целью выявления особенностей формирования и развития национального образования в регионе, характерных особенностей и основных тенденций функционирования мордовской школы.

Обзор литературы

Проблема развития национального образования в Мордовской республике представлена в работах, рассматривающих всю систему школьного образования Мордовии на определенных этапах ее функционирования. Так, В. В. Кирдяшкин в монографии «Мордовия на пути к всеобщему среднему образованию» освещает особенности преобразований в национальных школах до 1970-х гг., рассматривает вопросы перевода мордовских школ на русский язык обучения [8]. В исследованиях Г. В. Огриной и Т. И. Шукшиной [19; 23], помимо анализа развития региональной системы образования и ее реформирования, особое внимание уделено национальному компоненту обучения мордовских школьников в советский и постсоветский периоды.

Национальной составляющей школьного образования в республике на различных исторических этапах посвящены работы И. Г. Зубаревой и М. Г. Якунчевой, Л. А. Нарядкиной, М. И. Учеваткина [6; 15–17; 22]. Эти исследования позволяют воссоздать картину развития национального образования в Мордовской АССР, функционирования его компонентов, проследить основные закономерности. В статьях также содержится

анализ мероприятий по возрождению национальной школы в конце XX в. Вопросом изучения состояния мордовской национальной школы в то же время занимался Н. В. Зиновьев, он рассматривал особенности внедрения языков в систему преподавания.

Исследованию отдельных вопросов, затрагивающих современное положение мордовских языков в системе школьного образования, посвящены новейшие работы Ю. Ф. Кямкиной, А. В. Мартыненко, а также О. Е. Полякова и П. Е. Седовой [10–11; 20]. Авторы рассматривают преподавание мокшанского и эрзянского языков в исторической ретроспективе.

Материалы и методы

Исследование основано на использовании многомерного подхода. Например, проблемно-хронологический метод позволил постепенно рассмотреть основные проблемы событий, произошедших в сфере школьного образования в Мордовии за отчетный период, при этом отследить историю развития местных школ и учебных заведений. Историко-сравнительный метод позволил понять общие закономерности и региональные особенности развития школьной системы.

Данная статья опирается на широкий круг законодательных актов, опубликованных научных трудов, материалы статистических сборников, в которых представлены количественные и качественные показатели системы народного образования в отдельные годы, данные о школах, педагогических учебных заведениях.

Результаты

Первые годы существования советская власть шла по пути создания автономной национальной школы. Впервые для 50 национальностей государства, в том числе для мордвы, была разработана письменность на родном языке.

В 1928 г. был образован Мордовский округ, и процесс возрождения мордовской государственности дал мощный толчок для на-

ционального просвещения [1–3; 14]. Возросло количество национальных школ и число обучающихся на родном языке. Однако уже в середине 1930-х гг., в связи с формированием тоталитарного сталинского режима, началась политика денационализации школ на основе русского языка. Новые промышленные центры, возникающие в связи с индустриализацией, создавались прежде всего как русские и русскоязычные. Сложившаяся ситуация привела к необходимости расширить знания русского языка и культуры. Именно тогда русскому языку был отдан приоритет в школьной системе всех регионов, что обеспечило Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [13, с. 176].

В послевоенное десятилетие продолжалась политика понижения статуса родного языка. Началась тенденция к превращению русского языка из предмета обучения в язык преподавания, что, несомненно, приводило к трудностям в обучении детей нерусской национальности. В связи с этим 26 июля 1946 г. Совет министров МАССР и бюро обкома ВКП (б) приняли Постановление «Об улучшении преподавания русского языка в мордовской школе». В августе 1950 г. Министерство просвещения МАССР разработало и утвердило проект новой учебной программы для мордовских школ. Начиная с этого времени национальные школы Советского Союза начали утрачивать преподавание на родном языке. Введение всеобщего обучения на русском языке стало одной из главных причин ухудшения национального развития [6, с. 15].

Реформа школьного образования 1958 г. также затронула вопрос выбора языка обучения детей. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР, предоставил право перехода по желанию родителей на русский язык об-

учения. В этих условиях последовало постепенное внедрение преподавания исключительно на русском языке не только в среднем (5–8 классы), но и в начальном (1–4 классы) звене национальной школы [17, с. 36].

В течение следующих пяти лет вопрос о преподавании в государственных школах на русском языке неоднократно поднимался на республиканских совещаниях директоров средних и восьмилетних школ. Совет министров постановлением от 5 февраля 1964 г. поручил Министерству просвещения МАССР оказывать необходимую поддержку начальным школам и проводить семинары с учителями русского языка в местных национальных школах [18, с. 149].

Это преобразование не вызвало особых трудностей у русскоязычного населения, поэтому перевод дал положительные результаты. Иная ситуация была в селах Мордовии, где школьники могли говорить по-русски лишь несколько слов. Переход был осуществлен руководством национальных школ несогласованно и без предварительной подготовки, несмотря на то что Министерство просвещения РСФСР разработало учебную программу, предусмотренную отдельно для русских и национальных школ [8, с. 77–78].

Во второй половине 1960-х – 1970-х гг. в Мордовии были 442 национальные школы, в которых обучались 80 тыс. учащихся. Они продолжали предпринимать шаги по улучшению учебной программы в соответствии с национальной политикой. В условиях форсирования среднего всеобщего обучения на родном языке сохранялось только в начальных школах, после преподавание по всем предметам проводилось на русском языке. Родной язык и родная литература существовали как отдельные предметы [23, с. 94].

К 1980-м гг. мордовская школа сохраняла лишь преподавание мордовского языка как отдельного предмета. Сложившиеся

во всей системе школьного образования трудности обусловили проведение в 1984 г. реформы, которая еще более обострила противоречия, угрожавшие возрождению национального компонента в образовательных учреждениях России и республики. К 1990 г. масштабы национальной школы сильно сократились; 53 % нерусских детей в РСФСР посещали русскую школу, остальные 47 % обучались в национальной, где преподавались 44 родных языка.

К 1988/89 учебному году изучение родного языка велось в 319 школах Мордовии. Саранск и Рузаевка никогда не занимались изучением родного языка. Несмотря на большое число учащихся мордовской национальности (14 тыс. из 43 тыс. школьников), в Саранске и Рузаевке не было ни одного класса с изучением родного языка.

Поэтому состояние национального образования в 1980-х гг. можно охарактеризовать как кризисное. Лишь к концу 1980-х гг. в связи с нарастанием национальной напряженности в стране советская бюрократия стала обращаться к проблеме обучения школьников на родном языке [15].

В постановлении февральского Пленума Центрального Комитета КПСС (1988 г.) говорилось о возвращении родному языку этнокультурных и этносоциальных функций. Целью было формирование национально-русского двуязычия, развитие практики совместного обучения русскому и родному языкам в школах, а также поощрение молодежи к изучению местного национального языка¹.

Увеличение времени на родной язык и литературу было связано с необходимостью добиться свободного владения устной и письменной речью. В родном языке в полной мере нашли отражение величайшие достижения культуры народа, его история и традиции. Свободное владение родным языком – непереносимое требование

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. – М. : Политиздат, 1988. – 77 с.

советской школы. В национальной школе примерно треть всего учебного времени отводилась на родной и русский языки и литературу [21, с. 122].

Обозначилась задача по проведению реформы национальной системы образования. В 1989 г. коллектив авторов Академии наук СССР под руководством академика В. И. Бойко предложил теоретическую модель государственной школы, в которой национальное образование служило основой для приобщения детей к русской и мировой культуре. Национальное образование должно было выступить фактором формирования национальной идентичности и самосознания нового поколения.

Эта концепция получила государственную поддержку. В декабре 1990 г. в решении Коллегии нового Министерства образования РСФСР «О концепции национальной школы РСФСР, научных и организационных механизмах ее реализации», а позже – в «Программе стабилизации и развития российского образования в переходный период» (март 1991 г.) она была официально закреплена [4, с. 115–116].

В конце 1980-х гг. началось оформление новой концепции национального образования в Мордовской республике. В 1989 г. была подготовлена справка «О мерах по улучшению и усовершенствованию преподавания родного языка, литературы, истории и культуры мордовского народа в общеобразовательных школах Мордовской АССР». Был разработан научный доклад для министерства «О дальнейшем развитии культуры, языков национальных и интернациональных традиций молодежи» [18].

Министерством народного образования Мордовии была разработана специальная программа «Национальная школа» на 1990–1995 гг., которая предполагала усиление роли и расширение сферы изучения мордовского языка. В программе были вы-

делены основные задачи и направления, поставленные перед школами республики:

- 1) создание для школьников и их родителей условий по выбору языка обучения;
- 2) повышение качества обучения студентов русскому и родному языкам;
- 3) обеспечение согласованного соединения мордовской и русской составляющей в республике;
- 4) использование элементов национальной культуры мордвы в развитии личности школьника и воспитании в нем патриотизма.

Специальный раздел был посвящен языку обучения в национальной школе, согласно которому детей должны были обучать по стандартной учебной программе, наряду с изучением их родного языка и литературы в обязательном порядке. В начальном звене школы обучение велось на родном (мокшанском, эрзянском, татарском) языке, а русский язык преподавался как отдельная дисциплина. Начиная со среднего звена происходила смена языка обучения на русский, родные языки оставались в системе преподавания как общеобразовательные предметы [22, с. 23].

Сеть школ с изучением национальных языков стала расширяться. Если в 1987/88 учебном году их было 314, то в 1991/92 – 353. По уровню работы с родным языком школы подразделялись на три группы:

- 1) 23 школы работали по национальной школьной программе, с обучением на родном языке в начальной школе;
- 2) 102 школы работали по национальной школьной программе, но с обучением на русском языке с первого года обучения, родной язык изучался как предмет;
- 3) 21 школа со смешанным контингентом работала по учебной программе с изучением языков республики.

Развитие двуязычия в школах было направлено на воспитание уважительного отношения к языку и культуре местного населения, дальнейшее сохранение и развитие

эрзянского и мокшанского языков. С целью ознакомления школьников с национальной культурой родной язык, история и культура мордовского народа изучались факультативно в 70 школах, в процессе кружковой работы – в 180 школах [5, с. 109–110].

В связи с введением национального компонента в общеобразовательные школы особое внимание уделялось подготовке квалифицированных кадров. В этот период ставился вопрос о создании группы по подготовке учителей начальных классов для национальных школ на педагогическом факультете Мордовского педагогического института, а также о введении на всех педагогических факультетах вузов Мордовии и в педагогических училищах изучения эрзянского и мокшанского языков, курса по истории, культуре мордовского народа [22, с. 24].

Для распространения опыта преподавания родного языка в Мордовии были выбраны опорные национальные школы, которые должны были стать основой работы учителей и руководителей образовательных учреждений [23, с. 96]. Данные учреждения были хорошо снабжены пособиями и методической литературой, в большинстве из них функционировали музеи, посвященные истории и культуре родного края. Поэтому в национальных школах и школах с русским языком обучения стало заметно улучшаться преподавание русского языка и мордовских языков соответственно.

Также наблюдалась положительная тенденция к обеспечению школ новыми учебниками. Они были написаны с использованием этнокультурных и фольклорных материалов и рассчитаны на школьников, слабо владеющих национальным языком, и русских ребят, желающих изучать мордовский язык. Это было связано со стремлением развития русско-мордовского двуязычия, а также с поднятием культуры межнациональных отношений, что было актуально на рубеже десятилетий [22, с. 25].

К 1991 г. в Мордовии работа по возрождению национального образования дала позитивные результаты. С 1989 г. национальные классы стали появляться в городских школах. В основе языковой политики в школе стало рассматриваться национально-русское двуязычие. В 1991 г. планировалось ввести в 5, 8, 9, 10 и 11 классах всех школ курса «История и культура родного города», а также подготовить пособия по музыке и даже рабочие тетради по биологии и химии, используя местные материалы [18].

Таким образом, перестройка советского общества вызвала рост национального самосознания, что привело к обновлению национальной мордовской школы. Было положено начало к выполнению основной задачи национальной школы – беречь и обогащать народные традиции мордовского народа, передавать их следующим поколениям.

Государственно-правовой основой национальной школы в Российской Федерации в 1990-е гг. являлись Конституция Российской Федерации (1993), федеральные законы «Об образовании» (1992) (в 1996 г. была утверждена его новая редакция), «О языках народов Российской Федерации» (1991). Регионализация образования в рамках реализации этих документов основана на необходимости сохранения и развития национальных систем образования в соответствии с социально-экономическими, культурными и образовательными потребностями регионов. Проявлением данной политической парадигмы стали Закон «О национально-культурной автономии» (1996) и утвержденная указом Президента Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996) [9].

В Мордовской республике задачи возрождения национального образования были отражены в Концепции регионального компонента содержания образования, Программе национального развития и межнационального сотрудничества народов Ре-

спублики Мордовия (1997), Законе «Об образовании в Республики Мордовия» (1998), Законе «О государственных языках в Республике Мордовия» (1998).

Теперь республика официально предоставила гражданам РФ условия для изучения и преподавания государственных языков Республики Мордовия в пределах возможностей системы образования. Проведение такой политики вызвало интерес к родной культуре, а также к мокшанскому и эрзянскому языкам, в связи с чем национальный компонент встал на путь возрождения [20, с. 51].

Для повышения качества языковой подготовки школьников и формирования у учащихся любви к малой родине в начале нового тысячелетия стало необходимым введение национальных языков в систему школьного образования. Изначально изучение мокшанского и эрзянского языков было обязательным только в национальных школах малонаселенных мордовских населенных пунктов. С 2004 г. эти предметы преподавались в русскоязычных школах факультативно. В 2006 г. введено обязательное обучение на эрзянском и мокшанском языках во всех школах региона со 2 по 6 класс по 2 ч в неделю [10, с. 21].

В рамках осуществления данной программы Министерством образования была проведена работа по преобразованию дошкольного, начального и общего образования. Национально-региональный компонент содержания образования был значительно расширен. В школах появились «География Республики Мордовия», «Мордовская литература», «Основы экологии» [7, с. 34].

Учебные дисциплины «Эрзянский язык», «Мокшанский язык», «Мордовская литература», «История и культура родного края» до 2010 г. входили в инвариантную (т. е. обязательную) часть базисного учебного плана для общеобразовательных учреждений. В настоящее время преподавание языков вновь приобрело факультативный

характер. Согласно ст. 8 Закона «О государственных языках Республики Мордовия (с изменениями на 5 марта 2019 года)» в соответствии с законодательством Российской Федерации право выбора языка обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим. Во всех национальных школах Мордовии проводятся Дни родного языка [11, с. 261].

Стоит отметить, что на территории Мордовии также функционируют 19 татарских школ. В некоторых из них родной татарский язык преподается на протяжении всего периода обучения, в других – со 2 по 7 класс в рамках образовательной программы с этнокультурным компонентом. Учебно-методическая литература для обучения поступала из Татарстана [12, с. 191–192].

Система преподавания национальных языков в республике динамично развивается. Ежегодно проводятся олимпиады для школьников по мордовским и татарскому языкам, научно-практические конференции, организуются образовательно-оздоровительные этнокультурные смены в детских лагерях, а также мастер-классы для учителей родных языков.

Обсуждение и заключение

Изучение основных принципов развития национального образования в Мордовии показало, что на разных этапах степень внедрения регионального компонента в систему общего образования отличалась. Специфической образовательной политики в СССР была постепенная денационализация школ на основе единого русского языка, связанная с особенностями советского режима. Лишь к концу 1980-х гг. в связи с нарастанием национальной напряженности в государстве была поставлена проблема обучения школьников на родном языке. Главной задачей Министерства образования Мордовии стало обеспечение согласованного соединения мордовского и русского компонентов в общеобразовательных учреждениях республи-

ки. Возрождение качественного преподавания мордовских языков пришлось на 1990-е и 2000-е гг., когда мокшанскому и эрзянскому языкам был придан статус государствен-

ных, а также при поддержке региональных и федеральных властей началось движение за восстановление престижа национальной школы.

Список источников

1. *Арсентьев Н. М.* Идея единения народов в стратегии современной национальной политики Российской Федерации // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 6–11.
2. *Арсентьев Н. М.* Празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
3. *Арсентьев Н. М.* Мемориальная (монументальная) история в современном гуманитарном пространстве Республики Мордовия (о Тысячелетии единения мордовского народа с народами Российского государства) // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2010. – № 3. – С. 4–8.
4. *Городенко Д. В.* Стратегия развития национального образования в целостном поликультурном пространстве России. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2012. – 300 с.
5. *Зиновьев Н. В.* Человек и время : Мордовская литература и национальная школа. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1995. – 272 с.
6. *Зубарева И. Г., Якунчева М. Г.* Развитие национального образования в Мордовии в 1920–1950-е гг. // XXI век : итоги прошлого и проблемы настоящего плюс : периодическое научное издание. – 2014. – № 2 (18). – Т. 1. – С. 14–17.
7. *Кадакин В. В.* Вопросы национального образования : состояние, проблемы, перспективы // Национальное самосознание мордовского (мокшанского и эрзянского) народа : настоящее и будущее : материалы докладов IV съезда мордовского (мокшанского и эрзянского) народа 22–25 ноября 2004 г. – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2005. – С. 33–39.
8. *Кирдяшкин В. В.* Мордовия на пути к всеобщему среднему образованию. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1973. – 160 с.
9. *Кузьмин М. Н.* Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики [Электронный ресурс]. – URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_83.
10. *Кямкина Ю. Ф.* Межкультурная компетенция как средство гармонизации поликультурного образования (на материале Республики Мордовия) // Гуманизация образования. – 2015. – № 5. – С. 20–25.
11. *Мартыненко А. В.* К вопросу о преподавании мордовских языков : история и современность // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 2 (18). – С. 259–264.
12. *Мартыненко А. В.* Преподавание татарского языка в Республике Мордовия : потенциал, проблемы, перспективы // Вестник антропологии. – 2019. – № 2 (46). – С. 188–195.
13. *Матвеева Л. А.* Школьные реформы XX в. в России и их воздействие на национальное образование (на примере мордовской школы) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12-1. – С. 175–177.
14. Мордовия в истории России: дорогами тысячелетия / Н. М. Арсентьев, В. М. Арсентьев, Э. Д. Богатырев [и др.] ; под ред. чл.-кор. РАН Н. М. Арсентьева ; Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарёва. – Саранск, 2012. – 596 с.
15. *Нарядкина Л. А.* Мордовский народ и национальная школа в конце XX века // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 3. – С. 60.
16. *Нарядкина Л. А.* Проблемы национального школьного образования в 1980-е гг. (на примере Мордовии) // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 11. – С. 53–54.
17. *Нарядкина Л. А.* Школьная реформа 1958 г. и национальное образование // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 4. – С. 35–36.
18. *Нарядкина Л. А.* Школьное образование в Мордовии в 1941–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006. – 328 с.

19. Озрина Г. В. Развитие системы образования в Мордовии в годы перестройки (1985–1991 гг.) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4. – С. 118–122.
20. Поляков О. Е., Седова П. Е. Страницы истории развития мордовского языкознания (XVII – начало XXI в.) // Финно-угорский мир. – 2017. – № 4 (33). – С. 46–55.
21. Прокофьев М. А., Кожевников Е. Н., Журавлева Е. Н. Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева. – М. : Педагогика, 1985. – 448 с.
22. Учеваткин М. И. Национальная школа : вчера, сегодня, завтра // Вестник Мордовского университета. – 1991. – № 1. – С. 21–26.
23. Шукишина Т. И. Развитие системы общего образования в контексте российских образовательных реформ // Интеграция образования. – 2004. – № 3. – С. 88–97.

References

1. *Arsentyev N. M.* The Idea of Unity of the Peoples in the Strategy of Modern Ethnic Policy in the Russian Federation. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2012. No. 2. P. 6–11. (In Russ.)
2. *Arsentyev N. M.* The Celebration of the Millennium of Unification of the Mordovian People with Peoples of Russian State as the Factor of Formation of Social Memory of the Russians. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2012. No. 2. P. 24–31. (In Russ.)
3. *Arsentyev N. M.* Memorial (monumental) history of modern humanitarian space of the Republic of Mordovia (On the Millennium of Unification of the Mordovian People with Peoples of Russian State). *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2010. No. 3. P. 4–8. (In Russ.)
4. *Gorodenko D. V.* Strategy for the development of national education in an integrated multicultural space of Russia. Nizhnevartovsk, 2012, 300 p. (In Russ.)
5. *Zinoviev N. V.* Man and time: Mordovian literature and the national school. Saransk, 1995, 272 p. (In Russ.)
6. *Zubareva I. G., Yakuncheva M. G.* The development of national education in Mordovia in the 1920–1950s. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus* = XXI century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus. 2014; 2: 14–17. (In Russ.)
7. *Kadakin V. V.* Issues of national education: state, problems, prospects. *Nacional'noe samosoznanie mordovskogo (mokshanskogo i erzyanskogo) naroda: nastoyashchee i budushchee: materialy dokladov IV s'ezda mordovskogo (mokshanskogo i erzyanskogo) naroda 22–25 noyabrya 2004 g.* = National identity of the Mordovian (Moksha and Erzya) people: present and future: Materials of reports IV Congress of the Mordovian (Mokshan and Erzya) people November 22–25, 2004. Saransk, 2005: 33–39. (In Russ.)
8. *Kirlyashkin V. V.* Mordovia on the way to universal secondary education. Saransk, 1973, 160 p. (In Russ.)
9. *Kuzmin M. N.* The National School of Russia in the context of state educational and national policy [Electronic resource]. URL: at: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_83. (In Russ.)
10. *Kamkina Yu. F.* Intercultural competence as a means of harmonization of multicultural education (based on the Republic of Mordovia) *Gumanizaciya obrazovaniya* = Humanization of education. 2015; 5: 20–25. (In Russ.)
11. *Martynenko A. V.* On the issue of teaching Mordovian languages: history and modernity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* = Bulletin of Omsk University. Series "Historical studies". 2018; 2 (18): 259–264. (In Russ.)
12. *Martynenko A. V.* Teaching of the Tatar language in the Republic of Mordovia: potential, problems, prospects. *Vestnik antropologii* = Herald of Anthropology. 2019; 2 (46): 188–195. (In Russ.)
13. *Matveeva L. A.* School reforms of the XX century in Russia and their impact on national education (on the example of the Mordovian school). *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* = Actual problems of the humanities and natural sciences. 2013; 12-1: 175–177. (In Russ.)
14. Mordovia in the history of Russia: the roads of the millennium. Ed. N. M. Arsentyev, V. M. Arsentyev, E. D. Bogatyrev [et al.]. Saransk, 2012, 596 p. (In Russ.)
15. *Naryadkina L. A.* Mordovian people and the national school at the end of the XX century. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2006; 3: 60. (In Russ.)

16. *Naryadkina L. A.* Problems of national school education in the 1980s (on the example of Mordovia). *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* = Successes of modern natural science. 2004; 11: 53–54 p. (In Russ.)
17. *Naryadkina L. A.* School reform of 1958 and national education. *Fundamental'nye issledovaniya* = Fundamental research. 2005; 4: 35–36. (In Russ.)
18. *Naryadkina L. A.* School education in Mordovia in 1941–1991: Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Saransk, 2006, 328 p. (In Russ.)
19. *Ogrina G. V.* Development of the education system in Mordovia during the years of perestroika (1985–1991). *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva* = Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. 2013; 4: 118–122. (In Russ.)
20. *Polyakov O. E., Sedova P. E.* Pages of the history of the development of Mordovian linguistics (XVII – beginning of XXI century). *Finno-ugorskij mir* = Finno-Ugric World. 2017; 4(33): 46–55. (In Russ.)
21. *Prokofiev M. A., Kozhevnikov E. N., Zhuravleva M. I.* Public education in the USSR; Ed. by M. A. Prokofiev. Moscow, 1985, 448 p. (In Russ.)
22. *Uchevatkin M. I.* National school: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia University Bulletin. 1991; 1: 21–26. (In Russ.)
23. *Shukshina T. I.* Development of the general education system in the context of Russian educational reforms. *Integraciya obrazovaniya* = Integration of Education. 2004; 3: 88–97. (In Russ.)

Поступила 17.11.2021.

Сведения об авторах

Тараскина Александра Дмитриевна – аспирант первого года обучения направления подготовки «История», профиль «Отечественная история» ГКУ РМ «НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (Саранск, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2829-9748>.

E-mail: aleksandra.taraskina.97@mail.ru

Скворцова Лариса Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий, Историко-социологического институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: проблемы экономической истории России, применение современных информационных технологий в историческом и гуманитарном образовании. Автор более 60 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7372-5331>.

E-mail: skvorcovalg@inbox.ru

Submitted 17.11.2021.

About the authors

Alexandra D. Taraskina – post-graduate student, Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2829-9748>.

E-mail: aleksandra.taraskina.97@mail.ru

Larisa G. Skvortsova – Candidate of History, Associate Professor, Department of Economic History and Informational Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: problems of the economic history of Russia, the use of modern information technologies in historical and humanitarian education. The author of more than 60 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7372-5331>.

E-mail: skvorcovalg@inbox.ru

УДК 316.612

Д. Б. Казанцева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: dinasens@mail.ru

Социально-философский анализ духовно-нравственного потенциала личности

Введение. В быстро меняющихся условиях современной жизни только реализующая духовно-нравственный потенциал личность способна действовать нестандартно, быстро принимать решения в условиях риска, брать на себя ответственность при решении особо сложных групповых и межгрупповых задач. В связи с этим весьма актуальны концептуальный анализ понятия «духовно-нравственный потенциал» и исследование его влияния на целостный процесс самореализации личности. Цель статьи – рассмотрение духовно-нравственного потенциала личности как основы ее самореализации в противоречивых условиях российского общества. **Материалы и методы.** Теоретико-методологическую основу исследования составили культурно-исторический подход, деятельностный подход, нормативно-ценностная концепция социального действия, эпигенетическая теория развития личности Э. Эриксона, теория социальной установки, гуманистический подход. Обобщить философскими суждениями метатеорию различных научных дисциплин позволил трансдисциплинарный подход. **Результаты исследования.** Духовно-нравственный потенциал – феномен, рассмотрение которого возможно при условии объединения светской и философско-религиозной парадигм, исследующих разные стороны бытия. Духовное «нечто» проникает в глубинное и потенциальное, проявляясь в виде сущностной духовной силы, позволяющей личности самореализовать потенциал. Духовно-нравственный потенциал становится реализующим сущностным началом, создающим духовную основу бытия личности и общества. В социокультурном пространстве, детерминированном нравственными нормами, соединяется потенциальное и ментальное, духовное и нравственное, снимаются дихотомии внутреннего и внешнего, самоопределяется личность, и, идентифицируясь с духовным, достигает вершин бытия. **Обсуждение и заключение.** Важное значение приобретает необходимость возвращения россиян к истокам своей цивилизации, основой которой является сущностное духовное, актуализирующее духовно-нравственный потенциал и воспроизводящее духовно-нравственные модели поведения, являющиеся психозащитными механизмами регуляции жизнедеятельности, основой культурной безопасности народа. В связи с этим в России необходимо создание духовного ресурсного пространства, способ-

© Казанцева Д. Б., 2022

ствующего актуализации и самореализации духовно-нравственного потенциала личности и формированию нового типа личности – «самоактуализирующегося человека», достигающего трансценденции, преодолевающего кризисы путем интеграции всех сторон жизни.

Ключевые слова: духовно-нравственный потенциал, личность, самореализация, духовно-нравственные ценности, цивилизация, общество, культура, идентичность, государство.

Для цитирования: *Казанцева Д. Б.* Социально-философский анализ духовно-нравственного потенциала личности // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 38–51. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.038-051.

Dina B. Kazantseva

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: dinasens@mail.ru

Socio-Philosophical Analysis of the Spiritual and Moral Potential of the Individual

Introduction. In the rapidly changing conditions of modern life, only a person who realizes his spiritual and moral potential is able to act outside the box, make quick decisions in conditions of risk, and take responsibility when solving especially difficult group and intergroup problems. In this regard, it is highly relevant to carry out a conceptual analysis of the concept of spiritual and moral potential and study its influence on the integral process of self-realization of the individual. The purpose of the article is to examine the spiritual and moral potential of an individual as the basis of his self-realization in the contradictory conditions of Russian society. **Materials and Methods.** The theoretical and methodological basis of the study was the cultural-historical approach, the activity approach, the normative-value concept of social action, the epigenetic theory of personality development by E. Erickson, the theory of social attitude, the humanistic approach. The transdisciplinary approach allowed the metatheory of various scientific disciplines to be generalized by philosophical judgments. **Results.** Spiritual and moral potential is a phenomenon, the consideration of which is possible under the condition of combining secular and philosophical-religious paradigms that explore their side of a single being. Spiritual “something” penetrates into the deep and potential, manifesting itself in the form of an essential spiritual force that allows a person to self-realize their potential. Spiritual and moral potential becomes a realizing essential principle that creates a spiritual basis for the existence of an individual and society. In the socio-cultural space, determined by moral norms, the potential and the mental, the spiritual and the moral are combined, the dichotomies of the internal and the external are removed, the personality is self-determined, and, identifying with the spiritual, reaches the heights of being. **Discussion and Conclusions.** Of great importance is the need for Russians to return to the origins of their civilization, the basis of which is the essential spiritual, which actualizes the spiritual and moral potential and reproduces the spiritual and moral models of behavior, which are psycho-protective mechanisms for regulating life, the basis of the cultural security of the people. In this regard, in Russia it is necessary to create a spiritual resource space that contributes to the actualization and self-realization of the spiritual and moral potential of the individual and the formation of a new type of personality – a “self-actualizing person” who achieves transcendence, overcomes crises by integrating all aspects of life.

Keywords: spiritual and moral potential, personality, self-realization, spiritual and moral values, civilization, society, culture, identity, state.

For citation: *Kazantseva D. B.* Socio-Philosophical Analysis of the Spiritual and Moral Potential of the Individual. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 38–51 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.038-051.

Введение

Социокультурная ситуация в современном российском обществе характеризуется изменением практически всех сфер его жизни из-за политических, экономических и социальных реформ, осуществляемых в результате глобальных мировых процессов конца XX – начала XXI в. Происходит эволюция общественных отношений при возросшей подвижности социальных систем. Новая реальность создает иное социальное пространство и социальные отношения, уникальные процессы и специфические особенности трансформирующегося общества. Меняющиеся традиционные цивилизационные жизненные основы, сущностные основы воспроизводства жизни общества открывают новые пути самореализации потенциала личности, которых не было у предшествующих поколений.

Для самореализации духовно-нравственного потенциала личности современные реалии создают множество противоречий. Затрагивая основание бытия человека, детерминацию изменения его качественных параметров, они существенно трансформируют основы духовного воспроизводства личности. Нивелируя присущие российской (русской) ментальности многовековые духовно-нравственные ценности, они меняют идентификацию молодежи – важнейшего субъекта воспроизводства духовных сущностных основ общества.

Можно констатировать, что в условиях смены цивилизационных оснований и нарастающей социальной поляризации изменилось содержание универсалий духовно-нравственного потенциала самореализации как личности, так и общества, что привело к нарастанию напряженности и возникновению противоречий. Тридцать лет влияния культуры иного типа цивилизации с идентичностью, чуждой российской культуре, сказались на всех сферах жизни общества и особенно на гражданской сфере,

отвечающей за формирование потенциала личности. Цивилизационная альтернатива нарушила духовное пространство России, духовные основы национальных культур ее народа, традиционный вектор стремления к духовному идеалу, актуализируя во всех сферах бытия и сознании личности утилитарные ценности и идеалы потребительского общества.

Перед Россией встала задача выбора собственного пути социально-экономического развития, исходящего из сути основания своей цивилизации, включающего духовно-нравственный потенциал и духовно-нравственные ценности при гибкой комбинации сути традиционных устоев и необходимых для развития в современных реалиях внешних трансформаций. В связи с этим важное значение приобрело рассмотрение духовно-нравственного потенциала личности как основы ее самореализации в противоречивых условиях российского общества.

Духовно-нравственный потенциал является носителем эволюционной информации российской цивилизации, при активации выполняя роль своеобразного камертона, по которому личность и общество самостоятельно настраивают все «обменные» процессы. Духовно-нравственный потенциал оказывает благотворное влияние на регенеративные процессы личности и общества, создавая важный регуляторный эффект взаимного развития. Появляющийся благодаря актуализации данного потенциала цивилизационный «иммунный ответ» становится неспецифическим фактором защиты российского человека от влияния многочисленных негативных и катастрофических общественных процессов.

Заявленная тема имеет ярко выраженную социальную актуальность из-за негативных последствий недостаточного внимания общества к духовно-нравственной

составляющей развития личности и духовно-нравственных перспектив развития общества. Устойчивый менталитет нации базируется на духовно-нравственном фундаменте, обеспечивающем историческую жизнеспособность общества, его консолидацию. Бездуховность становится угрозой национальной безопасности России.

Духовно-нравственный потенциал самореализации личности в современном российском обществе является и теоретической проблемой. В научных работах исследуется понятие «потенциал личности», однако практически не исследован непосредственно духовно-нравственный потенциал личности. При этом интерпретация сущностной основы понятия «потенциал» в современном научном знании сложна и субъективна. Полученные результаты достоверно отражают суть понятий «потенциал» и «духовно-нравственный потенциал». Поэтому для современного российского общества как никогда актуальным становится вопрос снятия противоречий развития личности и общества [18] в ходе самореализации духовно-нравственного потенциала личности, что и составляет основу исследуемой социальной проблемы.

Обзор литературы

В отечественной философско-религиозной мысли поиск решения проблемы, касающейся духовно-нравственных основ развития личности, мы находим в идеалах, описанных в работах К. С. Аксакова, Н. А. Бердяева, Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, И. В. Киреевского, К. Н. Леонтьева, Н. О. Лосского, А. Ф. Лосева, В. С. Соловьева, Н. Н. Стратова, П. А. Флоренского, А. С. Хомякова и др. Эти философы стоят у истоков изучения русского духа, определяющего специфику национального самосознания русского народа и его ментальности, систему духовных ценностей и духовно-нравственных форм существования, детерминировавшего

историческую судьбу многонационального народа России и его духовные идеалы и устремления. Исследования ученых открывают базовое поле научных проблем, определяя направление исследований, стимулируя открытие законов, очерчивая сферу базового научного поиска.

Несмотря на то что понятие «духовно-нравственный потенциал» в таком понимании в трудах не используется, не раскрывается алгоритм движения личности к идеалу, а именно русскому духу, с позиций самореализации ее потенциала, их труды являются фундаментом исследования закономерностей духовно-нравственного развития личности в контексте исторического пути ментальности и многовековых духовных ценностей русского народа.

Исследование духовных основ жизни личности современными отечественными философами ведется в самых разных направлениях, что составляет важную часть в процессе осмысления такого глубокого и многомерного понятия, как «духовно-нравственный потенциал». Идея духовного получила широкое развитие в научных работах Д. Л. Андреева, Э. А. Бирюковой, Г. П. Выжлецова, А. И. Осипова, П. В. Симонова, С. Б. Токаревой, В. П. Тугаринова, В. Ф. Эрн, П. Д. Юркевича и др.

Исследования подготовили многообразный материал по проблеме, создав для основополагающих понятий процесса, а именно «духовность» и «нравственность», большое количество толкований. К сожалению, в целом понятия недостаточно четко определены и разработаны, а понятие «духовно-нравственный потенциал» лишь изредка упоминается, но практически не рассматривается. Таким образом, в научно-исследовательских практиках ускользает целостность понимания, что духовное измерение соединяет все стороны жизни человека, стягивая в единое поле многомерность изучаемых понятий. Кроме того, не

учитывается, что духовность и нравственность являются регулируемыми функциями, обеспечивающими целостное поступательное развитие личности, и то, что система духовно-нравственных жизненных ценностей является одним из ключевых факторов, определяющих самореализацию потенциала личности в окружающем мире.

Нередко базируясь на разных парадигмальных основаниях, работы по духовности и нравственности создают противоречивую ситуацию. В силу различного понимания сути духовности и нравственности как духовно-нравственной основы потенциала суть потенциала и особенности его самореализации не определены и его описание в целом в науке отсутствует.

Философский аспект духовности и нравственности раскрывается в работах зарубежных исследователей: Г. В. Ф. Гегеля, С. О. Кьеркегора, И. Канта, Г. Ф. Лейбница, М. Хайдеггера, Ф. В. Ницше и др. Авторы рассматривают универсальный смысл бытия; духовность как сопряженность индивидуального и надиндивидуального (всеобщего) духа; субъект – как трансцендентальное сознание; дух – как объективное бытие; человек, приобщенный и «наполненный» метафизическими ценностями, вызывающими его потребность в ценностной вертикали, соотносительности с абсолютными смыслами; взаимосвязь духовности и человеческого бытия.

Анализ и обобщение трудов представителей мировой философской мысли позволяет увидеть устойчивые духовно-нравственные конструкты и структуры, без которых невозможно человеческое бытие в мире, а также взаимосвязь духовного с историческим процессом и культурой. Однако, несмотря на осмысление такого сложного и многомерного понятия, как «духовность», и рассмотрение процесса развертывания духовного мира, исследовательский фокус не направлен в сторону духовно-нравственного потенциала личности как части содержа-

ния культурно-исторического мира России и его самореализации в условиях конкретно-исторической реальности.

В психологической науке духовное и нравственное рассматривается в контексте общего состояния духовной культуры общества, его духовного бытия и духовного мира. Это работы Р. Ассаджиоли, Б. С. Братуся, С. Грофа, В. Б. Зинченко, В. В. Знакова, В. В. Зеньковского, И. Н. Ильичевой, В. Н. Купцова, Л. Колберга, В. А. Пономаренко, И. И. Понферова, В. Ф. Петренко, В. И. Слободчикова, В. Д. Шадрикова, В. Э. Франкла, К. Т. Ясперса и др. Современная психология интенсивно исследует феномены духовности и нравственности в контексте субъективного мира человека и его сознания, признавая объективность существования понятий «дух», «душа», «духовность», «нравственность», отмечая, что становление целостности человека возможно лишь в единстве духовного, психического (душевного) и телесного. Однако и в психологии существующие направления изучают лишь отдельные аспекты духовности и нравственности.

При этом представляется значимой ориентация современной психологии на духовность как родовое определение человеческого способа жизни. Рассматривается ее связь с потенциальным и творческим, самореализацией, саморегуляцией, самосовершенствованием и смыслом жизни. Изучается субъективная реальность («внутренний мир», «индивидуальность», «самость» и др.) в конкретных обстоятельствах жизни. Важно, что духовность рассматривается как условие личностного развития, объединяющее внутренний и внешний миры человека. Изучается и самореализация духовного «Я» субъекта.

Однако к настоящему времени в психологии не выработано единое определение духовности, нет четкого понимания и

определения понятия «духовно-нравственный потенциал», соотнесения духовно-нравственного потенциала самореализации личности с конкретными обстоятельствами российской действительности.

Фундаментальность исследований философии совместно с изысканиями психологической науки части вопросов по проблеме создает возможность рассмотрения такого многомерного и сложного понятия, как «духовно-нравственный потенциал личности».

Методы

Теоретико-методологическую основу исследования составили: культурно-исторический подход (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, О. А. Г. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Л. С. Выготский и др.), деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина и др.), нормативно-ценностная концепция социального действия (М. Вебер), эпигенетическая теория развития личности Э. Эриксона, теория социальной установки (У. А. Томас и Ф. В. Знанецкий, Г. У. Олпорт, М. Смит и др.), гуманистический подход (Г. У. Олпорт, А. Маслоу, К. Р. Роджерс и др.).

Разработанная А. В. Лубским [16, с. 59–73] методология трансдисциплинарного характера, представляющая собой синтез научных дисциплинарных и интердисциплинарных знаний на более высоком, метатеоретическом уровне абстракции, позволила обобщить философскими суждениями метатеорию различных научных дисциплин. Трансдисциплинарный подход (Л. П. Киященко, В. И. Моисеев, В. Н. Порус, П. Д. Тищенко и др.) стал ментальной программой исследования, объединив единой целью все рассмотренные выше подходы и теории.

Результаты

Основой духовно-нравственного потенциала являются духовность и нравственность. В философской литературе

духовность рассматривается двояко: либо с рационалистической позиции (В. С. Барулин, В. В. Журавлев, С. Ф. Анисимов, А. К. Уледов и др.), либо с религиозно-философской (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, И. В. Киреевский, Н. О. Лосский, В. В. Розанов, П. А. Флоренский, С. Л. Франк и др.). В работах исследователей часто употребляются понятия «дух», «душа», «духовность». В переводе с греческого дух – дыхание, дуновение. Он «сохраняет и защищает жизнь, возвышает, совершенствует (“одухотворяет”) телесную деятельность... Дух сам себя создает посредством духовной работы, которая не может прекратиться до конца жизни. Поэтому духовные различия между людьми гораздо больше, чем биологические» [9]. Духу приписывается универсальное и сверхразумное начало, которое присуще и человеку, обретаемому дух и духовное, и проявляемое в его жизни через интуитивное.

Еще Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель, Диоген, Сенека в своих трудах определяли душу как мыслящее «Я», регулируемую способности, осознающую себя в морально-этическом поведении, стремящуюся к духовному самосовершенствованию и преодолению дуальности сущности человека через соединение с миром идей. В Средние века в философском осмыслении встречалась характеристика троичного начала человека – духа, души и тела. В философии Филона Александрийского, Августина Блаженного есть положение, что Святой Дух дарует душе бессмертие и обеспечивает единую связь человека и Бога, а соединение трех ликов Троицы в единое целое (где скрывается понятие «личность») позволяет человеку реализоваться в полной мере. В эпоху Возрождения духовность рассматривалась Н. Кузанским, М. Фичино как микрокосм, в котором развернуто все божественное. В философии Нового времени Б. Спинозой, Р. Декартом, Г. В. Лейбни-

цем, Ж. Ж. Руссо соединялись духовность, смысл жизни, нравственные принципы и законопослушное поведение, душа и тело, изменение мысли и изменение человеком самого себя. В работах Г. В. Ф. Гегеля духовность связана с абсолютным духом, где через субъективный дух осуществляется высшая свобода.

В советский период духовность сводилась к определению стремления духовного развития личности в ее деятельностном аспекте, как проявление человеческой активности. В современном мире духовность заменилась на отражение внутренней реальности человека, где через внешнее окружающее пространство жизни определяется развитие. Духовность нашла выражение в традициях, которые, по мнению С. Е. Рыбакова, есть «проявление универсалий Бытия, иммунная система общества, фундамент и субстанция культуры» [10, с. 273].

Исторический анализ показывает, что в философском аспекте светских знаний духовность сводится к духовному аспекту внутренней жизни человека, проявляясь в культуре и традициях. В философско-религиозном понимании под духовностью подразумевается присутствие Бога в человеке, который через Дух контактирует с душой, становящейся в таком случае образом Божьим. В русской традиции мы можем увидеть и механизм единения, а именно мысль, которая «способна коснуться и познать две крайности, заполнив создавшийся промежуток между ними, образовав духовное пространство» [11].

Так как духовно-нравственный потенциал – феномен, объединяющий высшее, духовное и человеческое, его рассмотрение возможно лишь при условии объединения лучшего, что есть в обоих парадигмах. Подтверждают необходимость такого подхода к изучению процессов, происходящих в человеке, и другие исследователи. Так, Б. С. Братусь подчеркивает, что изучить

особое, вертикальное, духовное, познать анатомию и физиологию человеческого Духа затруднительно [5, с. 71]. К этому стремится философия и лишь приближается психология. Аналогичный взгляд и у В. П. Зинченко: без души и Духа психология не сможет вернуться к собственной целостности [12].

Учитывая достижения в познании, существующие на данный момент в светском и религиозном направлениях, отметим, что это две стороны единого процесса, нуждающиеся в дальнейшей детальной проработке их совместного и единичного бытия. Каждая из сторон изучает свою часть такого сложного явления, как духовность, описывая духовное пространство и единение бытия человеческого и бытия духовного.

С религиозной точки зрения наиболее близко суть духовного выражает Н. А. Бердяев. По его мнению, духовность определяется Богом и исходит от него, она «есть высшее качество, ценность, высшее достижение в человеке» [3, с. 367]. С духовностью связано глубинное «Я» человека. Именно духовность, идущая из глубины, и есть «сила, образующая и поддерживающая личность в человеке». Духовность «вне феноменального объективированного мира, она не из него развивается, она лишь прорывается в него. Наиболее духовно значительное в человеке идет совсем не от социальных влияний, не от социальной среды, идет изнутри, а не извне. Рост духовности осуществляется заключенной в человеке духовной же силой, этот рост не может быть результатом недуховных состояний. Высшее никогда не получится из низшего, не заключающего в себе никаких задатков высшего, никаких его потенциалов. Духовная сила есть в человеке изначально и не человеческая только, но богочеловеческая. Человек в духовной своей глубине соприкасается с божественным и из божественного источника получает поддержку» [4].

Созвучны этим взглядам и мысли И. А. Ильина. Философ связывает духовность с божественной сущностью, подчеркивая, что дух есть подлинная драгоценная реальность, начало, во всем животворящее и освящающее жизнь. Духовность «не совпадает с сознанием, она не исчерпывается мыслью, она глубже, могущественнее, богаче, священнее» [14, с. 295–301]. Эту же мысль по-своему высказывает и В. В. Зеньковский: «Нельзя прийти к духовному росту через развитие психических сил – интеллекта, воли, чувств, хотя духовная жизнь и опосредуется этим развитием душевной периферии» [13, с. 131].

Рассмотрение духовности с позиций религиозных представлений, под углом исследования потенциального, дает нам возможность ее определения как силы «нечто», проникающей в глубинное и потенциальное, гармонично соединяющей тело, душу и Дух, сворачивающейся и проявляющейся в виде духовной силы личности, позволяющей при разворачивании интуитивно прозреть смысл и вектор направления индивидуальной человеческой жизни, самореализовать духовно-нравственный потенциал. Разворачивающиеся сущностные жизненные силы реализуются благодаря общечеловеческим духовно-нравственным ценностям, интегрированности в триединство чувств, разума и волевой реализации в пространстве морально-нравственной и правовой регуляции, основанной на духовном.

Духовность есть сила, запускающая потенциальное и ведущая человека в самореализации потенциального к вершинам бытия. Потенциал становится реализующим сущностным началом, раскрывающим духовное. Высшее бытие, проявляясь во внутреннем человеке, познается сакральным мироощущением и выражается совестью. Воспроизводство духовного начала в человеке преобразует

его, создавая духовную основу его бытия, затем начинает влиять через него на общество, созидая его.

Духовный путь человека – это путь эволюционного развития через согласование духовного – материального. Это жизнь между полярностями внутренних дихотомий, проживание в реальности общественного бытия единых духовных законов развития природы, общества, человека. Духовно человек способен находиться одновременно во внутреннем и внешнем бытии, соединяя в единое целое сознательное и бессознательное. В этом пространстве формирования метасмыслов можно увидеть соединение интересных для исследования феноменов, а именно потенциального и ментального, духовного и нравственного.

В ходе исследования с позиции потенциального становится ясно, что рассматриваемый в ряде научных работ духовный потенциал отделен от материального и подразумевает обращение к сакральному. Частично отсоединен от духовного, при перероентации на материальное, что влечет за собой потерю исходных оснований, и нравственный потенциал. Лишь духовно-нравственный потенциал призван соединять обе стороны реальности бытия, духовную и материальную, и обеспечить целостный процесс развития человека.

Духовное есть запредельное, реализуемое через реальное, поэтому потенциальное выражается в личности не через духовное, а через конкретное, т. е. нравственное. Нравственность становится мостом, соединяющим духовное и материальное, механизмом реализации духовного, формой, несущей духовное содержание и способствующей его проявлению. Синхронизация сторон материализует духовное, проявляя абсолютное в материальном и конкретном. Благодаря нравственным нормам, усвоенным в процессе воспитания, духовные основы бытия становятся внутренними

нормами, регламентирующими внутренний мир человека. Влияя на соединение внутреннего, потенциального с высшим, сущностным способствуют реализации потенциала и одухотворению желаний личности, ее взглядов, убеждений, установок, стереотипов, формируя тем самым духовно-нравственное отношение к миру, ближнему, самому себе.

Посредством нравственности в материальный мир входят духовные ограничения, очерчивающие границы движения самореализации духовно-нравственного потенциала. Они создают единую духовно-материальную канву целостности человеческого бытия в пространственно-временном континууме его жизни.

Социокультурное пространство, детерминированное нравственными нормами, позволяет личности самоопределиваться и идентифицируясь с духовным, реализовать духовно-нравственный потенциал. Нравственные нормы способствуют трансформации физических инстинктов, создающих многообразие внутренних дихотомий. Они снимают дихотомии внутреннего и внешнего, гармонизируя внутренний мир личности, влияя на регуляцию внешних действий. Нравственные нормы являются фильтром, пропускающим все содействующее самореализации духовно-нравственного потенциала.

Существующее парадигмальное религиозное и светское позволяет рассмотреть исследуемую нами проблему с двух сторон. Духовное и сущностное, с одной стороны, а генетически исходное, родовое – с другой направляют жизненные силы потенциала в оптимальное русло самореализации, преобразуя человека, а через него и общество. Рассмотрение духовно-нравственного потенциала личности через соединение потенциального и божественного через природу ментального позволяет увидеть общее и особенное.

Таким образом, духовно-нравственный потенциал личности – глубинная сущност-

ная духовная часть целостного потенциала личности, его основа, определяющая движущие силы, глубинное «Я» человека и его потенции, изначально свернутая, познаваемая лишь сакральным мироощущением и выражаемая совестью, разворачивающаяся из глубины потенцией сущностных жизненных духовных сил субъекта в условиях духовного пространства способствующего актуализации ядра потенциала, его самореализации, достижению акме [15, с. 50–55].

Социально-философское исследование духовно-нравственного потенциала открывает возможность обоснования процесса самореализации личности, согласованного с функционированием всех пластов его бытия, и особенности его раскрытия в условиях современного общества, с учетом социальных изменений, всегда осуществляющихся в контексте личностного развития.

Обсуждение

Описание разных сторон духовно-нравственного потенциала, без концептуальной его характеристики, можно увидеть в исследованиях специалистов различных сфер знания: философии (С. Ф. Анисимов), культурологии (Л. В. Камедина), педагогики (К. Я. Вазина), искусствоведения, богословия и церковной истории (Н. Успенский), православной культуры (Н. А. Симонова), христианской психологии (Б. С. Братусь), правоведения (А. А. Тер-Акопов) и др. В этих работах понятие «духовно-нравственный потенциал» четко не определяется и не разрабатывается.

В рамках социологии духовно-нравственный потенциал раскрывается чаще всего в плане культурной безопасности и защиты фундаментальных ценностей (патриотизм, историческая память, идеалы личности и общества и др.), выполняющих в обществе мировоззренческую, преемственную, регулятивную, охранительную, инновационную, правовую и другие функции. Структурные элементы и факторы

духовного потенциала мы можем увидеть в исследованиях Л. М. Галиева, Г. Р. Агяловой, Т. Р. Азиуллиной [1–2; 7]. В целом духовно-нравственный потенциал, по мнению специалистов, состоит из временной, социокультурной особенности, репрезентативной культуры и т. д.

При исследовании потенциала личности О. С. Анисимовым, А. А. Деркачем [8, с. 49], Н. Б. Трофимовой затрагивается и проблема духовно-нравственного потенциала личности, где в качестве закономерностей выделяются его возможные рефлексивные составляющие и их сущностные характеристики – закономерности развития.

Наиболее полно духовно-нравственный потенциал личности в современной философии рассматривала Л. Х. Газгиреева [6], отмечая его сущность в контексте экзистенциальных структурно-преобразующих смыслов бытия. Автор включила в него духовный интеллект, менталитет, духовно-нравственный иммунитет и эстетизацию повседневности. По мнению автора, духовно-нравственный потенциал личности включает следующие компоненты: мотивационно-ценностный, интеллектуально-познавательный, действенно-практический, эмоционально-волевой. Качественная характеристика духовного измеряется способами, целями, характером удовлетворения имеющихся потребностей, желанием «переделать» от несовершенства мир. Духовное самоопределение является аксиологической доминантой, в процессе которой осуществляется познавательно-поисковая и ориентационно-рефлексивная активность индивида (рефлексивная как рефлексирующая). Духовные аспекты человека – нравственность, эстетическая направленность, мышление, сознание.

Автор отмечает, что именно субъект является «со-творцом» бытия, пытаясь наделять бытие идеальным смыслом, и говорит о необходимости формирования нового

типа личности – «самоактуализирующегося человека», достигающего трансценденции, стремящегося к интеграции всех сторон жизни. Актуализация и активизация духовного потенциала в духовной жизни российского общества, находящегося в условиях определенной социокультурной реальности, для выхода из кризиса определяется ею рядом существенных характеристик или черт выражения духовного потенциала: гносеологической – степень эффективности средств и методов, воздействующих на сознание личности, зависящих от субъекта и объекта воспитания; аксиологической – средств, формирующих духовный мир личности и ориентирующих ее на определенные идеалы; онтологической – структурно-преобразующие смыслы бытия – повседневности, любви, свободы, творчества, духовности.

Гуманизм, по мнению автора, как экзистенциально-ценностный императив может помочь в общественной жизни преодолеть кризис духовности, став ее структурно-преобразующим компонентом ценностных смыслов и обеспечением экзистенциального равновесия. При этом духовно-нравственный потенциал Л. Х. Газгиреева порой называет духовным потенциалом, объединяя эти два потенциала в единое целое, что придает характеристике потенциала не совсем точный смысл. Не совсем полно раскрыты и суть духовного (духовно-нравственного) потенциала, его структурные составляющие, описание его самореализации.

Интерес для нашей работы в сфере психологии представляет и исследование духовного потенциала Т. Н. Липатовой [17]. Он определяется как характеристика накопленных, сформированных возможностей для реализации внутренних сил и способностей, скрытых или частично вовлеченных в процесс интеллектуальной, нравственной и культурной деятельности, как комплекс обстоятельств, условий и

факторов использования обществом этих способностей и талантов для социокультурного развития.

Базой духовного потенциала, по мнению автора, являются жизненные силы и жизненный ресурс. Содержится он «внутри» индивида или социального образования в зрелом виде («наличный» как возможности и условия их реализации) или в процессе генезиса («перспективный» как способности и возможности, которые могут проявиться при соответствующих условиях) или частично реализуемый в индивидуальной или общественной практике («используемый»). Раскрывается на эмпирическом уровне через возможности носителя и включает совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей. Носителями являются индивид, группа, региональная общность как обладатели способностей и побудительных мотивов к определенному виду деятельности.

Духовный потенциал индивида, по мнению Т. Н. Липатовой, образуют такие характеристики, как образованность, стремление к постоянному пополнению знаний, совершенствованию навыков и развитию имеющихся задатков, повышению профессионального уровня, ориентация в мире искусства, потребность в постоянных контактах с искусством, приверженность национальным традициям и обычаям, а также универсальные, личные, религиозные ценности, ценности трудовой, социально-политической и духовной сфер жизнедеятельности. Именно ценности и ценностные предпочтения в структуре потенциала занимают важное место. Их система – фактор реализации духовного потенциала, актуализации возможностей и способностей, определяющих во многом поведение и деятельность людей.

Развитие общества, с точки зрения Т. Н. Липатовой, предполагает актуализацию наличных или перспективных воз-

можностей, сформированных в духовном потенциале под воздействием объективных (определенных условий и конкретных действий со стороны государства и общества) или субъективных (актуализация способностей, возможностей и талантов членов социума, определяемых системой ценностных предпочтений) факторов. При таких условиях он может реализоваться, выступив источником духовно-нравственного совершенствования для носителя, и этнокультурного развития – для региона, в котором существует своя специфика реализации потенциала, просматривающаяся во взаимодействии ценностных предпочтений в его структуре. Содержание – целостное явление, как система, находящаяся в условиях внешнего окружения, элементами которой являются качество социального потенциала и таких сегментов духовной сферы, как образование, наука, искусство, религия, основные сферы реализации духовного потенциала. Они определяют возможности реализации человеком разнообразных способностей и талантов, получение позитивно значимых результатов в духовной сфере жизнедеятельности. При этом духовными ресурсами жителей являются образованность, нравственность, творческий потенциал, ценностные предпочтения. В связи с этим для понимания феномена важна не его величина, а оценка качества социальной жизни, существующих условий для формирования и реализации потенциалов человека в духовной сфере жизнедеятельности. Духовные возможности человека, в совокупности определяющие степень развития морального и психологического сознания, создают еще один потенциал – морально-психологический.

Заключение

Прогрессивное развитие личности и общества всегда достигается сочетанием социальных, политических и экономических

перемен с социокультурными особенностями народа, его духовной культурой. Традиционное позволяет сохранить внутреннюю и внешнюю стабильность, психологическую опору от внедрения чуждого опыта, не интегрируемого с историческим опытом народа.

Жесткие современные реалии приводят к необходимости возвращения россиян к истокам цивилизации, основой которой является духовно-нравственное, созидательное начало, актуализирующее духовно-нравственный потенциал через систему духовно-нравственных ценностей и смыслов, формирующее модели поведения и психозащитные механизмы регуляции как личности, так и общества.

Организм человека изначально настроен на единение с сущим и генетически исходным, воспроизведением его основ в развитии, культуре, сферах жизни – политической, экономической, социальной.

Социальные изменения всегда осуществляются в контексте развития личности, без достижения духовных вершин которой невозможно дальнейшее движение общества. К сожалению, современные условия меняют природу человека, поэтому вопрос создания условий для реализации духовно-нравственного потенциала в современном обществе остается открытым.

Будущее России как духовно-нравственной державы возможно лишь при целенаправленном формировании у молодого поколения духовно-нравственных основ, фундамента реализации духовно-нравственного потенциала – главного фактора открытия способностей, творческого начала, уникальности человека. В связи с этим в России необходимо создание духовного ресурсного пространства, способствующего актуализации и самореализации духовно-нравственного потенциала.

Список источников

1. Аглямова Г. Р. Интеллектуальный потенциал молодого города и факторы его развития (на материалах города Набережные Челны). – М., 2003. – 383 с.
2. Азиуллина Т. Р. Культурный потенциал современного города (на материалах города Набережные Челны) : дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2004. – 216 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – 480 с.
4. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1944_041_7.html.
5. Братусь Б. С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии. – 1998. – № 4. – С. 71–79.
6. Газгиреева Л. Х. Духовная жизнь современного российского общества в экзистенциально-ценностном измерении : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2014. – 60 с.
7. Галиев Л. М. Духовный потенциал сельского учителя и факторы его совершенствования : дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2007. – 191 с.
8. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2004. – 750 с.
9. Дух // Философский словарь. Philosophisches Wörterbuch. – М., 1961. – С. 213.
10. Рыбаков С. Е. Философия этноса. – М. : ИПК Госслужбы, 2001. – 358 с.
11. Зинков Е. Г. Культурное пространство Российской духовности : дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 291 с.
12. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М. : Тривола, 1994. – 304 с.
13. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М. : Издательство Свято-Владимирского братства, 1993. – 222 с.
14. Ильин И. А. Путь к очевидности : сборник. – М. : Республика, 1993. – 430 с.

15. *Казанцева Д. Б.* Самореализация духовно-нравственного потенциала личности в России : монография. – Прага : Sociosféra-CZ, 2020. – 238 с.
16. *Лубский А. В.* Особенности интердисциплинарных и трансдисциплинарных исследований // Междисциплинарность в современном научном дискурсе : теория и практика : материалы научного семинара Южного федерального университета. – Ростов н/Д : Издательство ЮФУ, 2016. – С. 59–73.
17. *Липатова Т. Н.* Механизм воздействия ценностных ориентаций населения на формирование и развитие духовного потенциала региона // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 3. – С. 143–147.
18. *Сомкин А. А.* Целостная личность и современный социум : единство и оппозиционность. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2010. – 292 с.

References

1. *Aglyamova G. R.* Intellectual potential of a young city and factors of its development (on the materials of the city of Naberezhnye Chelny). Moscow, 2003, 383 p. (In Russ.)
2. *Aziullina T. R.* Cultural potential of a modern city (on the materials of the city of Naberezhnye Chelny). Abstract of Cand. Sci. (Sociology) Dissertation. Kazan, 2004, 216 p. (In Russ.)
3. *Berdyayev N. A.* Philosophy of a free spirit. Moscow, 1994, 480 p. (In Russ.)
4. *Berdyayev N. A.* Existential dialectics of the Divine and the Human [Electronic resource]. Available at: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1944_041_7.html. (In Russ.)
5. *Bratus B. S.* Double existence of the soul and the possibility of Christian psychology. *Voprosy psikhologii* = Questions of Psychology, 1998; 4: 71–79. (In Russ.)
6. *Gazgereeva L. Kh.* Spiritual life of modern Russian society in the existential-value dimension. Abstract of Doc. Sci. (Phil.) Dissertation. Stavropol, 2014, 60 p. (In Russ.)
7. *Galiev L. M.* Spiritual potential of the rural teacher and the factors of its improvement: Cand. Sci. (Sociol.) Dissertation. Kazan, 2007, 191 p. (In Russ.)
8. *Derkach A. A.* Akmeological bases of professional development. Moscow; Voronezh, 2004, 750 p. (In Russ.)
9. Spirit. In: Philosophical Dictionary. Moscow, 1961, P. 213. (In Russ.)
10. *Rybakov S. E.* Philosophy of Ethnos. Moscow, 2001, 358 p. (In Russ.)
11. *Zinkov E. G.* Cultural space of Russian spirituality. Doc. Sci. (Phil.) Dissertation. Rostov-on-Don, 2006, 291 p. (In Russ.)
12. *Zinchenko V. P., Morgunov E. B.* Man is developing. Essays on Russian Psychology. Moscow, 1994, 304 p. (In Russ.)
13. *Zenkovsky V. V.* Problems of education in the light of Christian anthropology. Moscow, 1993, 222 p. (In Russ.)
14. *Ilyin I. A.* The Way to Evidence. Moscow, 1993, 430 p. (In Russ.)
15. *Kazantseva D. B.* Self-realization of the spiritual and moral potential of the individual in Russia. Prague, 2020, 238 p. (In Russ.)
16. *Lubsky A. V.* Features of interdisciplinary and transdisciplinary research. In: Interdisciplinarity in modern scientific discourse: theory and practice: materials of the scientific seminar of the Southern Federal University. Rostov-on-Don, 2016, P. 59–73. (In Russ.)
17. *Lipatova T. N.* The mechanism of the impact of value orientations of the population on the formation and development of the spiritual potential of the region. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* = Bulletin of Economics, Law and Sociology. Kazan, 2010; 3: 143–147. (In Russ.)
18. *Somkin A. A.* The integrated personality and modern society: unity and opposition. Saransk, 2010, 292 p. (In Russ.)

Поступила 25.09.2021.

Сведения об авторе

Казанцева Дина Борисовна – кандидат психологических наук, докторант Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). Сфера научных интересов: самореализация потенциала личности, духовность, нравственность, право, трансформация духовно-нравственных ценностей в современном обществе. Автор более 170 научных и научно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-0052>.

E-mail: dinasens@mail.ru

Submitted 25.09.2021.

About the author

Dina B. Kazantseva – Candidate of Psychology, Doctoral Candidate, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). Research interests: self-realization of the individual's potential, spirituality, morality, law, transformation of spiritual and moral values in modern society. The author of more than 170 scientific and scientific-methodical publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-0052>.

E-mail: dinasens@mail.ru

Отношение к светской культуре в контексте социальных учений христианских церквей (церковно-правовой аспект)*

Введение. Вопросы отношения христианских церквей к различным формам светской культуры находят отражение в церковно-правовых источниках, специфичных для каждой конфессии. Особенности взаимодействия церквей и светской культуры на современном этапе развития общества рассматриваются, как правило, в структуре социальных учений, нормативно закрепленных в различных типах документов. Цель исследования заключается в выявлении сходств и отличий в отношении к различным феноменам светской культуры в православии, католичестве и протестантизме, выраженном в социальных учениях основных христианских конфессий. **Материалы и методы.** Сочетание системного и компаративного подходов позволило сопоставить специфику отношения различных христианских церквей к современной светской культуре, интерпретируемой как социальное явление. В качестве материалов исследования используются нормативные акты христианских церквей, отражающие основные положения их социальных учений и доктрин. **Результаты исследования.** В позициях христианских церквей относительно светской культуры обнаружены как сходства, так и различия. С одной стороны, подчеркивается важность данного явления и необходимость ведения диалога с миром светской культуры. С другой – наблюдаются отличия в таких вопросах, как понимание природы светской культуры, отношение к светской культуре, формы сотрудничества церкви и государства в области светской культуры, а также задачи и возможности верующих в области светской культуры. **Обсуждение и заключение.** Выделенные особенности отношения христианских церквей к современной светской культуре, зафиксированные в социальных учениях и закрепленные в нормативных документах, позволяют сформировать представление о перспективах диалога церквей с миром культуры. Основные выводы и положения исследования могут быть использованы в конструировании цивилизованных механизмов такого диалога, позволяющих минимизировать негативные последствия конфликтов, обусловленных столкновением в публичном пространстве разных мировоззренческих и ценностных позиций, демонстрируемых относительно тех или иных культурных форм и артефактов.

Ключевые слова: светская культура, религиозная культура, социальные учения христианских церквей, каноны, нормативные документы христианских церквей, диалог.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 21-011-44239).

Для цитирования: Коваль Е. А. Отношение к светской культуре в контексте социальных учений христианских церквей (церковно-правовой аспект) // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 52–63. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.052-063.

* Исследование подготовлено на основании доклада на V Российском культурологическом конгрессе с международным участием «Культурное наследие – от прошлого к будущему» (Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.).

Ekaterina A. Koval

Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(Saransk, Russia), e-mail: nwifesc@yandex.ru

Attitude to Secular Culture in the Context of Social Teachings of Christian Churches (Church and Law Dimension)

Introduction. Questions of Christian churches attitude to various forms of secular culture are reflected in church legal sources, which are specific for each faith. The peculiarities of the interaction of churches and secular culture at the present stage of the development of society are considered, as a rule, in the structure of social doctrines. The social teachings of the churches are recorded in various types of documents that have a normative nature. The aim of the study is to identify the similarities and differences in attitudes towards various phenomena of secular culture in Orthodoxy, Catholicism and Protestantism, expressed in the social teachings of the main Christian denominations. **Materials and Methods.** The combination of systemic and comparative approaches made it possible to compare the specifics of the attitude of various Christian churches to modern secular culture, interpreted as a social phenomenon. As research materials, the normative acts of Christian churches are used, which set out the main provisions of their social teachings and doctrines. **Results.** Both similarities and differences are found in the positions of the Christian churches regarding secular culture. On the one hand, the importance of this phenomenon and the need for a dialogue with the world of secular culture are emphasized. But, on the other hand, there are differences in such issues as understanding the nature of secular culture, attitude to secular culture, forms of collaboration between the Church and the state in the area of secular culture, as well as believers' tasks and opportunities in the area of secular culture. **Discussion and Conclusion.** The highlighted features of the attitude of Christian churches to modern secular culture, recorded in the normative documents, make it possible to form an idea of the prospects for the dialogue of churches with the world of culture. The main conclusions and provisions of the study can be used in the construction of civilized mechanisms of such a dialogue, which make it possible to minimize the negative consequences of conflicts caused by the clash in the public space of different ideological and value positions demonstrated in relation to certain cultural forms and artifacts.

Keywords: secular culture, religious culture, social teachings of Christian churches, canons, normative documents of Christian churches, dialogue.

Acknowledgment: The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 21-011-44239).

For citation: Koval E. A. Attitude to Secular Culture in the Context of Social Teachings of Christian Churches (Church Law Dimension). *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 52–63 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.052-063.

Введение

Отношение христианской церкви к элементам светской культуры на всем протяжении истории их взаимодействия было как минимум неоднозначным. Так, в традиционном каноническом корпусе, разработанном еще до Великой схизмы, содержатся нормы запретительного характера в отношении таких форм искусства, как зрели-

ща (spectacula), разновидностями которых наряду с гладиаторскими боями являлись сценические представления и выступления танцоров. Например, 24-м правилом Шестого Вселенского Собора клирикам и монахам запрещено посещать «позорищные игры», а 51-м правилом того же Собора полностью возбраняется «быть смехотворцам, и их зрелищам, также и зрелища зве-

рины творить и плясания на позорищи»¹. За посещение такого рода мероприятий мирян ждало отлучение от церковного общения, а клириков – извержение из клира.

Согласно 18-му Апостольскому правилу, кандидатам в клирики запрещено было жениться на блудницах, рабынях и «позорищных»². Зонара, комментируя данный канон, отмечает, что под «позорищными» женщинами следует понимать «участвующих в представлении зрелищ (на сцене)»³.

Однако уже патриарх Феодор Вальсамон, канонист XII в., комментируя 24-е правило Шестого Вселенского Собора, отмечал, что отдельные виды зрелищ могут быть допустимы: прежде их запрещали полностью из-за того, что они предполагали неприемлемые для христиан формы (драки, бои зверей, постыдные речи и т. п.), но позднее языческие практики постепенно начали вытесняться со сцены и появились так называемые дозволенные зрелища, куда не возбранялось ходить не только мирянам, но и клирикам⁴. О дифференциации зрелищ свидетельствует и норма, закрепленная в 66-м правиле Шестого Вселенского Собора, запрещающая не зрелища вообще, а конкретно в неделю после Пасхи (Шест., 66; Карф., 72).

Необходимо отметить, что древние каноны до настоящего времени действуют в православных церквях⁵. Их применение осуществляется не «по букве», а «по духу», с учетом историко-культурных и общественно-политических условий, в которых

они принимались, и специфики современной социальной реальности.

В течение двухтысячелетней истории христианства взаимоотношения церковью с различными явлениями светской культуры менялись, но и на современном этапе они не всегда являются гармоничными и бесконфликтными. Это обусловлено, главным образом, тем, что светская культура многообразна и далеко не всегда пропагандирует ценности, конституирующие религиозную культуру, а иногда воспроизводит и прямо противоположные им по духу.

В связи с этим вопросам светской культуры уделяется существенное внимание в социальных учениях христианских церквей, в частности в тех положениях, которые закрепляются в церковно-правовых документах.

Обзор литературы

Новейшие документы христианских церквей, содержащие основы социальных учений и концепций, включают не только декларации, но и нормы, которые предписывают или запрещают определенные практики, в том числе отсылки к каноническим правилам по определенной проблеме, если таковые имеются. Например, в Компендиуме социального учения Католической Церкви обозначены три уровня богословско-морального учения – мотивационный, директивный и уровень принятия решений, которые имеют ценностно-нормативную природу (формирование мотивов, социальное нормотворчество и применение норм

¹ Шестой Вселенский Собор – Константинопольский [Электронный ресурс]. – URL: <http://agioskanon.ru/vsobor/006.htm#24>.

² Каноны святых Апостолов [Электронный ресурс]. – URL: <http://agioskanon.ru/apostol/001.htm#42>.

³ Там же.

⁴ Шестой Вселенский Собор – Константинопольский.

⁵ Канонический корпус православной церкви содержится в канонических сборниках (в 883 г. в Константинополе был создан «Номоканон»; переведенные на славянский язык сборники получили название «Кормчие книги»; в качестве основного канонического сборника в Русской православной церкви используется «Книга правил», включающая Апостольские правила, каноны Вселенских Соборов, десяти Поместных Соборов и тринадцати Святых отцов).

к конкретным ситуациям)⁶ (гл. 2, п. 73). Э. В. Ананьев, анализируя содержание данного сборника, обращает внимание на то, что он включает документы разного статуса [1], большинство из которых носят нормативный характер. Нормативный характер имеют по крайней мере отдельные положения социальных документов, разработанных в православной традиции и усилиями протестантских деноминаций [2–3], поскольку верующим рекомендуется руководствоваться ими при разрешении отдельных вопросов социального характера.

В церковно-правовых документах, содержащих основы социальных учений и доктрин, отражается официальная позиция церквей по актуальным социальным вопросам, что позволяет апеллировать к ним в проблемных и неоднозначных ситуациях. Один из таких вопросов – взаимоотношения церквей со светской культурой, включающей ценности, нормы, практики, символы, не связанные с областью сакрального и сверхъестественного, и ядро которой соотносится с областью «естественного» [4, с. 302; 7, с. 87].

Отношение церквей к миру светской культуры проблематизируется ввиду неоднозначности положения различных национальных культур в структуре глобализационных процессов, конфликтов частного характера, связанных с нравственной оценкой конкретных явлений и культурных артефактов, а также с глубинными процессами, связанными с негативным влиянием отдельных форм светской культуры на нравственное состояние общества в целом и сообщества верующих в частности. Более того, изменяется сама религиозность.

Так, Н. М. Кожич отмечает, что ценности массовой культуры формируют игровое отношение к религиозным ценностям. «В этой связи отношение к церкви является потребительским, священника чаще всего воспринимают в качестве социального работника, исполнителя обрядов, но не как духовного наставника» [5, с. 137]. Направления и особенности диалога церковной и светской культур часто становятся предметом гуманитарных исследований. При этом авторы, как правило, обращают внимание на специфику православного [5–7; 11], католического [9–10] и протестантского [8] дискурсов.

Материалы и методы

Позиции различных церквей в отношении светской культуры совпадают в целом, но различаются в частности. Обратимся к компаративному подходу и сравним позиции православной, католической и протестантских церквей в отношении светской культуры на современном этапе, которая интерпретируется как целостное социальное явление, характеризующееся многообразием форм выражения. В качестве материалов исследования выбраны нормативные документы, опубликованные в начале 2000-х гг. и отражающие основные вопросы социальных учений основных христианских конфессий: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (далее – «Основы социальной концепции»)⁷ (приняты Архиерейским Собором Русской православной церкви в 2000 г.), «Компендиум социального учения Церкви» (далее – «Компендиум»)⁸ (подготовлен Папским Советом Справедливости и Мира⁹ в 2004 г.), и «Социальная позиция протестантских церквей» [8].

⁶ Компендиум социального учения Церкви. – М., 2004. – С. 60.

⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.

⁸ Компендиум социального учения Церкви.

⁹ Совет упразднен в 2017 г. В настоящее время вопросы, находившиеся прежде в ведении Совета, решаются Дикастерией по содействию целостному человеческому развитию.

стантских церквей России» (далее – «Социальная позиция»)¹⁰ (принята Консультативным Советом Глав Протестантских Церквей России в 2003 г.).

В силу церковно-правовой специфики различных конфессий данные документы имеют разный статус. В католической церкви возможны принятие и публикация нормативных положений и документов, действующих во всем католическом мире, в отличие от ограниченных возможностей поместных православных церквей или протестантских деноминаций. Поэтому Компендиум как сборник, содержащий отсылки к различным нормативным положениям, например к Катехизису Католической Церкви¹¹, актуален для всех католиков, в том числе российских, в то время как «Основы социальной концепции» действуют на канонической территории Русской православной церкви, а «Социальная позиция» имеет ограничения и по территории, и по адресатам, которые определяются в первую очередь подписантами данного документа, хотя в самом документе обозначен его межнациональный характер. Сходство анализируемых документов заключается в их предназначении – систематизировать и обобщить позицию церквей по проблемным вопросам современности, большим рискам и вызовам, с которыми сегодня сталкивается человечество.

Необходимо отметить, что отношение к культуре находит отражение в специализированных разделах и подразделах обозначенных документов (подраздел XIV.2 «Основ социальной концепции», подраздел «Служение культуре» гл. 12 «Компендиума» и подраздел 14.3 «Социальной позиции»), хотя, помимо этого, отдельные аспекты отношений церквей к светской культуре включены в ряд других разделов.

Результаты

Во всех трех документах отражается амбивалентное отношение христианских церквей к светской культуре: с одной стороны, не отрицается ее значимость для развития личности и общества, с другой – выражаются опасения из-за отсутствия границ, позволяющих отдельным формам современной светской культуры выходить далеко за пределы религиозных нравственных ценностей и пропагандировать неприемлемые для христианского мировоззрения практики. Такая амбивалентность обостряет публичное обсуждение проблемных аспектов взаимодействия и формирование официальной позиции церквей по вопросам диалога между церковью и миром светской культуры. Однако важность подобного диалога подчеркивается во всех исследуемых документах, а также обозначаются как минимум контуры возможных направлений конструктивного взаимодействия.

Однако можно выделить и определенные отличия, фиксируемые в анализируемых документах и касающиеся вопросов официальной позиции церквей в отношении светской культуры. Рассмотрим эти отличия на примере положений, касающихся следующих вопросов:

- 1) понимание природы светской культуры;
- 2) отношение к светской культуре;
- 3) области сотрудничества церкви и государства в области светской культуры;
- 4) задачи и возможности верующих в области светской культуры.

Понимание природы светской культуры

В «Основах социальной концепции» содержится указание на религиозные корни культуры, интерпретируемой как забота о мире. Только через воцерковление чело-

¹⁰ Социальная позиция протестантских церквей России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1379387>.

¹¹ Катехизис Католической Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://cconline.ru/#2235>.

век-творец сотрудничает с Богом и возвращается к религиозным истокам культуры. В противном случае он рискует уклониться от божественного к демоническому. Именно церковь «освящает различные стороны культуры и многое дает для ее развития... помогает культуре переступить границы чисто земного дела» (разд. XIV. 2)¹².

В «Компендиуме» акцентируется внимание на истинном содержании культуры, которая раскрывается в многообразии национальных культур, но погибает, когда отрицается ее религиозное измерение. Именно религиозность человека «проявляется в формах культуры, оживляя и вдохновляя их. Об этом свидетельствуют бесчисленные произведения искусства всех времен» (гл. 12, п. 559)¹³.

«Социальная позиция» содержит разные установки в отношении мирового и отечественного культурного наследия: первое следует уважать, а второе – не только уважать, но и использовать для «успешной проповеди Евангелия». Приветствуется многообразие национальных культур и декларируется готовность к межкультурному диалогу (п. 5.3)¹⁴.

Отношение к светской культуре

Согласно «Основам социальной концепции», церковь не отказывает светской культуре в том, что и она может быть «носителем благовестия», однако утверждается право церкви на нравственную проверку культурных явлений и на борьбу с теми из них, которые эту проверку не прошли. В анализируемом документе внимание акцентируется на том, что борьба церкви с «антикультурой» не предполагает борьбы с ее носителями. В ситуациях, когда люди,

апеллируя к авторитету церкви, совершают ненормативные поступки в рамках борьбы с тем, что они понимают под «антикультурой», как, например, поджог кинотеатров, в которых планировался показ фильма «Матильда», официальная позиция церкви однозначна: категорический запрет такого поведения и «решительное осуждение любых экстремистских действий, притянутых к дискуссии об этом фильме»¹⁵.

В «Основах социальной концепции» утверждаются многообразие культурных форм и важность сохранения культурного наследия, особенно церковного Предания. В то же время обращается внимание на то, что сотрудничество с миром культуры не всегда возможно и зависит от того, о каком конкретно явлении культуры идет речь, о его нравственном измерении.

В «Компендиуме» обозначается разрыв между Евангелием и культурой и отмечается, что христианство способно воздействовать на культуру с «обновляющей силой»¹⁶, которая действует на личность, ее убеждения, ценности, суждения изнутри. Церковь при этом должна выступать своеобразным переводчиком с языка христианских ценностей на язык современной культуры. Однако данная позиция является результатом долгой эволюции отношения к явлениям культуры. Как отмечает В. Е. Языкова, «римские папы прошли долгий путь от анафематствования любых форм светской культуры и цивилизации к установлению диалога между церковью и культурой, церковью и современным искусством» [9, с. 179]. Еще в первой половине XX в. нормативные установления католической церкви по вопросам отношения к светской

¹² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

¹³ Компендиум социального учения Церкви.

¹⁴ Социальная позиция протестантских церквей России.

¹⁵ Тихон (Шевкунов), епископ Егорьевский. «Матильда»: точка обратного отсчета [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.ru/106591.html>.

¹⁶ Компендиум социального учения Церкви.

культуре носили критический характер, что не способствовало установлению конструктивного диалога с обществом, особенно с той его частью, которая апеллировала к либеральным ценностям.

Уже на Втором Ватиканском соборе было сформулировано иное отношение к светской культуре, предполагающее необходимость диалога даже в том случае, когда носители и авторы тех или иных культурных форм находятся далеко «за церковной оградой».

В «Компендиуме», как и в «Основах социальной концепции», подчеркивается принципиальная значимость этического измерения культуры: «Невнимание к этому измерению с легкостью превращает культуру в путь к обеднению человечества» (гл. 12, п. 556). Утверждается тесная взаимосвязь религиозности, нравственности и культуры¹⁷.

В «Социальной позиции» указывается на ограничения возможностей светской культуры в духовной сфере, обусловленные греховностью любого человека-творца. В отличие от «Основ социальной концепции» и «Компендиума», в анализируемом документе в наиболее жесткой форме сформулировано отношение к светской культуре: «...мы не считаем, что культура сама по себе способна духовно (в подлинном смысле этого слова) воспитать личность» (п. 14.3)¹⁸. В отношении культуры делается два смысловых акцента, которые можно условно обозначить как «национальный» и «миссионерский».

Области сотрудничества церкви и государства в области светской культуры

Согласно положениям «Основ социальной концепции», сотрудничество церкви и государства в таких областях, как восста-

новление и развитие культурного наследия, культурное образование и воспитание, культура и творческая деятельность (разд. XIV, п. 2, пп. «в», «д», «л»)¹⁹, является нормативно предусмотренным и взаимно одобряемым.

В «Компендиуме» описывается такая модель церковно-государственных отношений, при которой церковь и государство позиционируются как совершенные независимые общества со своими целями и средствами для их достижения, которые действуют во благо человека (п. 445)²⁰, в том числе в сфере культуры.

В «Социальной позиции» сфера взаимодействия церковью и государства обозначена более узко: культура и творческая деятельность (п. 3.4), при этом исключается нормативность воздействия на религиозное мировоззрение граждан через учреждения культуры (гл. 4)²¹.

Задачи и возможности верующих в области светской культуры

В «Основах социальной концепции» акцентируется внимание на том, что мир культуры не должен полностью поглощать христианина. «Уйти с головой в творчество», таким образом, означает отказаться от «эсхатологической устремленности». Впрочем, участие верующих в культурной жизни, в том числе в создании культурных артефактов, не отрицается. Однако обращается внимание на то, что «православный иконописец, поэт, философ, музыкант, архитектор, актер и писатель обращаются к средствам искусства, дабы выразить опыт духовного обновления, который они обрели в себе и желают подарить другим» (разд. XIV.2)²². Каждый христианин, являющийся деятелем культуры, таким образом,

¹⁷ Компендиум социального учения Церкви.

¹⁸ Социальная позиция протестантских церквей России.

¹⁹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

²⁰ Компендиум социального учения Церкви.

²¹ Социальная позиция протестантских церквей России.

²² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

должен постоянно проверять себя на предмет благочестивости намерений и чистоты источника вдохновения (за пределы нормативного выводятся такие способы обретения вдохновения, как прием наркотиков, оккультные и магические практики).

В документе содержится обращение ко всем людям культуры. Церковь напоминает, что «...их призвание – возделывать души людей, в том числе и собственные, восстанавливая искаженный грехом образ Божий» (разд. XIV. п. 2)²³.

В «Компендиуме» главная задача верующих в сфере культуры формулируется следующим образом: «взращивание социальной и политической культуры, вдохновленной Евангелием» (гл. 12, п. 555)²⁴, обязательство «включаться в культурное и социальное проектирование»²⁵. Верующие призываются к социальной и политической деятельности в культурной сфере, воспроизводству нравственного стержня культуры, направленной на совершенствование личности и общества, повышение качества жизни человека. При этом благо личности, очевидно, имеет приоритет перед общественным благом²⁶, хотя обе разновидности блага заявлены как цели культуры (гл. 12, п. 556)²⁷.

В документе перечисляются права и свободы, которые входят в культурные права человека, подчеркивается их генетическая связь с естественным законом, который связывает людей между собой в условиях культурного разнообразия²⁸.

Исходя из анализа нормативных положений, на которые ссылаются составители «Компендиума», следует, что мир светской

культуры здесь толкуется несколько шире, чем, например, в «Основах социальной концепции». Если в «Основах» мир культуры – это в первую очередь мир искусства, то в «Компендиуме» обращается внимание на то, что мир светской культуры – это повседневная жизнь современного человека. Такая интерпретация подчеркивает трагизм и катастрофичность разрыва между ценностями религиозной и светской культур²⁹. Для иллюстрации данного тезиса в «Компендиуме» приводится аргумент с отсылкой к историческим событиям эпохи Второй мировой войны, подчеркивается «...провал культурных перспектив, долгое время распространенных и превалирующих, прежде всего на социальном и политическом уровнях» (гл. 12, п. 555)³⁰.

Важным нормативным положением является предписание, касающееся выбора верующими людьми правильных средств социальной коммуникации и использование таких средств не для обогащения, но для солидаризации (п. 561 со ссылкой на Катехизис Католической Церкви, 2495). Резко осуждается информационное неравенство, провозглашается ответственность средств социальной коммуникации – за контент, транслируемый ими, а потребителей – за выбор таких средств.

Согласно положениям раздела 14.3 «Социальной позиции», культурное творчество верующих приемлемо только при том условии, если оно «не выходит за рамки христианской веры и морали»³¹. Резко осуждается творчество ради прибыли, паразитирующее на низменных пороках человечества и фак-

²³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

²⁴ Компендиум социального учения Церкви.

²⁵ Там же. – С. 20.

²⁶ Там же. – С. 96.

²⁷ Там же. – С. 362.

²⁸ Там же. – С. 101.

²⁹ См., например: II Ватиканский Собор, Паст. Конст. *Gaudium et spes*, 43: AAS 58 (1966) 1062.

³⁰ Компендиум социального учения Церкви.

³¹ Социальная позиция протестантских церквей России.

тически способствующее не развитию личности, а эксплуатации «человеческих страстей и похотей»³². При этом утверждается, что верующие несут ответственность за сохранение и приумножение исторического и культурного наследия, однако с оговоркой: следует прилагать усилия для воспроизводства только таких культурных образцов, которые утверждают «...непреходящие духовные и нравственные ценности...» (п. 5.4)³³. Дифференциация явления культуры декларируется как навык, необходимый родителям: детей следует приобщать к лучшим достижениям культуры и оберегать от тех, которые могут повредить им и «противоречат христианским принципам» (п. 8.1)³⁴. В целом разделение явлений мировой и национальных культур на достойные уважения и чуждые и враждебные христианству в анализируемом документе составляет ценностно-нормативную позицию по отношению к культуре, которой должны придерживаться верующие, вне зависимости от того, являются ли они потребителями культуры или занимаются созидательной деятельностью в мире светской культуры.

Обсуждение

Итак, в социальных учениях христианских церквей, нашедших отражение в новейших нормативных документах, отмечается взаимосвязь религии и культуры. При этом в «Основах социальной концепции» утверждается генетическая природа такой взаимосвязи (культура имеет религиозные корни), в «Компендиуме» делается акцент на множественности культур, каждая из которых имеет религиозное измерение, а в «Социальной позиции» описывается «испорченность» культуры, связанная с грехопадением. Общей позицией относительно

природы культуры является следующее: если мир культуры полностью переходит от теоцентрической мировоззренческой позиции к антропоцентрической, это обедняет культуру и делает ее уязвимой для глобальных рисков и вывозов.

Отношение к светской культуре также имеет общие черты, заявленные в социальных учениях основных христианских конфессий: многообразие явлений культуры продуцирует необходимость их нравственной оценки со стороны церкви. Крайне важен диалог с миром культуры, но некоторые культурные феномены и артефакты противоречат христианским ценностям, нравственности и мировоззрению в целом. Однако обнаруживаются и отличия. Так, в «Социальной позиции» в наиболее острой форме обозначается ограниченность светской культуры в сфере духовного воспитания по причине греховности человека-творца, жестко разводятся понятия культуры и духовности. В «Компендиуме» содержится более мягкая позиция по отношению к многообразным формам светской культуры, используется образ церкви как переводчика с языка светских ценностей на язык религиозных. В «Основах социальной концепции» подчеркивается принципиальная важность нравственного измерения культуры и предполагается возможность борьбы с проявлениями антикультуры (но не с их носителями).

Возможности соработничества церкви и государства явно обозначены в «Основах социальной концепции» и «Социальной позиции», при этом в первом документе перечень областей взаимодействия шире. В «Компендиуме» акцентируется внимание на том, что и церковь, и государство независимы друг от друга, но их объединяет то, что они работают на благо человека.

³² Социальная позиция протестантских церквей России.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Наиболее существенные отличия – в том, какие задачи и требования к верующим формулируют церкви в вопросах, касающихся мира светской культуры. Подраздел «Компендиума», в котором сосредоточены нормы о культуре, структурно включен в раздел II главы 12 «Социальное служение и ответственность верных мирян», поэтому в данном документе задачи и возможности верующих в сфере культуры сформулированы наиболее пространно: христиане обязаны через социальную и политическую деятельность культивировать евангельские ценности в современном обществе, находить точки соприкосновения с многообразием современных культур и способствовать их нравственному совершенствованию. В «Социальной позиции» с учетом наиболее критичного отношения к светской культуре обозначаются пределы творческих возможностей христиан: творчество не покидает пространства нормативного, пока соответствует христианской вере и морали. Наконец, в «Основах социальной концепции» представлена наиболее неоднозначная позиция относительно задач христиан в мире культуры: с одной стороны, люди культуры – это возделыватели душ, и, поскольку светская культура может быть «носителем благовестия», их деятельность приветствуется и поощряется; с другой стороны, четко обозначаются приоритеты: сначала дела спасения, забота о вечном, и только потом – творческая позитивно-преобразовательная деятельность в настоящем. Погружение «с головой» в мир культуры – неподобающее поведение

для христианина. Кроме того, обращается внимание на важность возвращения к религиозным корням культуры, которое для человека-творца возможно только через воцерковление.

Несмотря на обозначенные отличия, во всех исследуемых документах отмечается важность диалога церкви с миром светской культуры. Общность позиций в понимании природы культуры и отношения к ней задает перспективы для углубления и развития межрелигиозного и межконфессионального диалога по проблемным вопросам, касающимся сферы светской культуры.

Заключение

Формирование общих представлений о природе культуры, ее миссии в современном мире является важным условием укрепления межрелигиозного диалога и согласования позиций по отношению к светской культуре различных христианских конфессий, а также укрепления единства в обществе. Недопустимо использование культурных реалий для разжигания ненависти и вражды по признаку национальной принадлежности или отношения к религии. Общей для всех христианских церквей является потребность в поиске цивилизованных форм диалога с миром светской культуры, особенно в конфликтных ситуациях. Однако для конструктивного диалога требуются заинтересованность в нем всех участвующих сторон и совершенствование церковно-правовых установлений, регламентирующих проблемные вопросы взаимодействия с миром светской культуры.

Список источников

1. *Ананьев Э. В.* Социальные учения западно-христианских традиций – концепция возможности или программа необходимости // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – Т. 28, № 3. – С. 76–112.
2. *Ананьев Э. В.* Социальная концепция Русской Православной Церкви : ответ Церкви на вызовы времени // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – Т. 28, № 4. – С. 53–74.
3. *Ананьев Э. В.* Особенности конфессионального понимания роли социальной деятельности религиозных организаций : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2011. – 26 с.

4. Грязнова Е. В., Чудина Е. Г., Федоренко И. Е., Котов А. Е. Диалектика светской и религиозной культуры : выбор и обоснование модели педагогических исследований // Азимут научных исследований : педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 1 (30). – С. 301–304.
5. Кожич Н. М. Особенности взаимодействия православия и светской культуры в современных условиях // Труды БГТУ. – 2015. – № 5 (178) : История, философия, филология. – С. 136–139.
6. Лебедев В. Н. Проблема диалога церковной и светской культуры в современной России // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2006. – Т. 171. – С. 237–243.
7. Николаев Э. А. Религиозная и светская культуры : проблема взаимоотношений (православный дискурс) // Власть. – 2010. – № 3. – С. 87–90.
8. Суховский А. В. Русский протестантизм и российская культура // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2, № 1. – С. 187–196.
9. Язькова В. Е. Католическая церковь и культура : новые пути диалога // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 3. – С. 179–185.
10. Язькова В. Е. Модернизм и традиционализм : новые аспекты диалога католической церкви и светской культуры // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 2. – С. 239–244.
11. Orekhovskaya N. A., Chistyakov A. A., Kryukova N. I., Krokhina J. A., Ospennikov Y. V., Makarova E. V. Orthodoxy and Modernity their Contact Facets in Russian Society // European Journal of Science and Theology. – 2019. – Vol. 15, Issue 2. – P. 67–77.

References

1. Ananiev E. V. Social teachings of the West Christian traditions – concept of potential and program of necessity. *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* = State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2010; 3: 76–112. (In Russ.)
2. Ananiev E. V. Social concept of the Russian Orthodox Church: Church answer to challenges of time. *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* = State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2010; 28(4): 53–74. (In Russ.)
3. Ananiev E. V. Features of the confessional understanding of the role of social activity of religious organizations. Abstract of Cand. Sci. (Philosophy.) Dissertation. Moscow, 2011, 26 p. (In Russ.)
4. Gryaznova E. V., Chudina E. G., Fedorenko E. G., Kotov A. E. Dialectics of secular and religious culture: choice and justification of pedagogical research model. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija* = Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020; 9(1): 301–304. (In Russ.)
5. Kogich N. M. The peculiarities of the orthodoxy and culture interaction in the contemporary conditions. *Trudy BGTU. № 5. Istorija, filosofija, filologija* = Proceedings of BSTU. No. 5: History, Philosophy, Philology. 2015; 5(178): 136–139. (In Russ.)
6. Lebedev V. N. The problem of dialogue between church and secular culture in modern Russia. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* = Proceedings of the Saint Petersburg State Institute of Culture. 2006; 171: 237–243. (In Russ.)
7. Nikolaev E. A. Religious and secular culture: the problem of relationships (Orthodox discourse). *Vlast'*. 2010; 3: 87–90. (In Russ.)
8. Sukhovskiy A. V. Russian Protestantism and Russian culture. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. 2015; 2(1): 187–196. (In Russ.)
9. Yazkova V. E. Catholic Church and culture: new ways of the old dialogue. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN* = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe of the RAS. 2018; 3: 179–185. (In Russ.)
10. Yazkova V. E. Modernism and traditionalism: new aspects of dialogue of the Catholic Church with secular culture. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN* = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS. 2018; 2: 239–244 (In Russ.)

-
11. *Orekhovskaya N. A., Chistyakov A. A., Kryukova N. I., Krokhhina J. A., Ospennikov Y. V., Makarova E. V. Orthodoxy and Modernity their Contact Facets in Russian Society. European Journal of Science and Theology. 2019; 15(2): 67–77. (In Eng.)*

Поступила 14.11.2021.

Сведения об авторе

Коваль Екатерина Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: нормотворчество в морали, праве, религии, каноническое право, прикладная и профессиональная этика. Автор более 140 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Submitted 14.11.2021.

About the author

Ekaterina A. Koval – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Criminal Procedure, Law and Criminalistics, Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RLA) (Saransk, Russia). Research interests: social norm-creating in morality, law, religion, canon law, applied ethics and professional ethics. The author has more than 140 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

УДК 130.32

Е. В. Мочалов¹, Ж. В. Чашина²

¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: mochalov_ev@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: chashina.j@yandex.ru*

Роль нравственного воспитания в процессе освоения знания

Введение. Обращается внимание на исторически сложившиеся типы знания. Отмечается, что развитие техногенного общества объективно требует нравственной доминанты в процессе получения знания. Цель статьи – обоснование в рамках иерархически-соподчиненного подхода связи теоретической и практической составляющих в процессе обучения.

Материалы и методы. Теоретико-методологической базой послужили концепции томистов и неотомистов. Матрицей выступил иерархически-соподчиненный подход, предполагающий формирование как устойчивых знаний по соответствующей учебной дисциплине в процессе обучения, так и механизмов становления нравственной личности. В качестве инструментария использовались причинно-генетический и аксиологический методы. Результаты исследования. Утверждается, что применение анализируемого подхода является эффективным способом для приобретения знания и трансформирования его для развития нравственно-творческой личности. Выделены основные концептуальные положения рассматриваемого подхода, который позволяет, с одной стороны, формировать педагогическое мастерство педагога в рамках обучения, с другой – изменять систему ценностей учащегося, развивая интерес к знаниям и нравственному совершенству. **Обсуждение и заключение.** Подчеркивается практическая значимость исследования, ориентированного на формирование личностной системы ценностей. Указаны условия практической реализации предложенной методики, занимающей смежное положение между мотивационными и образовательными аспектами процесса обучения.

Ключевые слова: знание, иерархический подход, личность, метафизика, мудрость, нравственность, соподчиненность, теология, творчество.

Для цитирования: Мочалов Е. В., Чашина Ж. В. Роль нравственного воспитания в процессе освоения знания // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 64–73. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.064-073.

Evgeniy V. Mochalov¹, Zhanna V. Chashina²

¹ *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: mochalov_ev@mail.ru*

² *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: chashina.j@yandex.ru*

The Role of Moral Education in the Process of Mastering Knowledge

Introduction. The article draws attention to the historically established types of knowledge. It is noted that the development of a technogenic society objectively requires a moral component in the process of acquiring knowledge. The purpose of the article is to substantiate, within the framework of

© Мочалов Е. В., Чашина Ж. В., 2022

a hierarchically subordinate approach, the connection between theoretical and practical components in the learning process. **Materials and Methods.** The theoretical and methodological basis is the concepts of Thomists and Neo-Thomists. The matrix is a hierarchically-subordinate approach, which presupposes the formation of both stable knowledge in the corresponding academic discipline in the learning process, and the mechanisms of the formation of a moral personality. Causal-genetic and axiological methods are used as tools. **Results.** The article argues that the application of the analyzed approach is an effective way to acquire knowledge and transform it for the development of a moral and creative personality. The main conceptual provisions of the considered approach are highlighted, which allows, on the one hand, to form the pedagogical skill of the teacher in the framework of training, on the other hand, to change the student's value system, developing an interest in knowledge and moral perfection. **Discussion and Conclusion.** The practical significance of the research focused on the formation of a personal value system is emphasized. The conditions for the practical implementation of the proposed methodology, which occupies an adjacent position between the motivational and educational aspects of the educational process, are indicated.

Keywords: knowledge, hierarchical approach, personality, metaphysics, wisdom, morality, subordination, theology, creativity.

For citation: Mochalov E. V., Chashina Zh. V. The role of Moral Education in the Process of Mastering Knowledge. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 64–73 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.064-073.

Введение

Объективные обстоятельства, в которых в настоящее время функционирует система образования, побуждают к активному поиску передачи знания. Это в свою очередь заставляет переосмыслить пути реализации учебно-воспитательных задач. Формируя методы их решения в новых условиях, нельзя забывать, что исторически сложились как разные способы обучения, так и разные подходы к оценке его результатов. Многие педагоги совершенно справедливо отмечают, что конечной целью процесса обучения является формирование гармоничной личности. Вопрос только в том, каковы пути достижения этой цели. Например, И. Ф. Герbart, сторонник авторитарного подхода к образованию и воспитанию, считал, что обучение и нравственное воспитание – ведущие пути формирования гармоничной личности [10].

С дальнейшим развитием педагогической науки все большее место в ней занимали гуманистические взгляды. Гуманисты прежде всего признавали права детей, ценность их личности. Основные направления практического гуманизма: национальный, психологический, эволюционный.

С развитием техногенной культуры в системе образования формировались и другие задачи. На развитие образования стали существенно влиять такие особенности постиндустриального общества, как отсутствие постоянства, рост ускорения, противоречия (вернее, даже конфликты) между скоростью биологических, психических и социальных процессов [13]. В современном обществе информация играет важнейшую системообразующую роль, что значительно повышает значимость системы образования. Естественно, это повлияло на изменение содержания мировоззрения, в том числе системы ценностей и потребностей человека. Следовательно, в системе образования должен сформироваться человек, который сможет быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Это обстоятельство приводит к изменению системы мотивации и системы контроля знаний. По сути, субъект образовательного процесса, становясь все более автономным, выполняет эти функции.

Процесс автономизации предмета образования также расширяет возможности реализации образовательного процесса, в частности в дистанционной форме. Такая

форма обучения создает ряд проблем, требующих срочных решений. Одним из них, на наш взгляд, является гармонизация образовательных и воспитательных задач.

Проблема развития деятельности человека как интегральной функции образования, ценностные аспекты образовательной деятельности как важная составляющая системы образования всегда привлекали внимание исследователей [8; 15; 17; 21–23]. Ряд авторов, обращаясь к проблемам современного, в частности дистанционного образования, отмечают практический аспект, а именно разработки в области сетевых дистанционных образовательных технологий и их дальнейшее развитие в информационно-образовательной среде в условиях дистанционного обучения [7; 12]. Публикации, как правило, анализируют результаты современного обучения и рассматривают отношение к цифровизации образовательного процесса [1–3; 5–6; 11; 14; 16; 20]. Однако недостатком большинства исследований является то, что внимание уделяется только образовательной составляющей, часто сводясь только к знаниям информационных технологий. Проблема гармонизации учебно-воспитательных задач в рамках современного обучения практически не рассматривается.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой анализируемой проблемы выступают концептуальные модели, в частности Фомы Аквинского и французского мыслителя XX в. Ж. Маритена.

Цель исследования – в рамках статьи показать взаимосвязь знания и ценностей.

Это предполагает решение таких задач, как: 1) анализ типов знания; 2) обоснование иерархической соподчиненности типов знания; 3) рассмотрение взаимосвязи интуитивного и рационального мышления и влияние этого процесса на формирование системы ценностей и поведенческих моделей.

В соответствии с целями и задачами, поставленными в статье, мы использовали иерархически-соподчиненный подход, причинно-генетический и аксиологический методы. Иерархически-соподчиненный подход и причинно-генетический метод позволяют обнаружить связь, при которой одно явление выступает причиной другого и проявляется как следствие. Каждое явление – это особый процесс саморазвития. С одной стороны, оно носит стихийный характер, с другой – имеет внутренние законы [4].

Аксиологический метод позволяет соединить теоретическую и практическую составляющие процесса обучения и установить взаимосвязь между ценностями и знанием.

Результаты исследования

Мудрость Древнего Востока, в частности Индии, воспринималась как путь спасения и избавления от страданий, которого возможно достичь с помощью духовных возможностей. Греческая мудрость имеет земное происхождение и представляет собой разум человека, который пытается рационально познать бытие, при этом не лишая человека единения с Богом. Античность иллюстрировала миру борьбу мудростей; христианский же мир, напротив, предложил их синтез и упорядочивание. В этом порядке главенствующим является духовный, все остальные – социальный, политический, экономический – вторичны и зависят от духовного.

В эпоху номинализма началось падение, интеллектуальный порядок оказался сломанным в результате превалирования знания над мудростью. Аверроизм пытался отделить философию от теологии, хотя их цель была направлена на метафизику. Напротив, картезианцам удалось решить данное разделение, но они были нацелены уже на физику. По мнению Р. Декарта, философия должна ориентироваться на практику, и

ее цель – сделать человека «хозяином и властелином природы». Именно по этой причине классический гуманизм ориентирован на богатство как высшую цель, а наука – на претензию первенства над мудростью. И. Кант, отделяя науку от метафизики, признавал и видел в философии природы момент соответствия тому, что есть, в заданном порядке вещей.

Смещение природы с математическим знанием было характерно для классического этапа философии Нового времени. В конце XVIII – XIX в. в структуре науки математика все поглотила, и наука предстала в виде концептуальной символизации, в которой нет места мудрости. Но наука сама по себе ценностно-нейтральное знание, и только человек может превратить научные знания как в добро, так и во зло.

По мнению св. Фомы, существует три различных и между собой упорядоченных вида мудрости. Эти виды отличаются их формальным объектом. Первая – мудрость благодати, или врожденная. Она имеет родство с Первопричиной и достигает ее через устремленность внутренней жизни. Основными принципами данной мудрости являются вера и любовь, а ее целью – единение. Вторая – богословская, ее объектом являются знания, данные Богом через откровение. Это мудрость веры и разума, или мудрость веры, использующая разум. Третья, метафизическая, в качестве объекта изучает бытие в чистом виде, с помощью абстрактной интуиции. Эта мудрость естественна и принадлежит к сфере человеческого разума. Только при условии стремления низшей мудрости к высшей возможен гармоничный порядок, продуцирующий единство и гибкость.

Ж. Маритен, французский представитель неотомизма XX в., созвучно учению св. Фомы в термине «знание» выделял три смысловых значения. В первом (высшем) значении, по мнению ученого, знание есть

знание природное, способное двигаться в верном направлении. Во втором значении данное слово рассматривается как противоположное мудрости и соотносится с наукой, имеет эмпирическое или частное значение. Знание в третьем значении еще более противоречит мудрости. Это знание, возникающее в результате человеческой деятельности.

Глобальная проблема современности – проблема гармонизации знания и мудрости. С помощью лишь науки нельзя достичь онтологического знания природы. Ценностью должна стать не только самостоятельность науки, а именно ее взаимосвязь с типами знания, формирующими мудрость. Такая связь подразумевает соподчиненность или по принципам, или по предмету. Существенное различие между подчиняющим знанием и подчиненным состоит в разнице обоснования законов. Законы подчиняющей науки выводятся непосредственно из ее принципов, а законы подчиненной науки – опосредованно. Имеется и частичная подчиненность, когда науки по предмету и объекту неразличимы, но условия их цели отличны. Эта обусловленность состоит в непосредственной связи цели с принципами в случае подчиняющего знания, или, когда речь идет о цели, связанной опосредованно, то имеет подчиненное знание.

Культура так же естественна для человека, как и работа его разума. Культура может отклоняться от природы, паразитировать, развращать человека. Человек – это не только некое материальное развитие, это прежде всего его нравственное совершенство. Современный мир – это антропоцентрический тип культуры, так как материальное прогрессирует во всех сферах человеческого бытия. Ж. Маритен выделял три ступени современной цивилизации. Первая – классическая (христианский натурализм), которой присущ человеческий

порядок, основанный на авторитете разума. Вторая – буржуазная (рационалистический оптимизм), проповедующая свободу человека и богатство. В этот период религию сблизили с природой и превратили в организацию для управления. Третья – революционная (материалистический пессимизм), для которой характерно то, что человек видит конечную цель в себе, ставит задачу создания из радикального атеизма нового гуманизма [9]. Эти концепции требуют привилегий чистого разума.

Можно выделить две главные трудности антропоцентрического гуманизма. Первая заключается в обогащении человечества в результате отказа от наследия истории. Вторая – в обосновании новой религии. Антропоцентрической концепции противостоит теоцентрическая как подлинно гуманистическая, соблюдающая иерархию сущностей, все функции человеческой жизни служат созерцанию истины. Такой род гуманизма является интегральным [18]. Таким образом, идея иерархии ценностей противостоит концепции индустриализма.

Следуя Аристотелю, св. Фома считал, что такие области, как политика и экономика, не принадлежат к естественным наукам, а являются неотъемлемой частью этики. Этика, по словам Аристотеля, – наука о деяниях человека. Следовательно, законы политики и экономики определяются прежде всего нравственными ценностями. Такие добродетели, как справедливость и милосердие, входят в структуру политической и экономической сферы. Угнетение, неравенство с точки зрения морали не только неприемлемы, но и ущербны в экономической сфере, так как нищета заставляет большинство людей впадать в грех.

Человеческий порядок необходимо создавать. Мечта об обществе без насилия и власти, а также об обществе, в котором предполагается участие доброй воли и разума его индивидов, – это иллюзия. Ж. Маритен

видел модель или конкретный идеал порядка, рассматривая его с двух точек зрения. Первая модель предполагает светское автономное государство, с такой политико-экономической структурой, которая способна сформировать связи между государствами, основанными на справедливости и дружбе. Вторая в качестве светского инструмента выбирает единство (нравственное, а не политическое), распространенное во всем мире. Следует заметить, как справедливо отмечает французский философ, что нельзя общее благо людей сводить к количественному показателю этого блага. Для патриотизма нет надобности идеализации родины, так как она есть существующее благо, и нельзя оправдывать человека за то, «что его обманчивым образом толкают на захват чужого Правосудие, или Свобода, или Цивилизация, или сам Бог (так подстрекают к войнам нынешние правители, потому что эти войны требуют от людей слишком многого и нарушают справедливое равновесие между ценностями множества людей и требованиями государства, – это трагедия, и вот почему никто не желает мира миру более тех, кто хочет укрепить в сердцах людей доблесть любви к своей стране)... реальность духовная и нравственная... принадлежит тем, кто находится под знаком духа, способного распознать эту действительность и находить собственный образ, несмотря на окружающие маски» [9, с. 118].

Современный мир страдает прежде всего от зла, исходящего от человеческого разума. По причине заинтересованности в материальном человек не может осознать, что нарушение духовного порядка ведет к негативным последствиям. Мышление, как утверждал Аристотель, является божественной деятельностью, именно с помощью нее человек способен все сделать нематериальным и обрести сверхъестественное блаженство. От мышления происходят все действия человека. Docibilitas, способность

к обучению, есть свойство разума. Следовательно, если утратить целенаправленность в обучении, то, с одной стороны, разум будет направлен в сторону очерствления и снижения способности к рассуждению, с другой – человеческие связи и социум обречены на распад.

Ж. Маритен выделял три важнейших симптома зла, поразивших человеческий разум [19]:

1) агностицизм, в котором разум отрицает познаваемость нематериальной сущности;

2) натурализм – разум отрицает сферу сверхъестественного, тем самым отрицается вся благодатная жизнь;

3) индивидуализм – разум увлекся мифом о человеческой природе, включающей свойства, присущие чистому духу.

Человек пытается завоевать мир, но при этом отвергает реальность, ничего не хочет знать, кроме эмпирического факта, растворяя объект мысли в насущном под названием «эволюция». Зло уже глубоко проникло в человеческую субстанцию, все средства защиты, обеспечивающие устройство общества, его институты, нравственность, сильно разрушены. Святость разума предполагает три следствия: чистота интеллекта, логическая строгость и гармония с реальностью. Никакие полумеры сегодня не помогут. Не надо разрушать прошлое, нужно его улучшать, сохранять все добытое человечеством, объединять его и совершенствовать. Человечество может продвинуться вперед только в том случае, если объект и цель разума как предел естественной человеческой склонности будет соотноситься с объектом и пределом доброй воли, ведущей к всеобщему благу.

В процессе обучения необходимо учитывать, что понятия интеллекта и творчества как способности творить различаются. Помимо когнитивных способностей, творчество включает мотивационную направ-

ленность на приобретение знаний. Таким образом, на основе анализа теоретико-методологических источников сформировалась гипотетическая концепция построения информационно-технологической системы. С одной стороны, формирование педагогического профессионализма предполагает синтез теоретических знаний, прикладных навыков и информационного наполнения, в том числе средств информатизации. С другой стороны, педагогическое мастерство педагога способствует формированию нравственной личности.

В качестве основных концептуальных положений выделяем:

1) формирование личности педагога с новым типом профессионализма;

2) педагог как носитель творческой деятельности, способный раскрыть ценностный мир учащегося;

3) процесс творческой деятельности преподавателя в процессе обучения как перепрограммирование и формирование педагогического профессионализма.

Мы определили принципы работы системы обучения:

1) принцип творчества;

2) принцип нравственного развития;

3) принцип иерархической соподчиненности различных дисциплин.

Обсуждение и заключение

Основными условиями реализации объективной связи между построением учебного процесса и результатом формирования личности ученика и педагога, на наш взгляд, являются использование взаимосвязи нравственного и рационального мышления и влияние этого процесса на формирование системы ценностей и поведенческих моделей.

Характер взаимосвязи между построением обучения и курсом нравственного воспитания личности учащегося как кооперации выражается во внесении модулей по нравственному знанию в учебные програм-

мы. В качестве методов, направленных на решение данной проблемы, необходимо использовать иерархически-соподчиненный подход в преподавании дисциплин. Иными словами, необходима этическая экспертиза частных наук.

Практическая значимость предпринятого исследования состоит в возможности переосмысления принципа профессионального долга в образовательных учреждениях. Как известно, в основе самоопределения личности лежит такая составляющая, как свобода, которая проявляется в виде деятельности и ответственности, выражающейся в форме саморегуляции поведения и деятельности. Для реализации предложенных методов обучения, на наш взгляд, необходимы следующие условия.

Первое – концептуальное обоснование системы образования, основанной на идее формирования нравственной личности как движущей силы развития общества благополучия, основанного на законах высшей мудрости. Второе – это государственная поддержка, которая будет способствовать внедрению иерархически-соподчиненного подхода в преподавании. Безусловно, личность педагога – носителя творческой деятельности также является значимым фактором. Рассматриваемая методика, с нашей точки зрения, занимает смежное положение между мотивационными и образовательными аспектами процесса обучения, ориентирована на будущее и, несомненно, играет важную роль в формировании личностной системы ценностей.

Список источников

1. *Абрамян Г. В., Катасонова Г. Р.* Особенности организации дистанционного образования в вузах в условиях самоизоляции граждан при вирусной пандемии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 3. – URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=29830>.
2. *Агафонова Н. А.* Особенности использования возможностей видеосервисов в информационно-образовательной среде вуза // Казанский педагогический журнал. – 2018. – № 1. – С. 56–60.
3. *Андреев А. А.* Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Открытое образование. – 2013. – № 5. – С. 40–46.
4. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 365 с.
5. Дистанционно-образовательные технологии в условиях инновационного развития России : монография / Д. Н. Монахов [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2013. – 132 с.
6. *Захаров А. А., Сотников А. Д.* Концепция информационного взаимодействия в социально ориентированных сообществах // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. – М., 2015. – С. 688–691.
7. *Леохин Ю. Л., Конькин А. В.* Перспективная сетевая технология дистанционного обучения // Качество. Инновации. Образование. – 2012. – № 2(81). – С. 17–22.
8. *Лузина Л. М.* Бытийный (онтологический) подход к воспитанию // Стратегия воспитания в образовательной системе России : подходы и проблемы / под ред. И. А. Зимней. – М. : Агентство «Издательский сервис», 2005. – С. 141–154.
9. *Маритен Ж.* Знание и мудрость. – М. : Научный мир, 1999. – 244 с.
10. Психология и педагогика : О философии Иоганна Фридриха Гербарта. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1888. – XXI с.
11. *Романова Н. Л.* Онлайн-курсы как инновационная форма дистанционного обучения // Педагогика высшей школы. – 2018. – № 2 (12). – С. 5–8.
12. *Старчигова Ю. В., Голикова Ю. Е., Аникеев А. В.* Внедрение дистанционного образования и опыт внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в образовательный процесс ИЭП НИУ «МЭИ» // Информационные средства и технологии : материалы XX Международной научно-технической конференции : в 3 т. – М. : Издательство МЭИ, 2012. – Т. 2. – С. 181–185.

13. Тоффлер Э. Шок будущего. – М. : АСТ, 2003. – 558 с.
14. Университетские преподаватели и цифровизация образования : накануне дистанционного форс-мажора / Р. Н. Абрамов, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев [и др.] // Университетское управление : практика и анализ. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 59–74.
15. Чашина Ж. В. Синтез интеллекта и нравственности в современном образовании // Интеграция образования. – 2014. – № 1 (74). – С. 64–70.
16. Электронное обучение (организация, методика, технология и практика применения в МБИ) / Карпухин Н. В., Карпова Г. С., Рыпин Б. И. [и др.]. – СПб. : Издательство АНО ВПО «Международный банковский институт», 2008. – 295 с.
17. Chouhan J., Banford Z., Munro K. What is it that we want to educate young people about? // Journal of International Scientific Publications : Educational Alternatives. – 2017. – Vol. 15. – P. 354–370.
18. Maritain J. Humanisme Integral. – Paris : Aubier, 1936. – 334 p.
19. Maritain J. Saint Thomas, apotre des temps modernes // Oeuvres (1912–1929). – Paris : Desclee De Brouwer, 1975. – P. 197–225.
20. Odinokaya M., Krepkaya T., Sheredekina O., Bernavskaya M. The Culture of Professional Self-Realization as a Fundamental Factor of Students' Internet Communication in the Modern Educational Environment of Higher Education [Electronic resource] // Education Sciences. – 2019. – Vol. 9, No. 3. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/9/3/187>.
21. Tallon R., Milligan A., Wood B. Moving beyond fundraising and into... What? Youth Transitions into Higher Education and Citizenship Identity Formation // Policy & Practice : A Development Education Review. – 2016. – No. 22. – P. 96–109.
22. Shamionov R. M. Factors of social activity of the student youth in modern Russia // 11th annual International Conference of Education, Research and Innovation : ICERI2018 Proceedings. – Seville, Spain : IATED Academy, 2018. – P. 9543–9548.
23. Shamionov R. M., Grigoryev A. V. The image of socially active individual in the representations of student youth // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. – 2019. – No. 7 (1). – P. 15–20.

References

1. Abramyan G. V., Katasonova G. R. Features of the organization of distance education in universities in the conditions of self-isolation of citizens during a viral pandemic. Modern problems of science and education. 2020; 3. URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=29830>. (In Russ.)
2. Agafonova N. A. Features of using the capabilities of video services in the information and educational environment of the university. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* = Kazan pedagogical journal. 2018; 1: 56–60. (In Russ.)
3. Andreev A. A. Distance learning and distance education. New technologies. *Otkrytoe obrazovanie* = Open education. 2013; 5: 40–46. (In Russ.)
4. Vygotzky L. S. Collected works: in 6 vol. Vol. 3. Moscow, 1983, 365 p. (In Russ.)
5. Distance educational technologies in the conditions of innovative development of Russia. Ed. Monakhov D. N. Moscow, 2013, 130 p. (In Russ.)
6. Zakharov A. A., Sotnikov A. D. The concept of information interaction in socially oriented communities. *Aktual'nye problemy infotelekkommunikacij v nauke i obrazovanii* = Actual problems of information telecommunications in science and education. Moscow, 2015, P. 688–691. (In Russ.)
7. Leokhin Yu. L., Kon'kin A. Perspective network technology of distance learning. *Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie* = Quality. Innovation. Education. 2012; 2 (81): 17–22. (In Russ.)
8. Luzina L. M. Existence (ontological) approach to education. In: Strategy of education in the educational system of Russia: approaches and problems. Ed. I. A. Zimnyaya. Moscow, 2005, 141–154. (In Russ.)
9. Maritain J. Knowledge and wisdom. Moscow, 1999, 244 p. (In Russ.)
10. Psychology and Pedagogy: On the Philosophy of Johann Friedrich Herbart. St. Petersburg, 1888, XXI p. (In Russ.)

11. Romanova N. L. Online courses as an innovative form of distance learning. *Pedagogika vysshej shkoly* = Pedagogy of Higher Education. 2018; 2(12): 5–8. (In Russ.)
12. Starchikova Yu. V., Golikova Yu. E., Anikeev A. V. The introduction of distance education and the experience of introducing information and telecommunication technologies into the educational process of the IEP NRU “MPEI”. In: Information means and technologies. Materials of the XX International Scientific and Technical Conference. In 3 vol. Moscow, 2012; 2: 181–185. (In Russ.)
13. Toffler E. Shock of the future. Moscow, 2003, 558 p. (In Russ.)
14. University teachers and digitalization of education: on the eve of distance force majeure circumstances Abramov R. N., Gruzdeva R. A., Terentyev E. *Universitetskoe upravlenie : praktika i analiz* = University education: practice and analysis. 2020; 2 (24): 59–74. (In Russ.)
15. Chashina Zh. V. Synthesis of intellect and morality in modern education. *Integraciya obrazovaniya* = Integration of Education. 2014; 1 (74): 64–70. (In Russ.)
16. E-learning (organization, methodology, technology and practice of application in MBI). Karpukhin N. V., Karpova G. S., Rypin B. I. Saint Petersburg, 2008, 295 p. (In Russ.)
17. Chouhan J., Banford Z., Munro K. What is it that we want to educate young people about? *Educational Alternatives*. 2017; 15: 354–370. (In Eng.)
18. Maritain J. Humanisme Integral. Paris, 1936, 334 p. (In Eng.)
19. Maritain J. Saint Thomas, apotre des temps modernes. In: Oeuvres (1912–1929). Pariz, 1975, P. 197–225. (In Eng.)
20. Odinskaya M., Krepkaya T., Sheredekina O., Bernavskaya M. The Culture of Professional Self-Realization as a Fundamental Factor of Students’ Internet Communication in the Modern Educational Environment of Higher Education [Electronic resource]. *Education Sciences*. 2019; 9(3): 187. URL : <https://www.mdpi.com/2227-7102/9/3/187>. (In Eng.)
21. Tallon R., Milligan A., Wood B. Moving beyond fundraising and into What? Youth transitions into higher education and citizenship identity formation. *Policy & Practice: A Development Education Review*. 2016; 22: 96–109. (In Eng.)
22. Shamionov R. Factors of social activity of the student youth in modern Russia. 11th International Conference of Education, Research and Innovation: ICERI2018 Proceedings. Seville, Spain, 2018a: 9543–9548. (In Eng.)
23. Shamionov R., Grigoryev A. The image of socially active individual in the representations of student youth. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2019; 7(1): 15–20. (In Eng.)

Поступила 24.10.2021.

Сведения об авторах

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – русская философия. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>.

E-mail: mochalov_ev@mail.ru

Чашина Жанна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: нравственная философия, биоэтика. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-0959>.

E-mail: chashina.j@yandex.ru

Submitted 24.10.2021.

About the authors

Evgeniy V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Head of Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: Russian philosophy. The author has more than 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>.

E-mail: mochalov_ev@mail.ru

Zhanna V. Chashina – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: moral philosophy, bioethics. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-0959>.

E-mail: chashina.j@yandex.ru

УДК 123.1

Н. С. Савкин

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: doctorsavkin@yandex.ru*

Политологическая эвфемизация: взгляд со стороны социальной философии

Введение. В условиях дозированной демократии радикально мыслящая научная интеллигенция для выражения достаточно острой критики существующей системы власти использует особый способ изложения материала – политологическую эвфемизацию и эзопов язык. В политике эвфемизмы используются для сокрытия истинного содержания статьи или книги в целях введения читателя в заблуждение. **Методы исследования.** В процессе исследования использовались диалектико-материалистический, синергетический методы, что позволяло делать объективные, научно обоснованные выводы о возможности и необходимости преодоления недостатков в неэффективном использовании достижений науки, о необходимости стимулирования активности молодых ученых, принятия комплекса мер по преодолению нищеты и бедности части населения. Особые опасения вызывает процесс формирования современной системой образования целого поколения людей, которых академик В. Б. Бетелин назвал симулякрами. **Обсуждение и заключение.** Ожидаемым эффектом критического анализа явлений эвфемизма и использования эзопова языка в научных исследованиях и научных сообществах, преодоления невмешательства ученых в политику является стремление государственных структур, ветвей власти активизировать политику совершенствования образовательной системы, усиления фундаментальной функции государства – учить, лечить и защищать граждан. Симулякры – термин, который редко используется нашей отечественной философией, поскольку это особое формирующееся поколение людей – дело возможного будущего. Тем не менее требует к себе пристального внимания.

Ключевые слова: эвфемизм, эзопов язык, лаборатория, академическая наука, объективная истина, сюрреализм, мониторинг, инфляция, постмодернистская философия, симулякр.

Для цитирования: *Савкин Н. С.* Политологическая эвфемизация: взгляд со стороны социальной философии // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 74–82. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.074-082.

Nikolay S. Savkin

*National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: doctorsavkin@yandex.ru*

Political Euphemisation: a View From Social Philosophy

Introduction. In conditions of a dosed democracy, the radically thinking scientific intelligentsia uses a special way of presenting material – political science euphemization and Aesopian language to express sufficiently sharp criticism of the existing system of authority. In politics, euphemisms are used to hide the true content of an article or book in order to mislead the reader. **Research Methods.** In the process of research the dialectical materialistic and synergistic methods were

© Савкин Н. С., 2022

used, which made it possible to draw objective, scientifically grounded conclusions about the possibility and need to overcome the shortcomings in the ineffective applications of scientific achievements, about the need to stimulate the activity of young scientists, and take a set of measures to overcome the poverty of a part of the population. Of particular concern is the process of the formation of a modern system of education for a whole generation of people, whom academician V. B. Betelin called simulacra. **Discussion and Conclusion.** The expected effect of a critical analysis of the phenomena of euphemism and the use of the Aesopian language in scientific research and scientific communities, overcoming the non-interference of scientists in politics is the desire of state structures, branches of government to activate the policy of improving the educational system, strengthening the fundamental function of the state – to teach, heal and protect their citizens. Simulacrum is a term that is rarely used by our domestic philosophy, since this particular emerging generation of people is a matter of a possible future. Nevertheless, it requires close attention.

Keywords: euphemism, Aesopian language, laboratory, academic science, objective truth, surrealism, monitoring, inflation, postmodern philosophy, simulacrum.

For citation: Savkin N. S. Political Euphemisation: a View From Social Philosophy. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 74–82 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.074-082.

Введение

Современная критически мыслящая, радикально настроенная интеллигенция хочет высказать свои соображения по поводу ситуации в стране, дальнейших перспектив развития общества, но при этом опасается в условиях дозированной демократии, как бы не вышло слишком остро, резко, радикально, вплоть до идеи смены политической системы. Для сохранения статуса средства массовой информации, социально-политическая литература изобрели особый способ изложения материала – в форме политической эвфемизации или используя так называемый эзопов язык.

Древнегреческое слово *euphemia* переводится как «воздержание от неподобающих слов для завуалированного обозначения ситуации, которую неуместно обозначать прямым наименованием» (например, «афроамериканец» вместо «негр», «слабослышащий» вместо «глухой»). В политике эвфемизмы используются для сокрытия истинного содержания некоторых слов и выражений, иногда с целью введения слушателя или читателя в заблуждение или фальсификации действительности.

Существует несколько видов эвфемизмов: профессиональные, бытовые, гендерные, политкорректные и т. п. У людей, чьи профессии сопряжены с риском, существуют суеверные запреты на некоторые слова. Например, летчики и парашютисты вместо «последний» говорят «крайний», в бытовой жизни вместо слова «высморгаться» предлагают «решить проблему с помощью платка», вместо «беременная» говорят «в интересном положении» и т. д.

В ряде случаев некоторые авторы аналитических статей в средствах массовой информации используют так называемый эзопов язык, изобилующий иносказаниями, намеками, за которыми скрывается второй план, подлинный смысл, который автор не решается высказать.

Обзор литературы

О феномене эвфемизации, использовании эзопова языка, о процессах, формирующих симулякров, о кастовости образования пишут такие авторы, как академик В. Б. Бетелин, академик Р. И. Нигматулин, французский автор, представитель постмодернистской философии Ж. Бодрийяр, французский философ, представитель

постструктурализма Ж. Делёз. Ж. Бодрийяр не только ввел понятие «симулякр» в широкий научный обиход, но и обосновал его применение в социально-культурной сфере.

Печальную картину состояния российской науки представил президент Российской академии наук А. М. Сергеев в статье «Будет нам наука»¹. Главной причиной отставания науки в России он называет недофинансирование: на науку у нас тратится 1,1 % ВВП. В наукоориентированных странах (Израиль, Южная Корея, Швейцария) – 4,0 %. Нацпроект «Наука» на обновление приборной базы научных организаций Российской Федерации предусмотрено 89 млрд руб. Это годовое финансирование одного крупного европейского университета. Поэтому сегодня в Китае в 6 раз больше исследователей, чем в России, в США – вдвое. Китай – абсолютный лидер по полному числу ученых – за 20 лет оно выросло втрое. В России за это время данный показатель сократился примерно на 20 %. «Мне кажется, – отмечает далее А. М. Сергеев, – наша система среднего образования имеет крен в сторону получения формальных знаний и не заточена на креативность, воспитание творческого подхода, который так важен для ученого»². Многие уезжают не потому, что за рубежом им платят большие деньги, гораздо важнее, что там есть лучшие условия для работы: ставят эксперимент, получают результат и признание. У нас же – устаревшая приборная база. «Все передовые результаты фундаментальных исследований, – говорит А. М. Сергеев, – получаются на современном оборудовании. Если у вас в лаборатории стоит старый прибор, вы с его помощью не померяете то, что ваш коллега за рубежом смог измерить на новом»³.

Это уже не пример использования эзопова языка, это «плач Ярославны» по российской науке. Кризисные явления происходят и в академической структуре: многие – и это большинство – благоденствуют наличными условиями жизни: стипендии, зарплаты, внимание властей. Реальных результатов научных исследований никто особо не требует. Была бы видимость. Небольшая группа академиков выступает иногда жестко, требовательно. Но... выходов эти дискуссии на развитие реальных экономических и социальных проблем не имеют. Они остаются в пределах академии.

Наиболее интересный вариант для угадывания скрытых смыслов представляет так называемый завуалированный эвфемизм, напоминающий хождение по тонкому льду: автор почти открыто сказал, что хотел, но чуть-чуть недоговаривает, пусть делает выводы читатель.

Методы исследования

Использованы методы преимущественно теоретико-методологического характера: диалектико-материалистический, интегративный, – реализация которых во взаимосвязи с синергетическим приемом обеспечивает определенный результат. Для выявления форм проявления эвфемизации использован метод контент-анализа как формализованного метода изучения текстовой и графической информации.

Формы проявления эвфемизации многообразны: сложносочиненное изложение, когда небольшая по содержанию мысль преподносится настолько витиевато, что уловить ее удастся с трудом. Это скрытая форма ухода от объективной истины. Приведем один из примеров такого сложносочиненного изложения, о смысле которого можно только

¹ Сергеев А. Будет нам наука // Аргументы недели. – 2020. – № 51. – С. 3.

² Там же.

³ Там же.

догадываться: «При анализе духовных практик необходимо выявлять их содержание и смысл. “В восхождении к личному бытию открытые в исихастском опыте предпосылки синергии включали “изгнание образов и вызревание чувств” (чувств-эмоций любви и устремленности к Богу). На языке температурной метафоры эти предпосылки вызывали разогревание внутренней реальности человека, которое вело к размыканию этой реальности и дальнейшему порождению новых динамических форм. В противоположность этому, в продвижении к безличному телосу (в дальневосточных религиях – О. А.) предпосылки онтологического размыкания – это созерцательные и медитативные техники, осуществляющие изгнание всех эмоций и охлаждение внутренней реальности человека. В свою очередь это охлаждение ведет к растворению и деконструкции всех персонологических структур” [Хоружий 2011, с. 26]»⁴. Так автор статьи «Идея синергии в контексте современной социальной философии» О. Д. Агапов цитирует главного редактора журнала «Фонарь Диогена» С. С. Хоружия. Такая философская богема нередко встречается в современных философских работах.

Это своеобразный философский сюрреализм. Особый скрытый эвфемизм фигурирует и в научной среде, в частности среди академического сообщества. Он проявляется в недосказанности, умолчании, трусости, нежелании рисковать своей корпорацией и др. В интервью академика Р. И. Нигматулина «Менеджеры во главе

науки подрывают технологический суверенитет России» на вопрос редактора газеты А. И. Угланова: «Почему на пресс-конференции президенту не было задано ни одного вопроса о российской науке. Почему наука не интересна ни президенту, ни журналистам?» – он отвечает, что на конференцию были допущены журналисты, которым научное сообщество неинтересно. Но «в этом виноваты и мы, ученые. Тихо сидим, молчим, пытаемся не вмешиваться ни во что, оправдываясь тем, что это политика и мы в ней не специалисты. Виновато и руководство страны»⁵.

Академик Р. И. Нигматулин, ведущий ученый страны, доктор физико-математических наук, научный руководитель Института океанологии, автор более 200 научных публикаций несколько раз произносит слово «смирились»: «У нас, ученых, отобрали все институты и отдали бухгалтерам, чиновникам... Сегодня они нами управляют и командуют... И мы, академики, смирились»⁶; «Мы уже смирились с тем, что у нас вся компьютерная техника и большинство программ покупные»⁷; «У нас во власти люди... довели наше народное образование по американским лекалам до плачевного. Получается, что всю эту ересь придумывают те, кто дорвался до власти и на этом основании считает, что умнее академиков. А академики сидят тихие и смиренные»⁸.

Почему же академики такие тихие и смиренные? Как ни странно, ответ оказался таким же традиционным, общим, тихим, несмелым и неоригинальным, как и ранние

⁴ Агапов О. Д. Идея синергии в контексте современной социальной философии // Фонарь Диогена. Человек в многообразии практик. – 2015. – № 1. – С. 92–93.

⁵ Нигматулин Р. Менеджеры во главе науки подрывают технологический суверенитет России // Аргументы недели. – 2020. – № 50. – С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 6.

⁸ Там же.

высказывания: «Мы так воспитаны десятилетиями. Наш народ привык робеть перед властью. Нам действительно очень тяжело прийти к руководителю государства и сказать ему прямо о наблевшем. Это очень тяжело, когда тебе надо что-то попросить и даже выпросить. Ты всегда боишься сказать что-то лишнее, потому что это может сказаться на твоей корпорации, на твоих коллегах, за которых ты отвечаешь. Это наш цивилизационный русский недостаток, сформировавшийся за XX век. Мы боимся критиковать власть. Вся Европа и Америка критикует. А у нас...»⁹.

Результаты исследования

Представлены в виде выводов, что продолжительная несменяемость власти, слабое влияние и недостаточная активность других ветвей власти, отсутствие действительной действенной оппозиции и другие причины создают ситуацию неуверенности ряда ученых в собственной правоте, необходимости активнее вмешиваться в политику.

Я сошлюсь на высказывания Н. М. Велюковой, доктора политических наук, декана социологического факультета РГГУ, заместителя директора Института социально-политических исследований РАН, сложившиеся на основе ежегодно проводимого мониторинга общественного мнения «Как живешь, Россия?». «Госдума в нынешних реалиях, – отмечает она, – сателлит исполнительной власти. Именно она, исполнительная власть, инициирует большинство принимаемых в Госдуме законов, тогда как депутатское законодательство либо тщательнейшим образом корректируется в администрации президента, либо не приводит ни к каким результатам... Декоративен не только парламент – декоративна

сама российская многопартийность. КПРФ, ЛДПР, “Справедливая Россия” – все три так называемые оппозиционные думские партии не борются всерьез за победу над “Единой Россией”, довольствуясь своими нишами... Народ устал от одних и тех же лиц во главе партий... Судебная система работает в интересах, как правило, одной партии. И избиркомы тоже. Явка на думские выборы невысокая (47,9 % в 2016 году). Низкая явка – это удар по легитимности политической системы. Правящую политическую партию даже нельзя назвать политической и правящей партией в строгом смысле. Это полукорпоративная лоббистская структура, задача которой – поддерживать крупный бизнес, государственные корпорации»¹⁰.

Несмотря на недостаточное финансирование, неэффективное реформирование (в 2013 г. Российскую академию наук, медицинскую и сельскохозяйственную академии пытались ликвидировать, передав все институты и всю хозяйственную деятельность под эгиду правительственного агентства), РАН имеет существенные достижения и научные результаты: быстрая разработка нескольких вакцин для профилактики коронавирусной инфекции под руководством академика А. Л. Гинцбурга, члена-корреспондента РАН А. А. Ишмухаметова и профессора Р. А. Максютובה, решение проблемы суперсжатия пузырьков образований (академик Р. И. Нигматулин). Есть успехи в решении проблемы математического моделирования климата, академики Б. И. Нигматулин и Р. И. Нигматулин разработали метод прогнозного расчета экономического ущерба в кризисные годы и целесообразной компенсации ущерба из резервов.

⁹ Нигматулин Р. Указ. соч. – С. 6.

¹⁰ Великая Н. Кого на Руси можно любить? // Аргументы недели. – 2020. – № 49. – С. 3.

Несмотря на заметные достижения, в целом состояние нашей экономики вызывает серьезные опасения: сегодня Россия генерирует лишь 2,98 % мировой экономики, США – 14,75 %¹¹. К тому же она работает преимущественно на обеспечение иностранных потребителей – и в нефтедобывающей промышленности, и в металлургии, и в нефтехимии. Наши внутренние потребности совсем скромные – мы строим мало дорог, очень мало гражданских самолетов – потребителей цветных металлов. Даже собственную страну никак не газифицируем, навязывая свой газ кому угодно. Результат – частичная потеря чувства собственного достоинства¹².

Обсуждение

Своеобразной формой эвфимизации является функционирование эзоповской экономики, суть которой – в метаморфозе превращения одних видов денег (долларов) в другие (рубли), в результате чего невозможны накопления сбережений. Нет сбережений – нет и инвестиций, падает покупательная способность населения. «Сырьевики продают нефть или газ за доллары, потом они меняют эти доллары на рубли, чтобы платить зарплаты, налоги, совершать внутренние платежи. И чем дешевле рубль, тем им лучше, потому что за равное количество долларов они получают больше рублей. При этом зарплаты и услуги остаются на прежнем рублевом уровне»¹³. А. Лосев отмечает, что в стране у нас две экономики: одна внешняя, которая является частью мировой экономики, другая – внутренняя¹⁴. Внешняя экономика – это весь сырьевой

и несырьевой экспорт, биржи, финансы, рынки капитала, внешняя торговля. Внутренняя экономика – это остатки еще советской неэкспортной промышленности, муниципальные предприятия, фермерские хозяйства, бюджетники, малый и средний бизнес, где люди сами что-то создают. Внешняя экономика работает на доллары, а внутренняя – на рубли. Из этих долларов лишь небольшая часть возвращается в Россию. Курс рубля падает, происходит колоссальная девальвация рубля. Сырьевикам выгоднее, чтобы падал курс рубля.

В итоге рубль – одна из самых худших валют мира, хотя он хорошо обеспечен золотовалютными резервами (в настоящее время – 591,5 млрд долл. в эквиваленте). Но эти резервы абсолютно не задействованы, поэтому никак не стабилизируют рубль. Рубль оказывается незащищенным, хотя «каждый наличный рубль почти четырехкратно обеспечен золотовалютными резервами»¹⁵.

Внутренняя экономика – это наша повседневная жизнь, в которой инфляция прогрессирует, цены на рынке поднимаются, покупательная способность рубля падает, бедность растет. В государстве должна быть плановая экономика. Не все вопросы решает рынок. Некоторые важные отрасли экономики и социальной сферы должны регулироваться государством и находиться под защитой государства. Население платит налоги, содержит государственный аппарат, и государство должно защищать население. Как говорил товарищ Си Цзиньпин, «там, где не поможет невидимая рука рынка, поможет

¹¹ Угланов А. Когда ждать новую разрядку // Аргументы недели. – 2021. – № 9. – С. 1.

¹² Там же.

¹³ Угланов А. А кругом – капитализм! Латинскоамериканского типа // Аргументы недели. – 2021. – № 7. – С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

видимая рука государства»¹⁶. К сожалению, в действительности «видимая рука государства» экономике, социальной сфере помогает явно недостаточно. Например, финансирование здравоохранения, образования, науки, культуры в долях ВВП в России более чем в 2 раза меньше, чем в Европе, затраты на космос в 20 раз меньше, чем в США по приоритету покупательной способности, не хватает квалифицированных рабочих, инженерных кадров, способных работать на современных станках. Мало своих станков, потому что нет станкостроения.

Тем не менее элементы эзоповской экономики продолжают существовать: например, в 2016 г. глава Минпромторга Д. В. Мантуров заявил, что Россия обогнала США по производительности труда. Секрет оказался прост: рубль рухнул в 2 раза – соответственно, страна стала вдвое больше производить за 1 долл.¹⁷ Можно привести еще один пример: в 2019 г. правительство Санкт-Петербурга рапортовало о росте иностранных инвестиций на 25 % за год. Хотя из города ушел почти весь финский бизнес, закрылся автогигант Ford. Оказалось, в Смольном посчитали инвестициями кредиты, взятые российскими компаниями в зарубежных банках¹⁸.

В то время как в РФ продолжают изобретать эзоповские системы сокрытия намерений, формы эвфимизированной идеологии, китайцы использовали эзоповскую экономику в прямом смысле в борьбе с бедностью, когда власти системно вручали голодным удочки вместо рыбы. Что это за удочки вместо рыбы? Это, конечно, деньги. В борьбе с нищетой Китай вложил поч-

ти четверть триллиона долларов. Причем, отмечает корреспондент А. Григорьев, не просто раздал их. Средства были вложены в образовательные программы. Оплачивалось обучение молодых людей из глухих деревень, в том числе обучение за границей. Во-вторых, были приведены в порядок все дороги, которые связывали самые отдаленные населенные пункты. В-третьих, были приняты программы расширения производства, пусть даже в ущерб сельскому хозяйству. Плюс практически полный отказ от налогов для мелких предпринимателей, чтобы они могли развиваться. Развитие местных торговых электронных площадок и т. д.¹⁹

Принятие целого комплекса мер по преодолению нищеты населения позволило в Поднебесной объявить, что окончательно победили нищету. «Нищета в региональном масштабе преодолена», – сказал товарищ Си Цзиньпин. По его словам, из состояния бедности были выведены 98,99 млн жителей сельской местности, 832 уезда и 128 тыс. деревень²⁰.

В России в мае 2018 г. борьба с бедностью была провозглашена одной из национальных целей. К 2024 г. планировалось ее сократить до 6,6 %. Но, поняв бесперспективность задуманного, отложили до 2030 г.

Заключение

Более радикальная, фундаментально-го уровня эзоповская метаморфоза может произойти в стране, если нынешняя система образования сформирует новое поколение людей, которых В. Б. Бетелин назвал симулякрами, когда осуществится «перереформатирование человека разумного

¹⁶ Угланов А. А кругом – капитализм! Лагиноамериканского типа // Аргументы недели. – 2021. – № 7. – С. 7.

¹⁷ Терентьев Д. Застой 2.0 // Аргументы недели. – 2021. – № 6. – С. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Григорьев А. Нищета бежит из Китая на север? // Аргументы недели. – 2021. – № 8. – С. 7.

²⁰ Там же.

в человека подчиненного»²¹. Это будет поколение людей, для которых ни семья, ни школа, ни страна, ни тем более государство не являются ни авторитетом, ни ценностью, ни теми, кому оно доверяет. По сути, образовательная система готовит пользователей социальных сетей в полном соответствии с утвержденными образовательными стандартами, которые предусматривают формирование общеучебных умений и навыков, некие узкие компетенции вместо классических знаний, но главное – это кастовость образования и успешное внедрение в российские умы идеи, что получение знаний всего лишь услуга, за которую надо платить. Права учителя фактически приравнены к правам низшей obsługi. Ученик – это заказчик образовательных услуг, которые ему предоставляет учитель. Учитель же в этой системе образования – не наставник ученика, а продавец образовательных услуг, покупателем которых является ученик²².

Кто такие симулякры, которых формирует современная система общественных отношений и которые станут управлять страной?

Симулякр (от лат. *simulacrum* «подобие, копия») – ключевой термин постмодернистской философии, который означает изображение, копию того, чего на самом деле не существует. Симулякр – это копия без оригинала, без прообраза. Например, деньги, которые существуют в качестве фиктивной единицы, если не подтверждаются с помощью золотого запаса или товарной массы, или копии, не имеющие оригинала, знаки, не имеющие объекта в реальности.

Впервые это понятие применил Платон в значении «двойное искажение вещи относительно ее истинного бытия» [2, с. 225]. Однако наиболее активное использование приписывается Ж. Бодрийяру, который ввел его

в широкий обиход и применил для интерпретации реалий окружающего мира, употребив по отношению к социальной реальности. В работе «Войны в заливе не было» Ж. Бодрийяр назвал симулякром войну 1991 г. в Персидском заливе, потому что у наблюдающих за этой войной не было возможности определить, было ли там что-нибудь на самом деле или это какие-то репортажи на экранах телевизоров [1, с. 224]. Именно в процессе имитации реальности получается некая виртуальная реальность – симулякр. Новизна подхода Ж. Бодрийяра заключается в том, что он перенес применение симулякра из сферы гносеологии и эпистемологии для описания социальной реальности.

Таким образом, в современной философской литературе расширяется содержание понятия «симулякр», под которым понимаются искажение, маскировка действительности, подлог, сокрытие непосредственного отсутствия данной реальности (нет модели, знак, скрывающий, что оригинала нет), иллюзия наличия человека (людей). Симулякры – это особая порода людей, которые существуют виртуально, это некая видимость, фантом, призрак. Это люди, которые действуют, но не творят, а имитируют. «Приход таких граждан в обозримом будущем в государственные и силовые структуры станет катастрофой для страны», – считает В. Б. Бетелин²³. Это будет завершением эзоповской метаморфозы: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Страна в настоящее время остро нуждается в радикальном изменении отношения к ней и науки, и руководства в решении проблем развития нашей цивилизации, укрепления экономики и технического суверенитета, модернизации судебной системы, снижения всевластия чиновников.

²¹ Чуйков А. Как слово Грефа отзовется? // Аргументы недели. – 2021. – № 8. – С. 10.

²² Там же.

²³ Там же.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма ; Войны в заливе не было. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
2. Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / сост.: Е. А. Найман, В. А. Суровцев. – Томск : Водолей, 1998. – С. 225–240.

References

1. Baudrillard J. The spirit of terrorism. There was no Gulf War. Moscow, 2016, 224 p. (In Russ.)
2. Deleuze J. Plato and the simulacrum. *Intentionality and textuality. Intencional'nost'i tekstual'nost'*. *Filosofskaya mysl' Francii XX veka* = Philosophical thought of France of the XX century. Tomsk, 1998, P. 225–240. (In Russ.)

Поступила 04.09.2021.

Сведения об авторе

Савкин Николай Степанович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, социальное воспроизводство в системе культуры и цивилизации, прикладная философия. Автор 188 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1881-1691>.

E-mail: doctorsavkin@yandex.ru

Submitted 04.09.2021.

About the author

Nikolay S. Savkin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social philosophy, social reproduction in the system of culture and civilization, the applied philosophy. The author of 188 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1881-1691>.

E-mail: doctorsavkin@yandex.ru

Психология

Psychology

ISSN 2078-9823 (Print), ISSN 2587-7879 (Online)
DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.083-096

УДК 130.2

З. А. Аксютина

*Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия),
e-mail: aksutina_zulfia@mail.ru*

Подходы к исследованию категориальной системы

Введение. Современное состояние научного знания обладает новыми специфическими особенностями, способствующими обобщениям, в том числе при работе с категориальными системами. Проблема исследования заключается в потребности науки и практики в наличии научно обоснованных категориальных систем. Цель статьи – описание возможностей научных подходов в формировании научно обоснованной категориальной системы.

Материалы и методы. В разработке категориальных систем необходим поиск на уровне общей методологии, где имеется опора на философские научные подходы к исследованию.

Результаты исследования. Представлены категориальный, системный и целостный подходы, предлагаемые автором для исследования категориальных систем. В исследовании систему и целостность необходимо рассматривать как характеристики, фундаментальные свойства и атрибуты категорий. При этом целостный объект должен характеризоваться в пространственной и временной организованности. Категориальная система понимается как специально разработанная форма организации научного знания, позволяющая целостно представлять объекты посредством заданных осмысленных отношений в совокупности их взаимодействия. **Обсуждение и заключение.** Определены методологические основания исследования, которые выступают ориентирами для дальнейшего исследования категориальной системы: категориальный, системный и целостный подходы. Для описания категориальной системы социального воспитания предложена классификация категорий с опорой на два критерия: назначение категории и механизм образования категории. Определены системообразующие признаки описания категориальной системы.

Ключевые слова: научный подход, методология, категория, категориальная система, системный подход, категориальный подход, целостный подход.

Для цитирования: Аксютина З. А. Подходы к исследованию категориальной системы // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 83–96. DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.083-096.

© Аксютина З. А., 2022

Approaches to Study the Categorical System

Introduction. The current state of scientific knowledge has new specific features that facilitate generalizations, including when working with categorical systems. The research problem lies in the need of science and practice in the presence of scientifically grounded categorical systems. The purpose of the article is to describe the possibilities of scientific approaches in the formation of a scientifically grounded categorical system. **Materials and Methods.** In the development of categorical systems, it is necessary to search at the level of a general methodology where there is reliance on philosophical scientific approaches to research. **Results.** The categorical, systemic and holistic approaches proposed by the author for the study of categorical systems are presented. In research, the system and integrity must be considered as characteristics, fundamental properties and attributes of categories. At the same time, an integral object should be characterized in spatial and temporal organization. The categorical system is understood as a specially developed form of organization of scientific knowledge, which allows to represent objects in a holistic way through given meaningful relations in the totality of their interaction. **Discussion and Conclusion.** The methodological foundations of the study have been determined, which serve as guidelines for further research of the categorical system: categorical, systemic and holistic approaches. To describe the categorical system of social education, a classification of categories is proposed, based on two criteria: the appointment of a category and the mechanism of formation of a category. The system-forming features of the description of the categorical system have been determined.

Keywords: scientific approach, methodology, category, categorical system, systems approach, categorical approach, holistic approach.

For citation: Aksyutina Z. A. Approaches to Study the Categorical System. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 83–96 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.083-096.

Введение

Современное состояние научного знания обладает новыми специфическими особенностями, способствующими обобщениям, в том числе при работе с категориальными системами. Эти слова подтверждает позиция Л. И. Аксеновой. Она полагает, что для этого нужно «изучение арсенала понятий», что делает необходимым владение специфическими способами их образования. «Переход на новый уровень обобщения дает возможность обосновать категории, несущие в себе совокупный общественный опыт, создает предпосылки для более глубокого их понимания» [2, с. 551].

Проблема исследования заключается в потребности науки и практики в наличии научно обоснованных категориальных систем, в том числе для теории социального воспитания. Новизна заключается в пред-

ставлении классификации категорий по таким критериям, как назначение категории и механизм образования категории.

Цель статьи – описать возможности научных подходов для формирования научно обоснованной категориальной системы. В исследовании поставлены следующие задачи: определены актуальные аспекты исследования; обоснован выбор подходов, разработана классификация представления категорий при работе с категориальными методами.

Обзор литературы

Педагогическая наука явно отстает в развитии, а причина этого, по мнению В. М. Полонского, – «недостаточная разработка ее понятийно-терминологического аппарата. Отсутствие единой терминологии приводит к нечеткости в трактовке и определении исследуемых педагогических яв-

лений, самого статуса науки, ее предмета, методов и языка, затрудняет изучение и построение теоретических моделей, а также выявление различных сторон и отношений реальных объектов и многообразия познавательных задач, возникающих в процессе обучения и воспитания человека» [36, с. 168]. Такое положение касается и теории социального воспитания, где возникают сложности в решении практикоориентированных задач, обмене профессиональной информацией, соблюдении единства терминологии в публикациях и практической деятельности и др.

Формирование понятийного аппарата имеет определенную функциональную нагрузку по отношению к научному знанию, где одной из основных выступает системообразующая функция. Г. Н. Штинова по этому поводу пишет: «Сам процесс выделения понятия оказывает систематизирующее воздействие на закрепляемое в нем знание», а «определить понятие – значит прежде всего определить его место в системе понятий» [38, с. 33]. М. А. Галагузовой обозначена структурообразующая функция. Она указывает: «По мере развития науки понятия, выражающие наиболее фундаментальные уровни осмысления и понимания исследуемых ею явлений, занимают особое – центральное, структурообразующее – место в системе ее понятий и приобретают статус категорий» [14, с. 441–442]. Рассматриваемая функция позволяет «установить логические связи и отношения между терминами, определить степень их сформированности, выявить основные тенденции исторического изменения понятийно-терминологического аппарата в целом» [27, с. 21]. Опора на эти функции обеспечивает относительную устойчивость системы категорий, что выражается в способности сохранения ее текущего состояния и долгосрочного равновесия.

Э. В. Кузнецова полагает, что научные термины обладают рядом существенных признаков – выражают научное понятие; функционируют как члены определенных терминосистем; к ним предъявляется требование однозначности и отсутствия синонимии; их употребление мотивировано [31, с. 172–175], так как термины «легко поддаются сознательному воздействию, регулированию и упорядочению» [9].

Важным для нас является мнение А. Ф. Закировой: «Логико-гносеологический подход к педагогическому знанию и процессу его освоения с точки зрения коммуникативно-формообразующих характеристик обучения выражается в преимущественном употреблении научных терминов, которые по своей природе не допускают многозначности интерпретации в педагогике смыслов» [19, с. 212]. Данная позиция отправляет к идее формирования однозначности терминологического аппарата.

Однозначность понимания терминологического аппарата можно обеспечить, опираясь на важные для исследования позиции. Научные понятия объединяются по определенным признакам, принадлежащим «к определенной области научного знания» [33, с. 44]. Термины включены в две основные системы – логико-понятийную, характерную для конкретной научной области, и лексическую, относящуюся к общелитературному языку. Эти сферы обнаруживают дефинитивную функцию терминов. Термин обладает знаковым выражением понятия, что иллюстрирует его номинативную функцию. Использование категориально-терминологического аппарата в определенных сферах профессиональной деятельности, или профессионального общения, формируют еще два функциональных назначения терминов – информационную и коммуникативную.

Методология и методы

В разработке категориальной системы будем исходить из понимания методоло-

гии как одного «из самых неопределенных, многозначных и подчас спорных понятий» [5, с. 7], где содержание современного методологического знания находится в постоянном совершенствовании, благодаря чему «методология приобретает системность и целостность на основе интеграции методологических подходов и соответствующих им принципов»¹. Идея интеграции методологических подходов предвосхищает движение от конкретного к абстрактному. Разработка категориальной системы опирается на общеизвестный тезис о наличии в методологии трех уровней, каждый из которых имеет наполнение.

Общая методология имеет опору на философские научные подходы к исследованию. В данной работе обратимся к системному, категориальному и целостному подходам. Опора на категориальный и системный подходы определяется предметом исследования, а целостный требует обоснования.

Специальная методология отражает конкретно-научный ее уровень и ориентирует исследование на выявление знаний о категориальной системе. Этому уровню методологии исследования соответствует определение, отраженное в Большом энциклопедическом словаре: «Методология – учение о системе понятий и их отношений при реализации и построении научно-практической деятельности людей» [11, с. 764].

Частная методология отражает технологический уровень и подразумевает использование методов, направленных на всестороннее исследование и обоснование категорий социального воспитания.

В обосновании категориальных систем возможно применение общеизвестных теоретических методов исследования и катего-

риальных методов, которые отвечают задачам исследования, разработаны на основе синтеза категориального и системного подходов и в научных исследованиях применяются сравнительно недавно, но при этом имея исторически обусловленные корни.

Классификация категориальных методов включает:

а) распространенные схемы систем: схему «черный ящик», универсальную схему взаимодействия, схему функциональной системы;

б) методы исследования, основанные на идее триадичности: метод триадных сетей, формально-логический метод определения понятия;

в) методы исследования активного качества в объектах: метод «Порядок следования целей», метод «Конечный информационный поток», метод «Ряд информационных критериев»;

г) методы исследования объектов с внутренними противоречиями: схему противоречия, схему противоречия гомеостатического типа;

д) методы категориальной символики: алхимический крест, кельтский крест, пентаграмму у-син, гексаграмму;

е) метод категориального маятника;

ж) методы теории динамических информационных систем: метод триадичной дешифровки категорий, метод мутаций (перестановок) категорий².

Категориальные методы исследования обладают значимым потенциалом в приближении к необходимым стандартам рациональности. Они создают возможность для экстраполяции научного знания путем репрезентации предметной области исследования с переходом от словесно-образных форм представления информации

¹ Питоков В. Ю. Основы педагогической технологии : учеб.-метод. пособие. – М. : Гном и Д, 2001. – С. 174.

² См.: Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) : учебник. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 227 с.

к построению качественных категориальных моделей с выраженной опорой на закономерности диалектики, системный, категориальный и целостный подходы. Даже беглый взгляд на классификацию категориальных методов позволяет говорить о многообразии методов и возможностях, которые они дают исследователю для выявления и анализа систем понятий.

Результаты

Полагаем, что в качестве базовых подходов при исследовании категориальных систем необходимо опираться на категориальный, системный и целостный подходы. Обоснуем свою позицию.

Категориальный подход применяется во многих исследованиях. Его основные понятия: категория, категориальная схема, категориальная система. Его развитие заложено в учение И. Канта о категориях, где категориальные схемы приобрели статус конструкций, управляющих мышлением. Категории являются системообразующим ядром тезауруса и представляются естественными, привычными, абсолютизированными в лексиконе той или иной системы научного знания. Особую значимость они получают в познавательном процессе общественно-гуманитарных исследований. Необходимо осознавать, что от точности употребления категорий зависят эффективность деятельности, адекватность ее понимания и толкования. В. А. Канке метко замечает: «Научная теория представляет собой жесткий языковой каркас, который грубо натягивается на мир единичных событий, навязывая ему объективные законы» [22, с. 182].

Обращаясь к категориальному подходу, обратим внимание на широкое применение в нем категоризации. Л. Г. Губанова и В. С. Самарина называют категоризацию мыслительной деятельностью, которая направлена на становление категорий в виде понятий, обобщение и классифицирование, для придания упорядоченности и система-

тизации наблюдаемых явлений [17, с. 90]. В то же время Н. О. Золотова в категоризации видит овладение категориальными структурами для обеспечения организации знаний о мире [20, с. 61]. Важно, что категоризацию может осуществлять человек, являющийся экспертом в рассматриваемой области. В противном случае, как считают P. Shafto и J. D. Coley, будет происходить опора лишь на внешнее [42].

P. Bloom высказал идею первичности усвоения категорий базового уровня в овладении значений слов [40]. Базовый уровень категорий дает максимум информации при минимальности затрат, продолжает E. Rosch [41]. Эти факты дают возможность понять мысль А. И. Розова: «Категориальная система представляет собой инструмент для решения важных жизненных задач» [37].

Вместе с тем исследования категориального аппарата имеют существенный недостаток, который А. А. Кильдюшева видит, с одной стороны, в разнообразии исследовательских подходов к определению категорий/понятий/терминов, что приводит к расширению познания феноменов, исследованию их с разных сторон; с другой стороны, может возникать неполнота и фрагментарность, что создает необходимость согласования определений понятий между собой [24, с. 171]. При этом категория является общей формой мышления, способом существования объекта в научной системе знаний.

Исследуя работы Аристотеля, Д. Э. Гизатуллин обнаружил, что «“категория” используется в значении “утверждение” (“высказывание”)». Смысл которого сводится к мыслительной операции по выделению в отдельное множество некоторых ситуаций, свойств, а также отношений между действительностью и познающим человеком» [15, с. 90]. Л. М. Босова обращает внимание на то, что «смысл – категория личностная»,

а его понимание «обусловлено особенностями опыта, интеллекта, психики человека», а «значение – общественно признанная и закрепленная категория языка» [13, с. 128–129].

С. И. Голенков в категории видит способности бытийного наличного устройства сущего и способы сказывания о его наличном бытийном устройстве [16, с. 114]. В. Л. Афанасьевский обнаруживает в ней форму познания, которая вносит «связь в синтетическое единство многообразного созерцания» [8, с. 10]. Он опирается на идеи И. Канта, связывая их со стремлением раскрытия категориальной формы содержательно и развития в них диалектической проблематики. Категориальную форму наиболее удобно рассматривать в схеме. Схема лишь представление о «способе, посредством которого воображение воплощает понятие в чувственном образе» [8, с. 11] или осуществляет «воспроизведение логики самого предмета» [8, с. 12]. Категориальный подход задает наиболее общее раскрытие объектов в научной системе знаний.

Системный подход складывается как способ мышления, первые представления которого можно найти еще в период Античности у Аристотеля. Он определил целое как состоящее из частей или элементов, а система состоит из качественно взаимосвязанных элементов [4, с. 4]. Г. В. Ф. Гегель считал, что порождение системы происходит благодаря абсолютной идее. И. Кант добавляет, что «под системой я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей» [23, с. 680]. В контексте «социального» интересна мысль К. Маркса об обществе, которое он раскрывает как сложную, упорядоченную, организованную систему. Основные понятия системного подхода: система, элемент, структура, функционирование, среда.

В. Г. Кодола утверждает, что «всякое социальное явление выступает в роли некой

начальной стадии исторического феномена. Признаки социального проявляются на некоем фоне исторического, поэтому целью наблюдения исторического является обоснование смысла каждого конкретного изменения социального, а смыслом творения социального является достижение некоей цели исторического» [25, с. 101]. Следовательно, категория социального часто рассматривается как «чистое знание».

В социальном тезаурусе ключевыми являются общие и значимые понятия, которые дают характеристики уровня развития культуры и достижения человека в постижении действительности [3, с. 89]. В систематизированной концептуальной картине мира выделяется важное свойство мыслительных операций человека, заключающееся в моделировании различных категориальных типов, за основу которого берутся признаки или прототипы, создающие доступность и понятность знания [26, с. 100].

Обращаясь к категоризации в системном подходе, А. В. Бондарко полагает, что она реализуется в схеме построения категории: центр – периферия – континуальность – частичные пересечения категорий [12, с. 299]. Наиболее часто в исследованиях наблюдается потребность в выявлении, формулировке или канонизации понятий как само собой разумеющихся операций в атрибутивной составляющей рационального мышления [1, с. 9]. Системный подход в исследовании категорий способствует выявлению связей и взаимозависимостей между ними.

Целостный подход к педагогическим исследованиям разрабатывался В. С. Ильиным, В. В. Сериковым, Н. К. Сергеевым и др. Его основные понятия: целое, целостность, целостная единица, целостнообразующие факторы.

В. В. Юдин отмечает: «Чтобы понять процесс, явление, тенденции, чтобы правильно повлиять на систему, надо опериро-

вать целым, неразрывным единством» [39, с. 4]. Реализация целостного подхода предполагает опору на основные принципы, обоснованные В. С. Ильиным: постепенность, непрерывность, преемственность и т. д., ее этапный и стадийный характер [21].

В. Г. Афанасьев указывает: «...наиболее общим, универсальным основанием целостности является материальное единство мира, присущий объективному миру всеобщий принцип движения, взаимодействия, который, однако, модифицируется в различных областях действительности и в каждом конкретном типе целостной системы обретает свою особую специфическую форму» [7, с. 62]. Целостность определяется как «совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим ее частям» [6, с. 9].

Целостный и системный подходы тесно взаимосвязаны, поэтому «с самого начала исследования проблема целостности рассматривается во взаимосвязи с анализом различного рода систем, что, естественно, заставляет ученых, с одной стороны, разграничить понятия “система” и “целостность”, а с другой – найти общее [18, с. 8]. Это согласуется с определением целостности, данным Б. К. Лебедевым: «Целостность есть качество системы» [32, с. 123].

Таким образом, система и целостность будут рассматриваться как характеристики, фундаментальные свойства и атрибуты категорий социального воспитания. При этом целостный объект будем характеризовать и в пространственной, и во временной организованности. Целостный подход в отношении исследования социального воспитания нацеливает на рассмотрение его как целостного феномена, где решаются вопросы о природе социального воспитания, выделении целостных единиц для анализа, учете законов развития социального воспитания.

В процессе работы над категориями социального воспитания мы опирались на мысль И. А. Липского: «Взаимосвязь основных категорий социальной педагогики (“деятельность”, “объект”, “предмет”, “цель”, “задачи”) применительно ко всем трем ее качественным состояниям позволяет более точно конституировать ее как феномен, находящийся на стыке социальной и педагогической наук» [34, с. 435]. Таким образом, категориальные системы следует изучать как с исторических позиций, что вполне очевидно, так и с опорой на «междисциплинарный характер и учитывать результаты исследований в сфере не только истории педагогики, но и философии, филологии, терминоведения, культурологии и пр.» [28, с. 84].

Проведенный анализ теоретических подходов к анализу проблемы исследования позволяет сформулировать понимание важного для исследования положения. Под категориальной системой социального воспитания будем понимать специально разработанную форму организации научного знания, позволяющую целостно представлять объекты социального воспитания посредством заданных осмысленных отношений в совокупности их взаимодействия. Категориальная система находит отражение в категориально-терминологическом аппарате, используемом в науке. В теории социального воспитания выделяются собственные категории и категории, используемые в других науках. Это определяется тем, что категориальная система социального воспитания является производной от понятийной системы социальной педагогики, которая возникла на стыке социологии и педагогики.

При формировании категориальной системы социального воспитания применим две их разновидности:

1. Категориальные схемы предназначены для моделирования категорий и раз-

работки (представления моделей родов знаний). Предмет категориальных схем – знания, образующие внутреннюю «архитектуру» мышления и отраженные в форме особых конструкторов.

2. Категориальные модели, выступающие в роли родов бытия. Категориальные модели в исследовании выступают в форме метафизических априорных конструкций.

Разработка проблемы изучения, описания, объяснения и получения нового знания о категориальной системе социального воспитания предполагает обращение к характеристикам социального воспитания, его тенденций, противоречий и рисков. Ключевая категория выступает фундаментом теории социального воспитания, а ее категориально-терминологический аппарат должен включать синтезированные, интерпретативные и дополнительные категории. Системообразующие категории социального воспитания образуют каркас категориальной системы и должны раскрыть целевую и объектно-предметную составляющую с раскрытием в том числе содержательных категорий. Процессуальные категории способствуют раскрытию тех из них, которые определяют реализацию социального воспитания на практике, в том числе в различных противоречивых, критичных, опасных социальных ситуациях.

Основными достижениями в науке по формированию категориальных систем является то, что это происходит с опорой на подходы, применяемые к анализу и систематизации категорий в различных науках. Словарный, или алфавитный, подход предполагает формирование систем категорий по алфавиту и применяется для разработки словарно-энциклопедических изданий. Аналитический подход дает возможность выделения категорий на основе формальной логики. Однако сложность подхода заключается в том, что категории остаются рассогласованными с реальным содержа-

нием конкретной культуры. Аксиоматический подход формирования систем понятий опирается на единство социальных и культурных систем, на основе опровержения и замены аксиом. Эмпирический подход основан на глубоком изучении опыта. Достоинством подхода является эвристичность сформированного категориального аппарата в реагировании на быстрые социальные изменения. Указанные подходы позволяют на уровне абстрактной логики формировать понятийно-категориальный аппарат разных наук.

Как правило, новые категории и термины формируются двумя путями. Первый состоит в процессуальной стороне развития научных знаний, что ведет к опережающему развитию в формировании научных категорий. Второй путь состоит в заимствовании категорий из других частных наук, и они выходят за пределы этой науки, приобретая всеобщий характер. Ведь известно, что понятия и термины являются основным «строительным материалом» науки и их случайность употребления может создавать ложные, искаженные или противоречивые представления о сущности употребляемых понятий.

В современной педагогике можно выделить значимую проблему – нерешенность систематизации категорий. Попытки решения данной проблемы немногочисленны. Так, Е. А. Кошкина выделяет педагогическую классификацию научных категорий, где наличествуют четыре группы: общепедагогические понятия и термины, понятия и термины теории воспитания, понятия и термины дидактики, школоведческие понятия и термины [29, с. 159]. Другая классификация отражает связи педагогики с другими науками: философские понятия и термины, собственные понятия и термины педагогической науки, общенаучные понятия и термины, понятия и термины, заимствованные у других наук [30].

В основе «лексикологической классификации» лежат научная ценность и степень зрелости педагогических терминов. Классификация содержит две группы. В первую группу включены стабильные термины – терминологические и номенклатурные обозначения. Вторая группа более обширна и содержит условные термины: индивидуальные термины; образные выражения; обиходные слова, употребленные как педагогические термины; провизорные термины, находящиеся на стадии оформления [29, с. 159]. По степени заимствования понятийно-терминологический аппарат педагогики включает общенаучные понятия, понятия из других наук, собственно педагогические понятия [35, с. 9–10].

Обсуждение

Л. А. Беляева предлагает классифицировать категории на основе принципа общности с использованием известной классификации категорий науки: философские, общенаучные, частнонаучные и специальные [10]. В этом видении нами разрабатывается система категорий, которую можно отнести к специальным. Но тогда затруднительно осуществлять дальнейшую систематику категорий социального воспитания. Для преодоления выявленного затруднения мы предлагаем классифицировать категории социального воспитания на основе опоры на два критерия: назначение категории и механизм образования категории. Классификация обеспечивает целостность на основе опоры на иерархичность, для чего выделяются критерии классифицирования. При этом выделение категорий по первому критерию обозначим категориями первого порядка, а по второму критерию – соответственно категориями второго порядка.

Критерием классификации категорий первого порядка является их назначение. В иерархии категорий первого порядка выделим три вида категорий: основная категория, системообразующие и процессные

категории. Под основной категорией будем понимать категорию, составляющую основу социального воспитания; под системообразующими – те, которые создают систему, вызывают необходимость ее упорядочивания; под процессными – категории, отражающие реализацию процесса социального воспитания.

Механизмами образования категорий второго порядка выступают синтез и интеграция, что и задает наименование видов категорий: ключевая, синтезированные, интегрированные. Для обеспечения полноты включим дополнительные категории как вид. Ключевая категория – категория, отражающая наиболее значимые отношения в категориальной системе; синтезированные категории – те, которые получены в результате категориального синтеза; интегрированные категории – категории, образованные путем объединения синтезированных категорий; дополнительные категории – категории, восполняющие недостающее при категоризации.

Заключение

Определены методологические основания исследования, выступающие в качестве ориентиров. Мы исходим из того, что категориальный подход задает наиболее общее раскрытие объектов в научной системе знаний, где категории выступают системообразующим ядром тезауруса, абсолютизированными в лексиконе той или иной системы научного знания. Системный подход в исследовании категорий способствует выявлению связей и взаимозависимостей между ними. Целостный подход позволяет раскрыть категории как совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим ее частям.

Для описания категориальной системы социального воспитания предложена классификация категорий с опорой на два кри-

терия: назначение категории и механизм ее образования. При этом выделение категорий по первому критерию обозначено категориями первого порядка, где выделены основная категория, системообразующие и процессные категории, а по второму критерию – категориями второго порядка, куда включены ключевая категория, синтезированные и интегрированные категории.

Системообразующими признаками категориальной системы социального воспитания выступают:

а) целостность в структуре категорий,

отраженная характеристикой иерархичности, что выражено наличием двух уровней категорий, образующих категории первого и второго порядка;

б) относительная устойчивость системы категорий, выражающаяся в способности сохранения ее текущего состояния и долгосрочного равновесия;

в) относительная открытость, имеющая проявления в таких свойствах, как взаимосвязанность категорий и их взаимосогласованность в категориальной системе и практике социального воспитания.

Список источников

1. *Абрамова И. Г.* Теория педагогического риска : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 1996. – 36 с.
2. *Аксёнова Л. И.* Интеграционные процессы в системе социально-педагогического знания // Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. – М. : ВЛАДОС, 2007. – Вып. 5. – С. 545–561.
3. *Антошин С. С.* Категории – атрибут научной и социально-преобразовательной деятельности // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 87–103.
4. *Аристотель.* Категории // Сочинения : в 4 т. / под ред. З. Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 688 с.
5. *Афанасьев В. В., Грибкова О. В., Уколова Л. И.* Методология и методы научного исследования. – М. : Юрайт, 2019. – 154 с.
6. *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. – М. : Мысль, 1964. – 416 с.
7. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. – М. : Политиздат, 1980. – 368 с.
8. *Афанасьевский В. Л.* Учение И. Канта о категориях (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2020. – № 2 (73). – С. 10–14.
9. *Бархударов С. Г.* О значении и задачах научных исследований в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Наука, 1970. – С. 157–162.
10. *Беляева Л. А.* Философия образования и педагогика в их взаимосвязи // Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. – М. : ВЛАДОС, 2007. – Вып. 5. – С. 68–74.
11. Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая российская энциклопедия, 2000. – 1 456 с.
12. *Бондарко А. В.* О системном подходе в изучении языковых значений // Русский язык : исторические судьбы и современность : сб. ст. по материалам II Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М. : Издательство МГУ, 2004. – С. 290–299.
13. *Босова Л. М.* Слово : значение, смысл // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Ю. Н. Марчука. – М. : Московский государственный областной университет, 2019. – С. 122–129.
14. *Галагузова М. А.* Социальная педагогика : проблемы интеграции и дифференциации понятийного аппарата // Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. – М. : ВЛАДОС, 2007. – Вып. 5. – С. 441–450.
15. *Гизатуллин Д. Э.* Общенаучные и философские аспекты термина «категория» в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12, ч. 2. – С. 90–93.

16. *Голенков С. И.* Понимание понимания : от категории к концепту // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества : сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-теор. конф., посвящ. памяти д-ра филос. наук, проф. Г. Ф. Миронова. – Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2018. – С. 113–122.
17. *Губанова Л. Г., Самарина В. С.* К вопросу о категоризации, категориях и прототипах (на примере английского языка) // Филологические науки : вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (70). – С. 89–91.
18. *Данюшенков В. С.* Целостный подход к формированию познавательной активности в обучении : монография. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. – 195 с.
19. *Закирова А. Ф.* Педагогическая герменевтика. – М. : Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2006. – 328 с.
20. *Золотова Н. О.* Категоризация как проблемное поле психолингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1 (32). – С. 61–67.
21. *Ильин В. С.* О концепции целостного учебно-воспитательного процесса // Методологические основания совершенствования учебно-воспитательного процесса / под ред. В. С. Ильина. – Волгоград : ВГПИ, 1981. – С. 5–21.
22. *Канке В. А.* Основные философские концепции и концепции науки. Итоги XX столетия. – М. : Логос, 2000. – 320 с.
23. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1963. – Т. 3. – 798 с.
24. *Кильдюшева А. А.* Конструирование дефиниции категории «музей» триадическим методом // Вестник Омского университета. – 2018. – Т. 23, № 3. – С. 170–180.
25. *Кодола В. Г.* Трансцендентального материализма категории исторического и социального // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 97–104.
26. *Коновалова М. В.* К вопросу о когнитивной категории в медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 4 (426). – С. 100–108.
27. *Кошкина Е. А.* Анализ подходов к структурированию терминологии отечественной дидактики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 170. – С. 17–25.
28. *Кошкина Е. А.* Понятийно-терминологический аппарат педагогики как предмет историко-педагогического исследования // Образование и наука. – 2012. – № 5 (94). – С. 83–95.
29. *Кошкина Е. А.* Педагогическая терминология как объект междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 339. – С. 155–160.
30. *Круглый стол «Актуальные понятия современной педагогики»* // Педагогика. – 2003. – № 7. – С. 44–60.
31. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. – М. : Высшая школа, 1989. – 215 с.
32. *Лебедев Б. К.* Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. – М. : Наука, 1983. – 124 с.
33. *Левит А. А.* Понятийные категории, выражаемые терминами области астрофизики // Научный диалог. – 2017. – № 6. – С. 43–58. – DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-43-58.
34. *Липский И. А.* Социальная педагогика: статус и структура // Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. – М. : ВЛАДОС, 2007. – Вып. 5. – С. 426–440.
35. *Перминова Л. М.* Понятийно-терминологический аппарат педагогики : пути обогащения и развития (методологический анализ) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия : Педагогические и психологические науки. – 2019. – № 39 (58). – С. 9–20.
36. *Полонский В. М.* Белка в колесе : почему педагогика стоит на месте // Мир образования. Образование в мире. – 2006. – № 3 (23). – С. 168–175.
37. *Розов А. И.* Проблемы категоризации : теория и практика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1986/863/863090.htm>.
38. *Штинова Г. Н.* Образование в контексте понятийно-терминологических проблем педагогики : монография / науч. ред. М. А. Галагузова. – Екатеринбург : Издательство УрГПУ, 1999. – 146 с.

39. Юдин В. В. Целостный подход в образовании : современное видение // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (134). – С. 4–12.
40. Bloom P. Mindreading, Communication and the Learning of Names for Things // *Mind & Language*. – New Haven : Yale University, 2002. – Vol. 17. – P. 37–54.
41. Rosch E. Reclaiming Concepts // *The Journal of Consciousness Studies*. – 1999. – No. 6 (11–12). – P. 61–77.
42. Shafto P., Coley J. D. Development of Categorization and Reasoning in the Natural World : Novices to Experts, Naive similarity to Ecological Knowledge // *Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory, and Cognition*. – 2003. – Vol. 29, No. 4. – P. 641–649. – DOI: 10.1037/0278-7393.29.4.641.

References

1. Abramova I. G. Theory of pedagogical risk: Abstract of Doc. Sci. (Ped.) Dissertation. Saint Petersburg, 1996, 36 p. (In Russ.)
2. Aksyonova L. I. Integration processes in the system of social and pedagogical knowledge. Conceptual apparatus of pedagogy and education: collection of articles. Iss 5. Ed. E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova. Moscow, 2007, P. 545–561. (In Russ.)
3. Antyushin S. S. Categories – an attribute of scientific and social-transformative activity. *Pravosudie = Justice*. 2020; 2; 2: 87–103. (In Russ.)
4. Aristotle. Categories. Writings. In 4 vol. Vol. 2 / Ed. Z. N. Mikeladze. Moscow, 1978, 688 p. (In Russ.)
5. Afanasyev V. V., Gribkova O. V., Ukolova L. I. Methodology and methods of scientific research. Moscow, 2019, 154 p. (In Russ.)
6. Afanasyev V. G. The problem of integrity in philosophy and biology. Moscow, 1964, 416 p. (In Russ.)
7. Afanasyev V. G. Systematicity and society. Moscow, 1980, 368 p. (In Russ.)
8. Afanasyevsky V. L. I. Kant's doctrine of categories (to the problem statement). *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk = Actual problems of the humanities and socio-economic sciences*. 2020; 2 (73): 10–14. (In Russ.)
9. Barkhudarov S. G. On the meaning and tasks of scientific research in the field of terminology. Linguistic problems of scientific and technical terminology. Ed. S. G. Barkhudarov. Moscow, 1970, P. 157–162. (In Russ.)
10. Belyaeva L. A. Philosophy of education and pedagogy in their relationship. Conceptual apparatus of pedagogy and education: collection of articles. Iss. 5. Ed. E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova. Moscow, 2007, P. 68–74. (In Russ.)
11. Big encyclopedic dictionary. Ed. A. M. Prokhorov. 2nd ed. Moscow, 2000, 1 456 p. (In Russ.)
12. Bondarko A. V. On a systematic approach to the study of linguistic meanings. Russian language: historical fate and modernity: collection of articles. articles based on the materials of the II International Congress of Russian Language Researchers. Moscow, 2004, P. 290–299. (In Russ.)
13. Bosova L. M. Word: meaning, meaning. Collection of the articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of Doc. Sci. in Philology Prof. Yu. N. Marchuk. Moscow, 2019, P. 122–129. (In Russ.)
14. Galaguzova M. A. Social pedagogy: problems of integration and differentiation of the conceptual apparatus. Conceptual apparatus of pedagogy and education: collection of articles. Iss. 5. Ed. E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova. Moscow, 2007, P. 441–450. (In Russ.)
15. Gizatullin D. E. General scientific and philosophical aspects of the term “category” in linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017; 12 (2): 90–93. (In Russ.)
16. Golenkov S. I. Understanding of understanding: from category to concept. Creativity and culture in the light of philosophical reflection. Creativity of culture and culture of creativity: collection of scientific works of the VI International scientific-theoretical conference in memory of Doc. Sci. in Philosophy Prof. G. F. Mironov. Ulyanovsk, 2018, P. 113–122. (In Russ.)

17. Gubanova L. G., Samarina V. S. To the question of categorization, categories and prototypes (on the example of the English language). *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences: questions of theory and practice. 2017; 2 (70): 89–91. (In Russ.)
18. Danyushenkov V. S. The holistic approach to the formation of cognitive activity in learning: monograph. Kirov, 2016, 195 p. (In Russ.)
19. Zakirova A. F. Pedagogical hermeneutics. Moscow, 2006, 328 p. (In Russ.)
20. Zolotova N. O. Categorization as a problem field of psycholinguistic research. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya* = Theory of language and intercultural communication. 2019; 1 (32): 61–67. (In Russ.)
21. Ilyin V. S. Methodological foundations for improving the educational process. Ed. V. S. Ilyin. Volgograd, 1981, P. 5–21. (In Russ.)
22. Kanke V. A. Basic philosophical concepts and concepts of science. Results of the XX century. Moscow, 2000, 320 p. (In Russ.)
23. Kant I. Works. in 6 vol. Vol. 3. Moscow, 1963, 798 p. (In Russ.)
24. Kildyusheva A. A. Construction of the definition of the category “museum” by the triadic method. *Vestnik Omskogo universiteta* = Bulletin of Omsk University. 2018; 23, 3: 170–180. (In Russ.)
25. Kodola V. G. Transcendental materialism of the category of historical and social. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and socio-educational thought. 2019; 11, 4: 97–104. (In Russ.)
26. Konovalova M. V. On the question of the cognitive category in media discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2019; 4 (426): 100–108. (In Russ.)
27. Koshkina E. A. Analysis of approaches to structuring the terminology of domestic didactics. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* = Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. 2014; 170: 17–25. (In Russ.)
28. Koshkina E. A. Conceptual and terminological apparatus of pedagogy as a subject of historical and pedagogical research. *Obrazovanie i nauka*. 2012; 5 (94): 83–95. (In Russ.)
29. Koshkina E. A. Pedagogical terminology as an object of interdisciplinary research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Tomsk State University. 2010. 339: 155–160. (In Russ.)
30. The round table “Actual concepts of modern pedagogy”. *Pedagogika* = Pedagogy. 2003; 7: 44–60. (In Russ.)
31. Kuznetsova E. V. Lexicology of the Russian language. Moscow, 1989, 215 p. (In Russ.)
32. Lebedev B. K. The social structure of socialist society and the all-round development of the individual. Moscow, 1983, 124 p. (In Russ.)
33. Levit A. A. Conceptual categories expressed in terms of the field of astrophysics. *Nauchnyj dialog* = Scientific dialogue. 2017; 6: 43–58. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2017-6-43-58. (In Russ.)
34. Lipskiy I. A. Social pedagogy: status and structure. Conceptual apparatus of pedagogy and education: collection of articles. Iss. 5. Ed. E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova. Moscow, 2007, P. 426–440. (In Russ.)
35. Perminova L. M. Conceptual and terminological apparatus of pedagogy: ways of enrichment and development (methodological analysis). *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki* = Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Pedagogical and Psychological Sciences. 2019; 39 (58): 9–20. (In Russ.)
36. Polonsky V. M. Squirrel in the wheel: why pedagogy stands still. *Mir obrazovaniya. Obrazovanie v mire* = World of education. Education in the world. 2006; 3 (23): 168–175. (In Russ.)
37. Rozov A. I. Categorization problems: theory and practice [Electronic resource]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1986/863/863090.htm>. (In Russ.)
38. Shitnova G. N. Education in the context of conceptual and terminological problems of pedagogy. Ekaterinburg, 1999, 146 p. (In Russ.)

39. *Yudin V. V.* Holistic approach in education: modern vision. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2019; 1 (134): 4–12. (In Russ.)
40. *Bloom P.* Mindreading, Communication and the Learning of Names for Things. *Mind & Language*. New Haven: Yale University. 2002; 17: 37–54. (In Eng.)
41. *Rosch E.* Reclaiming Concepts. *The Journal of Consciousness Studies*. 1999; 6 (11–12): 61–77. (In Eng.)
42. *Shafto P., Coley J. D.* Development of Categorization and Reasoning in the Natural World: Novices to Experts, Naive similarity to Ecological Knowledge. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2003; 29; 4: 641–649. DOI: 10.1037/0278-7393.29.4.641. (In Eng.)

Поступила 29.10.2021.

Сведения об авторе

Аксютина Зульфия Абдуллоевна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной педагогики и социальной работы, Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия). Область научных интересов – методология и теория социального воспитания. Автор более 200 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>.

E-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

Submitted 29.10.2021.

About the author

Zulfiya A. Aksyutina – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Social Work, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia). Research interests: methodology and theory of social education. The author of over 200 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>.

E-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

УДК 373.24

О. И. Кокорева¹, С. Н. Башинова², И. В. Тараскина³¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия), e-mail: oxiko@list.ru² Казанский федеральный университет
(Казань, Россия), e-mail: svetlana-bashinova@mail.ru³ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: taraskina@isi.mrsu.ru

Коррекция негативных проявлений у детей трех лет в условиях детского сада

Введение. Ранний возраст – важный и очень сложный этап в развитии личности человека. Проблема преодоления негативных проявлений в период кризиса трех лет представляется особенно актуальной, потому что на этом этапе происходит формирование сознания и позиции личности ребенка. Отсутствие специальных условий для воспитания и общения с ребенком, учитывающих возрастные особенности и способствующих плавному протеканию перестройки психики, может привести к необратимым последствиям, оказывающим влияние на развитие личности в дальнейшем. Различные пути и варианты преодоления кризиса трех лет рассматривали отечественные и зарубежные педагоги и психологи: Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон, Г. Бронсон, С. Вульф, Т. В. Гуськова, М. Г. Елагина, Т. Е. Драгунова, М. И. Лисина, А. Кларк, Н. А. Менчинская, В. С. Мухина, Дж. Русек, Л. Уайт, Э. Келер. Среди условий успешного преодоления кризиса они называют учет новых потребностей ребенка; уважение взрослыми личности ребенка и тактичное отношение к нему, особенно в конфликтных, эмоционально-напряженных ситуациях; отказ от стремления укрощать ребенка, предоставлять ему возможности в разумных пределах демонстрировать самостоятельность; снятие ситуаций, приводящих ребенка к стрессовому состоянию и обострению взаимоотношений с окружающими. Однако в большинстве случаев рекомендации, как этого достичь, носят общий характер и касаются воспитания ребенка в семье. Анализ предлагаемых способов преодоления негативных проявлений кризиса трех лет показал, что они не дают достаточной характеристики психолого-педагогических условий, необходимых для эволюционного развития личности на данном возрастном этапе. В них нет целостной картины психолого-педагогических воздействий на ребенка, не рассматриваются роль педагога детского сада и возможности дошкольной образовательной организации в преодолении этого кризиса, хотя значительное число детей дошкольного возраста посещают в настоящее время детские сады. Поэтому возникла необходимость рассмотреть возможности снижения негативных симптомов кризиса трех лет с обозначенных точек зрения. **Материалы и методы.** Теоретический анализ литературы, анализ состояния практики, обобщение полученных эмпирическим путем данных, наблюдение, беседа, эксперимент, математические методы обработки данных. Результаты исследования. Ярко выраженные симптомы кризиса наблюдались у 59 % детей, среди них

© Кокорева О. И., Башинова С. Н., Тараскина И. В., 2022

своеволие диагностировано у 67 %, упрямство – у 63, негативизм – у 46, стремление к деспотизму – у 33, обесценивание – у 29 % детей. Ситуативные проявления симптомов присутствуют у 44 %, частые – у 22 % из них. Наиболее частой причиной негативных поведенческих реакций детей трех лет является неправильное воздействие со стороны взрослых, не желающих учитывать изменяющиеся с возрастом потребности и возможности ребенка и препятствующих проявлению самостоятельности детей. Направленность негативных проявлений на взрослых составила 67 %. **Обсуждение и заключение.** Наиболее эффективным преодолению негативных проявлений кризиса трех лет будет при условии создания развивающей среды, направленной на снижение негативных реакций ребенка и обеспечение положительного эмоционального фона взаимодействия со взрослыми и сверстниками; своевременного диагностирования проявлений негативных поведенческих реакций, свидетельствующих о наличии кризисных симптомов, с целью снижения их внешних и внутренних воздействий на развитие личности ребенка в целом; регулярного проведения специальных бесед с ребенком, направленных на формирование позитивного уровня взаимоотношений с взрослыми и сверстниками; создания игровых способов взаимодействия с ребенком раннего дошкольного возраста; взаимного сотрудничества с родителями для реализации принципа непрерывности воспитательного процесса по снижению негативных проявлений симптомов кризиса трех лет.

Ключевые слова: ранний возраст, кризис трех лет, негативные проявления, дошкольная образовательная организация.

Для цитирования: Кокорева О. И., Башинова С. Н., Тараскина И. В. Коррекции негативных проявлений у детей трех лет в условиях детского сада // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 97–106. DOI: 10.15507/2078-9823.57.022.202201.097-106.

Oksana I. Kokoreva¹, Svetlana N. Bashinova², Irina V. Taraskina³

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

(Tula, Russia), e-mail: oxiko@list.ru

² Kazan Federal University

(Kazan, Russia), e-mail: svetlana-bashinova@mail.ru

³ National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),

e-mail: taraskina@isi.mrsu.ru

Correction of Negative Manifestations in 3-year-old Children in Kindergarten Conditions

Introduction. The early age is an important and very difficult stage in the development of a person's personality. The problem of overcoming negative manifestations during the crisis of three years seems to be particularly relevant, because at this stage the formation of consciousness and the position of the child's personality takes place. The absence of special conditions for upbringing and communication with the child, taking into account age characteristics and contributing to the smooth course of the restructuring of the psyche, can lead to irreversible consequences that affect the development of personality in the future. Various ways and options for overcoming the crisis of three years were considered by domestic and foreign teachers and psychologists: L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, L. I. Bozhovich, D. B. Elkonin, E. Erickson, G. Bronson, S. Wolf, T. V. Guskova, M. G. Elagina, T. E. Dragunova, M. I. Lisina, A. Clark, N. A. Menchinskaya, V. S. Mukhina, J. Rusek, L. White, E. Koehler. Among the conditions for successfully overcoming the crisis, they call taking into account the new needs of a child, respect for the child's personality by adults and a tactful attitude towards him or her, especially in conflict emotionally stressful

situations, abandoning the desire to tame the child, giving him reasonable opportunities to demonstrate his/her independence, removing situations that lead a child to stress and aggravation of relationships with others. However, in most cases, recommendations on how to achieve this are general and relate to the upbringing of a child in the family. The analysis of the proposed ways to overcome the negative manifestations of the crisis of three years has shown that they do not provide sufficient characteristics of the psychological and pedagogical conditions necessary for the evolutionary development of personality at this age stage. They do not have a complete picture of the psychological and pedagogical effects on a child, they do not consider the role of a kindergarten teacher and the possibilities of a pre-school educational organization in overcoming this crisis, although a significant number of pre-school children currently attend kindergartens. Therefore, it became necessary to consider the possibilities of reducing the negative symptoms of the crisis of three years from the designated points of view. **Materials and Methods.** Theoretical analysis of literature, analysis of the state of practice, generalization of empirically obtained data, observation, conversation, experiment, mathematical methods of data processing. **Results.** Pronounced symptoms of the crisis were observed in 59 % of children, among them self-will was diagnosed in 67 %, stubbornness in 63 %, negativism in 46 %, despotism in 33 %, depreciation in 29 % of children. Situational manifestations of symptoms are present in 44 %, frequent – in 22 % of them. The most common cause of negative behavioral reactions of three-year-old is improper influence on the part of adults who do not want to take into account the needs and capabilities of a child changing with age and preventing the manifestation of independence of children. The focus of negative manifestations on adults was 67 %. **Discussion and Conclusion.** The most effective way to overcome the negative manifestations of the crisis of three years will be under the conditions of creating a developing environment aimed at reducing the negative reactions of the child and ensuring a positive emotional background of interaction with adults and peers; timely diagnosis of manifestations of negative behavioral reactions indicating the presence of crisis symptoms, in order to reduce their external and internal effects on the development of the child's personality as a whole; regular special conversations with the child aimed at forming a positive level of relationships with adults and peers; creating playful ways of interacting with a child of early preschool age; mutual cooperation with parents to implement the principle of continuity of the educational process to reduce the negative manifestations of the symptoms of the crisis of three years.

Keywords: early age, crisis of three years, negative manifestations, preschool educational organization.

For citation: Kokoreva O. I., Bashinova S. N., Taraskina I. V. Correction of Negative Manifestations in 3-year-old Children in Kindergarten Conditions. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(1): 97–106 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.057.022.202201.097-106.

Введение

Актуальность темы исследования. Ранний возраст – важный и очень сложный этап в развитии личности человека. Проблема преодоления негативных проявлений в период кризиса трех лет представляется особенно актуальной, потому что на этом этапе происходит формирование сознания и позиции личности ребенка. Отсутствие специальных условий для воспитания и общения с ребенком, учитывающих возрастные особенности и способствующих

плавному протеканию перестройки психики, может привести к необратимым последствиям, оказывающим влияние на развитие личности в дальнейшем.

Различные пути и варианты преодоления кризиса трех лет рассматривали отечественные и зарубежные педагоги и психологи: Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, Э. Эрикссон, Г. Бронсон, С. Вульф, Т. В. Гуськова, М. Г. Елагина, Т. Е. Драгунова, М. И. Лисина, А. Кларк, Н. А. Менчинская, В. С. Мухи-

на, Дж. Русек, Л. Уайт, Э. Келер. Среди условий успешного преодоления кризиса они называют учет новых потребностей ребенка; уважение взрослыми личности ребенка и тактичное отношение к нему, особенно в конфликтных, эмоционально-напряженных ситуациях; отказ от стремления укрощать ребенка, предоставление ему возможности в разумных пределах продемонстрировать самостоятельность; снятие ситуаций, приводящих ребенка к стрессовому состоянию и обострению взаимоотношений с окружающими. Однако в большинстве случаев рекомендации, как этого достичь, носят общий характер и касаются воспитания ребенка в семье.

Анализ предлагаемых способов преодоления негативных проявлений кризиса трех лет показал, что они не дают достаточной характеристики условий, необходимых для эволюционного развития личности на данном возрастном этапе. В них нет целостной картины психолого-педагогических воздействий на ребенка, не рассматриваются роль педагога детского сада и возможности дошкольной образовательной организации в преодолении этого кризиса, хотя значительное число детей преддошкольного возраста посещают в настоящее время детские сады.

Обзор литературы

Впервые содержательную характеристику кризиса трех лет дала Э. Келер, выделив его симптомы – негативизм, упрямство, строптивость, своеволие, обесценивание взрослых, протест-бунт, стремление к деспотизму. Детальное описание «семизвездья симптомов» кризиса трех лет было дано Л. С. Выготским [2].

Рассматривая сущность психологической ситуации на границе раннего и дошкольного детства, А. Н. Леонтьев указывает на ее определяющую особенность – расхождение цели действия ребенка и ее мотива и считает ее первой ступенью к формированию личности [4].

По мнению Д. Б. Эльконина, кризисный период трех лет связан с новообразованиями в рамках предметной деятельности – возникновением личного действия и сознания «Я сам» [7]. Л. И. Божович центральным новообразованием раннего возраста считает «Систему Я», включающую два взаимосвязанных аспекта – знания о себе и отношение к себе – и обуславливающую возникновение потребности в самостоятельных действиях, реализации и утверждении своего «Я», степень реализации или депривации которой определяет течение и тяжесть симптоматики кризиса [1].

В работах Э. Эриксона и А. Кларка содержится утверждение, что кризис трех лет является своеобразным и чрезвычайно важным периодом в развитии личности ребенка, когда у него появляются уверенность в себе и ориентировка на социальную оценку во взаимоотношениях с социальным окружением [5–6].

Т. В. Гуськова в экспериментальном исследовании анализирует конструктивные составляющие кризиса трех лет и предлагает рассматривать его в двух аспектах: объективном (как проявление качественно нового в психической жизни ребенка) и субъективном (как общую картину симптомов) [3].

Методы

Авторами использованы теоретический анализ литературы, анализ состояния практики, обобщение полученных эмпирическим путем данных, наблюдение, беседа, эксперимент, математические методы обработки данных.

Результаты

Целью первого этапа исследования было выявление наличия симптомов кризиса у детей раннего возраста. Для объективной диагностики протекания кризиса трех лет у детей вначале была проведена беседа с воспитателями, которым были предложены следующие вопросы: «Какие изменения произошли в поведении ре-

бенка с момента поступления в детский сад?»; «Каковы взаимоотношения ребенка с взрослыми и детьми?»; «Часто ли и в какой форме он проявляет агрессию по отношению к другим?»; «Что является источником возникновения негативизма?»; «С какой интенсивностью проявляются отрицательные реакции ребенка и какие последствия они имеют?».

Анализ ответов педагогов показал: они считают, что при поступлении в детский сад или после периодов отсутствия по болезни в поведении большинства детей преобладают негативные реакции по отношению к окружающим взрослым и детям. В поведении детей наблюдается обострение стремления к независимости и самостоятельности. Все опрошенные педагоги утверждают, что реакция негативизма чаще встречается у активных детей, преимущественно у мальчиков, в форме «борьбы за свою свободу».

По мнению воспитателей, источником негативных проявлений ребенка служит неправильная позиция взрослых в семье по отношению к нему. Родители не считают нужным принимать во внимание особенности данной стадии развития ребенка во взаимодействии с ним, а ребенок в свою очередь переносит домашний опыт общения на других взрослых, неправильно воспринимая стремления других людей помочь, а не выполнять за него, посоветовать, а не настаивать на своем. В качестве наиболее частых проявлений симптоматики кризиса педагоги назвали негативизм и своеволие.

Наличие симптомов кризиса определялось методом включенного наблюдения за взаимоотношениями детей между собой, их отношением ко взрослым, игрушкам с созданием ситуаций, которые могли быть расценены ребенком как посягательство на его свободу и самостоятельность.

Анализ полученных результатов выполнялся с учетом деления детей на три под-

группы: дети, достигшие трехлетнего возраста (до трех лет одного месяца), дети до трех с половиной лет и дети, не достигшие трех лет (от двух лет девяти месяцев).

В первой группе симптомы кризиса присутствовали у 54 % детей, причем у мальчиков они выражены в 2 раза больше, чем у девочек. По частоте проявлений первое место занимало своеволие, второе – упрямство, третье – негативизм. Мы не выявили в этой группе стремление к деспотизму (ревность), строптивость, протест-бунт и обесценивание.

Во второй группе общее число детей, у которых проявлялись некоторые симптомы кризиса, меньше, чем в первой группе, и составило 42 %. Как и в первой группе, симптомы чаще проявлялись у мальчиков (67 %). По частоте проявлений симптомы распределялись следующим образом: негативизм, упрямство, своеволие, стремление к деспотизму, обесценивание. Строптивость и протест-бунт зафиксированы не были.

В третьей группе симптомы были диагностированы у 79 % детей. По частоте проявлений они располагались следующим образом: упрямство, обесценивание, своеволие, негативизм, стремление к деспотизму. Строптивость и протест-бунт по результатам наблюдений отсутствовали. По сравнению с другими двумя группами в этой мы наблюдали более высокие количественные показатели таких симптомов, как обесценивание и стремление к деспотизму.

Ярко выраженные симптомы кризиса наблюдались у 59 % детей, среди них своеволие диагностировано у 67 %, упрямство – у 63, негативизм – у 46, стремление к деспотизму – у 33, обесценивание – у 29 %. В то же время следует отметить, что у 41 % детей симптомы кризиса трех лет практически отсутствовали, возникая только как редкие эпизодические ситуативные проявления, что свидетель-

ствует о сглаженном его протекании, обусловленном двумя противоположными причинами. В качестве положительного аспекта выступает правильное взаимодействие взрослых с детьми в период перехода от раннего к дошкольному возрасту. Напротив, отрицательная причина отсутствия проявлений кризиса – это результат подавления личности, привычки ребенка, что за него все делают. В этом случае подавление всех попыток самостоятельности у малыша неизбежно задержит или вообще заблокирует ее развитие.

В процессе исследования мы выявили также, что при неправильном воспитании симптомы кризиса могут сохраняться до трех с половиной лет. Чрезмерная опека, лишаящая детей самостоятельности и самоутверждения, приводит к проявлению негативизма против взрослых, их желания помочь ребенку. Затянувшийся кризис может нанести непоправимый урон дальнейшему развитию личности ребенка.

На следующем этапе исследования выявлялись направленность негативных проявлений у детей, степень их адресованности взрослым, другим детям или игрушкам. Методами проведения данного исследования выступили включенное наблюдение, естественный эксперимент. Фиксировалось, на кого были обращены негативные эмоции детей – на взрослых, которые являлись прямым источником отрицательных эмоций, или на других детей и игрушки.

У детей первой группы в 43 % зафиксированных случаев негативные проявления были направлены на взрослых, в 36 – на детей, в 21 % – на игрушки. Во второй группе негативные проявления, направленные на других детей, составили 43 %, на взрослых – 29, на взрослых и на других детей – 28 %. При этом негативные проявления, направленные на игрушки, отсутствовали.

В третьей группе негативные проявления были отмечены гораздо чаще и адресо-

ваны, как правило, нескольким объектам. В 29,0 % зафиксированных случаев негативные реакции были направлены одновременно на взрослых, других детей и игрушки, в 14,0 – на взрослых и на игрушки, в 21,5 – на других детей и игрушки, в 14,0 – на игрушки, в 21,5 % – на взрослых.

Цель третьего этапа нашего исследования состояла в том, чтобы определить, являются ли негативные проявления у детей ситуативными, частыми или закрепленными. Для этого фиксировались частота их возникновения и длительность протекания.

Ситуативные проявления были выявлены в первой группе у 75 % детей, во второй – у 67, в третьей – у 49 %; частые – соответственно у 25, 33 и 51 %. Закрепленных проявлений диагностировано не было.

Обсуждение

В соответствии с целью исследования нами были выявлены и апробированы психолого-педагогические условия, способствующие преодолению негативных проявлений в поведении детей трех лет в условиях дошкольной образовательной организации. Мы считаем, что наиболее эффективным преодолению негативных проявлений кризиса трех лет будет при условии создания развивающей среды, направленной на снижение негативных реакций ребенка и обеспечение положительного эмоционального фона взаимодействия с взрослыми и сверстниками.

Не менее важным условием является своевременное диагностирование проявлений негативных поведенческих реакций, свидетельствующих о наличии кризисных симптомов, с целью снижения их внешних и внутренних воздействий на развитие личности ребенка в целом.

В педагогическом аспекте необходимым условием является регулярное чтение детям русских народных сказок и произведений детской художественной литературы с близким эмоциональному опыту

ребенка содержанием, сопровождающихся беседой о поступках героев и их влиянии на чувства и поведение других персонажей.

Для снятия симптоматики кризиса очень важно формировать позитивный уровень взаимоотношений детей с взрослыми и сверстниками путем проведения специальных бесед и использования игровых способов взаимодействия с ребенком в спонтанно возникающих и специально созданных ситуациях.

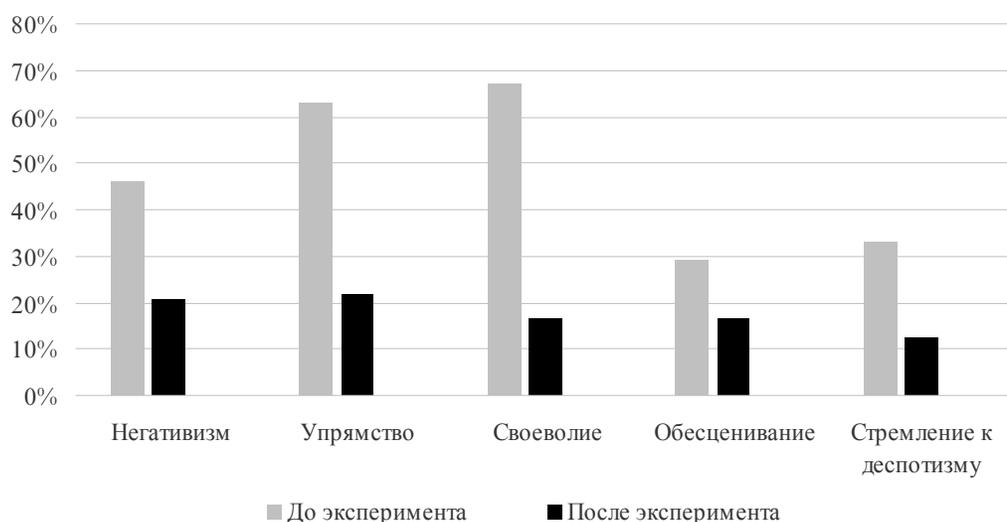
Учитывая определяющее влияние семьи как на позитивное, так и на негативное течение переходного периода, необходимым условием является организация взаимного сотрудничества с родителями для реализации принципа непрерывности воспитательного процесса по снижению

негативных проявлений симптомов кризиса трех лет.

Результатом воспитательной работы, организованной в соответствии с названными условиями, являются обретение ребенком навыков взаимоотношений со сверстниками и взрослыми на доступном ему в уровне взаимопонимания, доверия, уважения и сотрудничества; сформированность у ребенка позитивного «образа Я», развитие у него в элементарной форме умения осознавать свои чувства и переживания; приобретение навыков нахождения выхода из проблемных (стрессовых) ситуаций и выбора путей их разрешения самостоятельно или с минимальной помощью взрослого.

Контрольный этап исследования показал выраженную положительную динамику

Проявления симптомов кризиса у детей

Рисунок. Результаты диагностики проявления симптомов кризиса у детей до и после экспериментальной работы

Figure. The results of the diagnosis of symptoms of crisis in children before and after experimental work

ку изменений в проявлениях кризиса трех лет во всех группах. Общее число детей, у которых наблюдались симптомы кризиса, снизилось до 29,0 %, среди них своеволие диагностировано у 16,6 %, упрямство – у 29,1, негативизм – у 20,8, стремление к деспотизму – у 12,5, обесценивание – у 16,6 %. Результаты показывают, что число детей со своеволием сократилось в 4,0 раза, с упрямством – в 2,1, негативизмом – в 2,2, стремлением к деспотизму – в 2,6, обесцениванием – в 1,6 раза (рисунок).

Анализ результатов направленно-сти негативных проявлений у детей всех трех групп показал, что частота негативных проявлений на детей снизилась в 3,6 раза, на взрослых – в 1,7, на игрушки – в 2,0 раза. При этом ситуативные проявления сократились в 3,6, а частые – в 1,8 раза.

Заключение

Раннее детство является важнейшим этапом в развитии человека, в котором возникают начальные формы самосознания, строятся новые взаимоотношения с окружающими, формируется позиция ребенка, которая в дальнейшем во многом повлияет на становление личности.

Наиболее частой причиной негативных поведенческих реакций детей трех лет является неправильное воздействие со стороны взрослых, не желающих учитывать изменяющиеся с возрастом

потребности и возможности ребенка и препятствующих проявлению самостоятельности детей.

Неправильная организация воспитания ребенка приводит к задержке проявления симптомов кризиса, как в форме прямого конфликта со взрослыми, так и в виде переноса накопленных отрицательных эмоций на других детей и игрушки.

Для преодоления негативных проявлений, налаживания эмоционально положительно окрашенных взаимоотношений с детьми оптимальными являются игровые способы взаимодействия с ребенком в спонтанно возникающих и специально созданных ситуациях, чтение произведений детской художественной литературы с близким эмоциональному опыту ребенка содержанием.

Наше исследование не исчерпывает изучения всех путей и форм преодоления негативных поведенческих проявлений у детей в период кризиса трех лет. В частности, требуют дальнейшего изучения такие проблемы, как закрытость информации о внутрисемейных отношениях и работа педагогов и психологов с родителями детей раннего возраста. Решение этих и других проблем позволит оптимизировать развитие личности ребенка в период кризиса трех лет, что положительно скажется на последующих периодах его жизни.

Список источников

1. *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб. : Питер, 2008. – 400 с.
2. *Выготский Л. С.* Вопросы детской психологии. – М. : Юрайт, 2019. – 160 с.
3. *Гуськова Т. В., Елагина М. Г.* Личностные новообразования у детей в период кризиса 3 лет // Вопросы психологии. – 1987. – № 5. – С. 78–85.
4. *Обухова Л. Ф.* Возрастная психология. – М. : Юрайт ; МГППУ, 2011. – 460 с.
5. *Поливанова К. Н.* Психология возрастных кризисов. – М. : Академия, 2000. – 186 с.
6. Развитие личности ребенка : пер. с англ. / общ. ред. А. М. Фонарева. – М. : Прогресс, 1987. – 269 с.
7. *Эльконин Д. Б.* Детская психология. – М. : Академия, 2011. – 384 с.

References

1. *Bozhovich L. I.* Personality and its formation in childhood. Saint Petersburg, 2008, 400 p. (In Russ.)
2. *Ųygotsky L. S.* Questions of child psychology. Moscow, 2019, 160 p. (In Russ.)
3. *Guskova T. V., Elagina M. G.* Personality neoplasms in children during the crisis of 3 years. *Voprosy psihologii* = Questions of psychology. 1987; 5: 78–85. (In Russ.)
4. *Obukhova L. F.* Age psychology. Moscow, 2011, 460 p. (In Russ.)
5. *Polivanova K. N.* Psychology of age crises. Moscow, 2000, 186 p. (In Russ.)
6. Development of the child's personality. Moscow, 1987, 269 p. (In Russ.)
7. *Elkonin D. B.* Child psychology. Moscow, 2011, 384 p. (In Russ.)

Поступила 11.11.2021.

Сведения об авторах

Кокорева Оксана Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры специальной психологии, Тульский педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия). Область научных интересов: дошкольная педагогика и психология, обучение и воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья. Автор более 200 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8807-9109>.

E-mail: oxiko@list.ru

Башнинова Светлана Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра дошкольного образования, Институт психологии и образования, Казанский федеральный университет (Казань, Россия). Область научных интересов: психология детей дошкольного возраста, проблемы одаренности дошкольников, развитие детей с особыми образовательными потребностями, развивающая предметно-пространственная среда дошкольной образовательной организации. Автор 110 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5124-7439>.

E-mail: svetlana-bashinova@mail.ru

Тараскина Ирина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Область научных интересов – психологические основы профессионального мышления студентов. Автор 170 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-5154>.

E-mail: taraskina@isi.mrsu.ru

Submitted 11.11.2021.

About the authors

Oksana I. Kokoreva – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Special Psychology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia). Research interests: pre-school pedagogy and psychology, education and upbringing of children with disabilities. The author of more than 200 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8807-9109>.

E-mail: oxiko@list.ru

Svetlana N. Bashinova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Pre-school Education, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University (Kazan, Russia). Research interests: psychology of pre-school children, problems of giftedness of preschoolers, development of children with special educational needs, developing the subject-spatial environment

of a pre-school educational organization. The author of 110 scientific papers. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5124-7439>.

E-mail: svetlana-bashinova@mail.ru

Irina V. Taraskina – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, History and Sociology Institute, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychological foundations of professional thinking of students. The author of 170 scientific papers. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-5154>.

E-mail: taraskina@isi.mrsu.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 19.00.00 – Психологические науки.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подписанные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

– благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

– список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

– аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics: 07.00.00 – Historical sciences and archeology; 09.00.00 – Philosophical sciences; 19.00.00 – Psychological sciences.

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

- acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.
- the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5-2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.
- affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.